STUDIA CULTURAE

Выпуск 1 (27)

STUDIA CULTURAE ТОМ 1, № 27, 2016

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Евгений Соколов (Россия) СПбГУ

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА Александр Колосков (Россия) СПбГУ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ Екатерина Дементьева (Россия) СПбГУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАУЧНОГО СОВЕТА Борис Соколов (Россия) СПбГУ

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ НАУЧНОГО СОВЕТА Дмитрий Прокудин (Россия) СПбГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Райганат Абакарова (Россия); Анатолий Алексеев-Апраксин (Россия); Гарильо Бартоло (Италия); Ральф Беккер (Германия); Олег Борисов (Россия); Александр Величенко (Украина); Серик Джунусбаев (Казахстан); Людмила Клюкина (Россия); Павел Мартысюк (Белоруссия); Леон Миодоньский (Польша); Арто Хаапала (Финляндия).

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

Татьяна Акиндинова (Россия); Тициана Андина (Италия); Александр Апыхтин (Россия); Володимир Бугров (Украина); Валентина Дианова (Россия); Юрий Доманский (Россия); Ян Красицкий (Польша); Игорь Ларионов (Россия); Мария Могилевич (Россия); Лариса Морина (Россия); Никита Ноговицын (Россия); Надежда Орлова (Россия); Артём Радеев (Россия); Андрей Сергеев (Россия); Майя Соболева (Германия); Александр Соловьев (Россия); Эрдэнэцогт Сонинтогос (Монголия); Екатерина Сурова (Россия); Елена Устюгова (Россия).

ISSN печатной версии: 2225-3211
ISSN он-лайн версии: 2310-1245

Информация о журнале размещена на сайте**:** http://iculture.spb.ru
Публикуемые материалы проходят процедуру рецензирования и экспертного отбора.
Журнал входит в базу данных РИНЦ.

Выпуск подготовлен в рамках гранта РНФ (проект № 14-18-00192), СПбГУ

© Studia Culturae, 2016
© Авторы статей, 2016

STUDIA CULTURAE VOLUME 1, № 27, 2016

EDITOR-IN-CHIEF Evgeny Sokolov (Russia) SPBU

DEPUTY CHIEF EDITOR Alexander Koloskov (Russia) SPBU

EDITORIAL ASSISTANT Ekaterina Dementieva (Russia) SPBU

CHAIRMAN OF ADVISORY BOARD Boris Sokolov (Russia) SPBU

VICE CHAIRMAN OF OF ADVISORY BOARD Dmitry Prokudin (Russia) SPBU

EDITORIAL BOARD

Rayganat Abakarova (Russia); Anatoly Alekseev-Apraksin (Russia); Gariglio Bartolo (Italy); Ralf Becker (Germany); Oleg Borisov (Russia); Alexander Velichenko (Ukraine); Serik Dzhunusbayev (Kazakhstan); Lyudmila Klyukina (Russia); Pavel Martysyuk (Belarus); Leon Miodonski (Poland); Arto Haapala (Finland).

ADVISORY BOARD

Tatyana Akindinova (Russia); Tiziana Andina (Italy); Alexander Apykhtin (Russia); Volodimir Bugrov (Ukraine); Valentina Dianova (Russia); Yury Domansky (Russia); Jan Krasitski (Poland); Igor Larionov (Russia); Maria Mogilevich (Russia); Larisa Morina (Russia); Nikita Nogovitsyn (Russia); Nadezhda Orlova (Russia); Artyom Radeev (Russia); Andrey Sergeyev (Russia); Maya Soboleva (Germany); Alexander Solovyov (Russia); Erdenetsogt Sonintogos (Mongolia); Ekaterina Surova (Russia); Elena Ustyugova (Russia).

ISSN (printing version): 2225-3211
ISSN (online version): 2310-1245

Official site of the journal: http://iculture.spb.ru
The published materials undergo procedure of reviewing and expert selection
The journal is indexed in RISC

© Studia Culturae, 2016
© Authors of the issue, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ACADEMIA

А.В. РЫКОВ СУМЕРКИ СЕРЕБРЯННОГО ВЕКА. ПОЛИТИКА И РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ МОДЕРНИЗМ В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «НАПОЛЕОН» 9
A.V. RYKOV TWILIGHT OF THE SILVER AGE. POLITICS AND RUSSIAN RELIGIOUS MODERNISM IN D.S. MEREZHKOVSKY'S NOVEL «NAPOLEON»
А.Н.ТОРМАХОВА ИСКУССТВО В ТЕОРИЯХ ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИЗМА 18
TORMACHOVA A.N. ART IN THE THEORIES OF POST-POSTMODERNISM
Б.Г.СОКОЛОВ А.А.САИПОВ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРС TALENTHOUSE И ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ ПРОЦЕДУР И ПРАКТИК ВОЗДЕЙСТВИЯ 27
B.G. SOKOLOV A.A.SAIPOV ONLINE RESOURCE TALENTHHOUSE AND HISTORICAL HORISON OF PROCEDURES AND PRACTICES OF EXERT INFLUENCE

SYMPOSIUM

С.А.ТРОИЦКИЙ ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ И ИДЕОЛОГИЯ РЕГИОНАЛИЗМА 43
S.A.TROITSKY PROBLEM OF CULTURAL EXCLUSION AND IDEOLOGY OF REGIONALISM
А.Б. ПАНЧЕНКО «СИБИРЬ» ИЛИ «АЗИАТСКАЯ РОССИЯ» – ОБЛАСТНИЧЕСТВО МЕЖДУ ИМПЕРСКИМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ДИСКУРСАМИ 49
A.B. PANCHENKO "SIBERIA" OR "ASIAN RUSSIA" - REGIONALISM BETWEEN IMPERIAL AND NATIONAL DISCOURSES
Н.В ДМИТРИЕВА. АВТОНОМИЯ И ФЕДЕРАЦИЯ В КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА В ДОПАРТИЙНЫЙ ПЕРИОД 60
N.V.DMITRIEVA AUTONOMY AND FEDERATION IN THE RUSSIAN LIBERALS CONCEPT OF RUSSIAN NATIONAL-STATE GOVERNING AT THE BEGINNING OF XX CENTURY DURING THE PRE-PARTIES PERIOD
А.В.ГОЛОВИНОВ СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА ФЕДЕРАЛИЗМА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ 69
A.V. GOLOVINOV SUMMARY PRINCIPLE OF FEDERALISM IN POLITICS AND LEGAL THEORY REGIONALISTS
А. Э.ЗАЙНУТДИНОВ ДУХОВНЫЕ СКРЕПЫ СИБИРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА. ОБЛАСТНИЧЕСТВО Г.Н. ПОТАНИНА. 74
A.E. ZAINUTDINOV CONCEPTUAL BASIS OF SIBERIAN REGIONALISM. G.N. POTANIN'S REGIONALISM
О. Н. СУДАКОВА С. С. НАВА ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРОЛОГИИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА 85
O.N. SUDAKOVA S.S. NAVA PROBLEMATICS OF CULTURAL STUDIES OF OBLASTNICHESTVO
Т.Ф. ЛЯПКИНА ГЕНИЙ МЕСТА: ОБРАЗЫ ГОРОДОВ ГЛАЗАМИ «ПЕЧАЛЬНИКА» СИБИРИ 93
T.F. LYAPKINA GENIUS LOCI: VIEWS OF CITIES IN THE LOOK OF SYBERIAN «PECHALNIK»
Е.А.МАКАРОВА РОЛЬ Г.Н. ПОТАНИНА И Н.М. ЯДРИНЦЕВА В СТАНОВЛЕНИИ КУЛЬТУРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА В СИБИРИ 107
E. A. MAKAROVA THE ROLE OF GRIGORY POTANIN AND NIKOLAY YADRINTSEV IN FORMATION OF SIBERIAN CULTURAL REGIONALISM
А.В. ГОЛОВИНОВ Г.Н. ПОТАНИН И Н.М. ЯДРИНЦЕВ О КОРРУПЦИИ 120
A.V. GOLOVINOV G.N. POTANIN AND N.M. YADRINTSEV OF CORRUPTION
Е.В. ИВАНОВСКАЯ А.В. БУРДУКОВ – МОНГОЛЬСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ Г.Н. ПОТАНИНА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА Г.Н. ПОТАНИНА, ХРАНЯЩЕГОСЯ В НБ ТГУ) 125
E.V. IVANOVSKAYA A.V. BURDUKOV – MONGOLIAN CORRESPONDENT OF G.N. POTANIN (ON MATERIAL OF G.N. POTANIN'S ARCHIVES, THAT ARE IN THE NATIONAL LIBRARY OF TSU)

Д.А. НОСОВ ПУБЛИКАЦИИ СКАЗОК, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ Г.Н. ПОТАНИНЫМ, КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТОЯНИЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 129
D.A. NOSOV FOLKTALES, PUBLISHED BY G.N. POTANIN, AS A SOURCE TO RECONSTRUCT MONGOLIAN FOLK NARRATIVE TRADITION OF THE SECOND HALF OF XIXTH CENTURY
А.В. МАЛИНОВ И.Ю. ПЕШПЕРОВА ДВЕ ВЕРСИИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА: Г.Н. ПОТАНИН И М.И. ДРАГОМАНОВ 138
A.V. MALINOV I. YU. PESHPEROVA TWO VARIANTS OF OBLASTNICHESTVO: G.N. POTANIN AND M.I. DRAGOMANOV
П.Н. БАЗАНОВ КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ УКРАИНСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА В ТРУДАХ ИСТОРИКА Н.И. УЛЬЯНОВА 152
P. N. BAZANOV CRITICISM OF THE CONCEPT OF OBLASTNICHESTVO IN THE WORKS OF UKRANIAN HISTORIAN N.I. OULIANOFF
С.В. ГОЛИКОВА ГОРНОЗАВОДСКОЙ СУБСТРАТ УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА 167
S. V.GOLIKOVA MINING AND METALLURGICAL SUBSTRATE OF THE URALS REGIONALISM
М.В. БРАТОЛЮБОВА КАЗАЧЬЯ ФРАКЦИЯ В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ НАЧАЛА XX В. И ВОПРОСЫ «АВТОНОМИЗМА» 179
M.V. BRATOLYUBOVA COSSACK'S FACTION IN THE RUSSIAN STATE DUMA AT THE BEGINNING OF XX CENTURY AND THE ISSUE OF «AUTONOMISM»
О.И. ШАФРАНОВА ДОНСКОЙ ИСТОРИК П.П.САХАРОВ И СИБИРСКИЕ ОБЛАСТНИКИ: ОПЫТ КОМПАРАТИВИСТСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ 189
O.I. SHAFRANOVA DON HISTORIAN P.P. SAHAROV AND SIBERIAN REGIONALS: THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF INTELLECTUAL HERITAGE
Н.А. ТРАПШ ИДЕИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА НА ИМПЕРСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ОКРАИНАХ: АБХАЗСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА О РОССИЙСКОМ СОЦИКУЛЬТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 197
N.A. TRAPSH THE IDEAS OF REGIONALISM IN THE IMPERIAL ETHNIC SUBURBS: ABKHAZIAN INTELLECTUALS OF THE LATE XIX - EARLY XX CENTURY ABOUT THE RUSSIAN SOCIO-CULTURAL AND POLITICAL SPACE

A c a d e m i a

Studia Culturae: Вып. 1 (27): ACADEMIA: А.В. Рыков. С.9-17

А. В. РЫКОВ

Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

СУМЕРКИ СЕРЕБРЯННОГО ВЕКА. ПОЛИТИКА И РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ МОДЕРНИЗМ В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «НАПОЛЕОН»

Статья посвящена проблемам политико-философской интерпретации романа Д.С. Мережковского «Наполеон». Произведение известного русского писателя и философа рассматривается в контексте протофашистских тенденций в европейской культуре 1920-1930-х годов. Особое внимание уделяется проблеме конвергенции тоталитарных и модернистских дискурсов.
Ключевые слова: Мережковский, Наполеон, модернизм, фашизм, религия, политика, тоталитаризм

A.V. RYKOV

Doctor of Science (Philosophy), Professor
St. Petersburg State University

TWILIGHT OF THE SILVER AGE. POLITICS AND RUSSIAN RELIGIOUS MODERNISM IN D.S. MEREZHKOVSKY'S NOVEL «NAPOLEON»

The paper considers politico-philosophical issues of interpretation of D.S. Merezhkovsky's novel «Napoleon». The work of the eminent Russian writer and philosopher is examined in the context of proto-fascist tendencies in European culture of 1920–1930s. Special attention is paid to the problem of convergence between totalitarian and Modernist discourses.
Key words
Merezhkovsky, Napoleon, Modernism, fascism, religion, politics, totalitarianism

Искусство и литература русского Серебряного века уже долгое время находятся в поле повышенного внимания отечественных исследователей. Позднесоветская и постсоветская культура видела в Серебряном веке альтернативу репрессивному и идеологизированному сталинистскому дискурсу. Именно этим обстоятельством обусловлен культовый статус наследия Серебряного века в современной русской культуре. Его

привилегированное положение не оспаривается, распространяясь на различные слои российского общества. Проблема заключается в том, что сформировавшийся в русских интеллектуальных кругах еще до падения советской власти относительный консенсус способствовал не только апологетическому, но и крайне одностороннему восприятию той конгломерации культурных феноменов, которая традиционно ассоциируется с понятием «Серебряный век». Данная апологетическая установка прежде всего базировалась на оппозиции «Советская культура/Серебряный век», мешавшей выявлению моментов преемственности между двумя мегаэпохами российской культуры.

Во многом миф о Серебряном веке в современной русской культуре опирается на представления об аполитичности «подлинного искусства». Рецепция Серебряного века осуществляется с позиций теории «искусства для искусства», игнорируя (за немногими исключениями) тот факт, что отечественная культура рубежа XIX–XX вв. изобиловала различного рода протополитическими и утопическими проектами переустройства общества, его духовного реформирования. Метанарративы Серебряного века, переплетение религиозных и художественных дискурсов в идеях жизнестроения той эпохи неизбежным образом вели в сферу политического. Русская культура того времени содержит множество примеров политической экспансии эстетизма [5], отсылающих к проблематике известного эссе Вальтера Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Одним из подобных примеров является роман Д.С. Мережковского «Наполеон» (1929) – радикальная версия русского религиозного модернизма рубежа XIX–XX вв., проекция его философских идей в область геополитики.

Роман «Наполеон» интересен и в другом отношении. Созданный одним из крупнейших представителей русского Серебряного века, он принадлежит уже другой эпохе и мобилизует мифопоэтический потенциал символизма в политической борьбе межвоенных десятилетий. С одной стороны, роман Мережковского является ярким свидетельством того, как основные религиозные и философские идеи Серебряного века могли быть использованы в условиях зарождения и укрепления тоталитарных режимов. Схемы, одновременно художественные и политтехнологические, неоднократно описанные зарубежными авторами на западном материале [9, 10, 12, 13], работают и в данном случае. «Наполеон» включает в себя протофашистское измерение, корреспондирующее с аналогичными явлениями в западной культуре того времени. С другой стороны, роман Мережковского, как сложнейшее сочетание различных

дискурсов, имеет и свой «постмодернистский» пласт, находящийся в сложных отношениях с тоталитарными коннотациями этого произведения [6]. «Постмодернистский протофашизм» Мережковского строится как игра различных метанарративов, религиозного, художественного, политического плана, взаимодействие которых создает, скорее, «эстетический», «виртуальный» эффект, в чем-то напоминающий воздействие массовой культуры.

Таким образом, роман-биография «Наполеон» продолжает политико-религиозные эксперименты Серебряного века в новом контексте. «Что это, “комедиантство”, “шарлатанство”, световая реклама на облаках или апокалипсическое знамение?» [3, с. 91]. Этот риторический вопрос, в романе относящийся к деятельности Наполеона, можно было бы переадресовать Мережковскому. «Снижение художественного уровня», определенный «цинизм» и коллажный, рваный характер повествования – все это сигнализирует о том, что метанарративы Серебряного века в данном произведении не столько «получают свое естественное развитие», сколько деконструируются, сталкиваются между собой, подвергаются эрозии в свете новых исторических условий. Вряд ли стоило бы обращаться к роману Мережковского в научном плане как к объекту для морализации, свидетельству интеллектуальной коррупции его автора. Скорее, речь должна идти о возможностях определенного рода дискурсов, «соблазнительных» прежде всего в «художественном» отношении, но несущих в себе и некоторые социально-политические смыслы.

Покинувшие пределы России вскоре после начала большевистской революции, Дмитрий Мережковский и его жена Зинаида Гиппиус к тому времени имели за своими плечами большой опыт общественной деятельности и публицистических баталий по различным политико-религиозным вопросам. Революция 1905 года послужила импульсом к радикализации их взглядов и вынужденной эмиграции [11; 14]. Как религиозный мыслитель Д.С. Мережковский в этот период воспринимает императорскую Россию как «царство Зверя», отличаясь крайним скепсисом по отношению к официальному православию и перспективам русской государственности в ее тогдашнем состоянии. Сближение в этот период четы Мережковских с Борисом Савинковым не представляется случайным; публицистика Мережковского в те годы похожа на теоретическую легитимацию терроризма и, несомненно, несет в себе ярко выраженные экстремистские элементы [2; 4].

В большевистской России Мережковские увидели воплощение абсолютного зла, реализацию собственного пророчества о «грядущем хаме».

Подобно многим другим деятелям русской эмиграции, Мережковский был буквально одержим идеей «крестового похода» против Советского Союза. Этим отчасти объясняется близость Мережковского к Муссолини [1], а также его выступление на парижском радио в защиту Гитлера после вторжения последнего в Россию. «Подстрекательская» позиция Мережковского, во многом типичная для русской эмиграции, нашла свое выражение и в романе «Наполеон», этом позднем цветении религиозно-философской утопии Серебряного века в условиях крайне напряженной общественно-политической ситуации межвоенной Европы. Мережковский испытывает симпатию к фашистскому режиму Муссолини и самой личности диктатора, подолгу живет по его приглашению и за его счет в Италии, выступая в прессе с апологетическими статьями. Произошедшая в конечном итоге между писателем и фашистским диктатором размолвка была вызвана не «прозрением» Мережковского, а стремлением Муссолини дистанцироваться от своего слишком ретивого сторонника, своими льстивыми выступлениями поставившего его в неловкое (и даже опасное – в связи с мнимым разоблачением экспансионистских планов фашистской Италии) положение.

Мережковский действительно хотел с помощью Муссолини (а в дальнейшем – и Гитлера) освободить Россию от большевизма. Но связь его романа «Наполеон» с фашистской мифологией заключается не только в зловещем развертывании в несколько неожиданном ключе темы глобализма. Позднее творчество Мережковского обозначает собой точку конвергенции русского Серебряного века и тоталитарной идеологии и на более «глубинных» уровнях. Эффект отчуждения от «реальной» истории в данном случае напоминает описание работы эстетического дискурса у Вальтера Беньямина. В романе русского писателя Наполеон предстает как политик-художник, ницшеанец, в своем воображении создающий собственную виртуальную историческую реальность, свою Россию, Испанию, Польшу. Его «воля к жизни», по Мережковскому, есть «воля к сновидению», мифу: «Воображение делает его таким же великим поэтом в действии, как Эсхил, Данте и Гете – в созерцании; музыкантом всемирно-исторической симфонии, новым Орфеем, чья песнь повелевает камням строиться в стены Града» [3, с. 66]. Мифологизированный в рамках «эстетического движения» и «искусства для искусства» артист, «творческий человек» у Мережковского окончательно отождествляется с политиком, диктатором, мечтающем о «всемирной империи» («из всех гармоний величайшая – всемирное соединение людей» [3, с. 66]).

Религиозно-философские искания Мережковского, причудливым образом соединявшие элитизм с народничеством и порой граничившие с сектантством [8, с. 179–201], при определенных условиях и в известной степени могли стать частью того или иного «тоталитарного проекта». Одной из версий «цезарепапизма», то есть синтеза сакрального и политического начал в обожествлении личности светского правителя (идея, всегда обладавшая особой притягательностью для Мережковского), как известно, являлся фашизм. Для многих он был воплощением идеи государства как произведения искусства, олицетворением «политики невозможного», о которой мечтали модернисты. В романе-агиографии русского автора, характерное для политтехнологий 1920–1930-х гг. слияние сакрального и политического достигает своего апогея и производит почти комическое впечатление: наполеоновские походы становятся мистериями, кровавыми жертвоприношениями, возглавлявший их завоеватель – миротворцем и богом.

Личность Наполеона и его армия у Мережковского вбирают в себя утопический потенциал русского религиозного модернизма, многие его ключевые идеи – объединение язычества и христианства, коллективизация секса («многолюбие»), трансгендерность и т.д. Подобно красивой женщине, Наполеон увлекает за собой, «соблазняет» целую армию «поклонников». В связи с этим русский автор пишет о распространении религиозного опыта определенного рода: «Солдаты Наполеона пьют вместе с ним из одной чаши, как в Дионисовых таинствах, вино и кровь, соединяясь в одно тело, в одну душу – Великую Армию» [3, с. 84]. Христианская любовь, таким образом, трансформируется в «армейское братство», религиозная утопия приобретает тоталитарные и милитаристские черты («вся армия – одно тело, одна душа»). Наполеоновский миф видится Мережковскому как часть христианской мистерии. Писатель приписывает Наполеону жертвенность, уподобляя его Христу. Кроме того, он сравнивает французского полководца с Гильгамешем, Пифагором, Прометеем, Дионисом.

Особенно тщательно русский автор работает над образом Наполеона-Диониса: «Дионис – учитель экстаза; и Наполеон тоже. Дионис, сын Семелы, смертной женщины, – человек, становящийся богом; и Наполеон тоже. Дионис – завоеватель-миротворец; и Наполеон хочет соединить Запад с Востоком, чтобы основать мировое владычество – царство вечного мира. Дионис – страдающий бог-человек; и Наполеон на Св. Елене – прикованный к скале Прометей – тот же Дионис» [3, с. 84]. Своим успехом, по мнению Мережковского, Наполеон был обязан экспансии определенной разновидности сакрального опыта. С этой точки зрения, фашизм как светская религия с его сакрализацией фигуры вождя и новыми

формами «теократии» весьма близок наполеоновскому проекту в описании русского автора: «Люди плясали, как исступленные, одержимые богом, вакханты. “Солдаты Наполеона – одержимые”, – говорит очевидец накануне Ватерлоо. Эта “одержимость”, katokhe, есть признак “богоприсутствия” в Дионисовых таинствах» [3, с. 84].

Для Ницше Наполеон был последним воплощением бога солнца, Аполлона. Мережковский также связывает французского императора с солнечным культом. Он затрагивает «батаевские» аспекты темы жертвоприношения, ссылаясь на неоконченное литературное произведение юного Наполеона. Корсиканец, главный герой этой «повести, похожей на бред», вся семья которого была вырезана французами, одержим идеей мести. Солнце померкло для него, он не видит его сияния, избегает его лучей. Попав в плен к французам и выждав удобный для нападения момент, он убивает одного из ненавистных ему врагов. Эта сцена описывается одновременно как жертвоприношение и теофания: «Я воспользовался этой минутой и вонзил кинжал в сердце одного из двух моих спутников. Тогда я в первый раз увидел солнце, – какое лучезарное! <…> Мы притащили к подножью алтаря тела убитых и там их сожгли. Этот новый фимиам, казалось, был угоден Богу» [3, с. 40].

Мережковский связывает этот чисто батаевский эпизод (здесь, конечно, вспоминается интерес Батая к кровавой религии ацтеков и в целом сакральная концепция политики французского философа) с древнейшими солнечными культами: «Человек не видит солнца, живет во тьме, пока не вонзит нож, как жрец Молоха, в сердце человеческой жертвы: только тогда оно засияет для него опять, лучезарное» [3, с. 40]. Русский писатель называет Наполеона солнечным богом, противопоставляя его «лунной», «дряхлой» европейской цивилизации. Хотя исследователи неоднократно связывали фашизм именно с солнечным мифом [7, с. 147], философию романа Мережковского невозможно описать с помощью бинарной оппозиции «хтоническое/олимпийское». Наполеон в данном случае совмещает в себе дионисийские и аполлонические черты.

Подобно Батаю, русский автор в своих «сюрреалистических» произведениях снимает оппозицию мужского и женского. Трансгендерное, транснациональное, трансисторическое в романах Мережковского – означающие сакрального начала. Вместе с тем религиозный и гендерный «синкретизм» героев Мережковского – андрогинов и космополитов – отсылает к «лицедейству» романтической иронии и постмодернистской игры. Личность Наполеона растворяется во множестве метанарративов, исторических театральных постановок, сменяющих друг друга. Мережковский сравнивает Наполеона с ки-

норежиссером и магом. Мир для французского полководца – эстетический феномен, а сам он – творец этого мира, в полном соответствии с философией Ницше: «Значит, и здесь, на полях сражений, лицедействует, сочиняет, как в салоне г-жи Бонапарт – “историю о привидениях”, – всемирную историю…» [3, с. 90].

Роман Мережковского предвосхищает современную медиареальность, призрачное, полное фантазмов кинематографическое пространство Голливуда и массовой культуры, новую цивилизацию образов-симулякров. «Наполеон» Мережковского – чистой воды имиджмейкерство, он граничит с китчем, производя впечатление некой рекламной акции, демонстрирующей современным диктаторам потенциал пиар-агентства Мережковских. Читателя не покидает ощущение, что на месте Наполеона в этой агиографии мог оказаться любой из фашистских диктаторов. Убеждения, верования, модели поведения в романе релятивизируются; исторические и религиозные нарративы сталкиваются, обнажая свою китчевую, рукотворную природу. Религия и политика становятся косметической операцией, искусством политтехнологий. Вслед за Мэтью Арнольдом Мережковский говорит о необходимости создания новой, искусственной религии.

Религиозное откровение в романе Мережковского девальвировано до уровня газетной сенсации. Коллекционируя «странности» Наполеона, его квир-ипостаси (Наполеон-женщина, Наполеон – бог Дионис, Наполеон – Иисус Христос и т.д.) Мережковский одновременно следует «террористическим» по отношению к обывателю модернистским стратегиям и логике массовой культуры. Как и искусство Дали, творчество Мережковского обозначает тот рубеж, за которым авангард и китч сливаются в неких новых пограничных художественных формах. Мечты о всемирном государстве, фигура гения и другие мифы романтической эпохи выхолащиваются, демонстрируя общие корни мифодизайна в литературе и политике.

Конечный вывод Мережковского парадоксален. В его лице прославленный русский религиозно-философский ренессанс рубежа XIX–XX веков приходит к заключению, что духовное спасение для России несло с собой иноземное вооруженное вторжение во главе с Наполеоном. Французский полководец оказывается воплощением русской (всемирной) религиозной идеи: «Спящий полубог и ангел вместе; павший с неба на землю, херувим силы и света. А мы его не узнали и вот что сделали с ним!» [3, с. 64]. Таким образом, идея глобализма в романе Мережковского приобретает не только религиозные, но и милитаристские коннотации; в этом контексте «западничество» становится одной из модерни-

стских теорий террора (Мережковский считал восхищавшего его Петра Великого первым русским нигилистом/террористом [2, с. 37]). «Европейский союз народов» под руководством Наполеона, идеи всечеловека и всемирности, противопоставляются в романе Мережковского узкому национализму («не будет Франции – будет мир»). Вестернизация в России, по мнению русского писателя, всегда была похожа на колонизацию или террористическую акцию. Арнольд Тойнби полагал, что интеллигенция как особая общественная прослойка возникает только в незападных странах (Индия, Россия), нуждающихся в вестернизации. Именно в этом ключе Мережковский и воспринимал призвание русского интеллигента.

Идея глобализма у Мережковского иррациональна, ее осуществляет сильная личность, находящаяся по ту сторону добра и зла. Имморализм, по Мережковскому, – важнейший признак «божественного дара», легитимирующий деяния диктатора-художника. Эстетизм Ницше, Оскара Уайльда и Уолтера Пейтера в романе русского автора контаминирован тоталитарными идеями. Произведение Мережковского может быть названо радикально-консервативным вариантом сюрреализма. Бесконечные метаморфозы образа Наполеона, расшатывание привычной картины мира в романе не переходит определенной черты; тем не менее творчество Мережковского роднит с сюрреалистами «отключение» многих дисциплинирующих регистров восприятия, моральных и интеллектуальных. Экстремизм русского писателя ограничен властью ауратичных образов, которыми он оперирует. Это медоточивый, интимный нигилизм эстета-мечтателя, уступающий в своем радикализме «классическому» сюрреализму. И все же у «правого» Мережковского есть множество точек пересечения и с сюрфашизмом Батая, и с творчеством Дали. В конечном итоге, роман Мережковского это – чистая трансгрессия, нарушение всех возможных националистических и религиозных запретов и стереотипов, один из интереснейших памятников модернистской литературы. Изучение особых форм конвергенции политического и художественного радикализма в творчестве Мережковского позволяет пролить новый свет на проблему тоталитарного модернизма, расширить наши представления о возможностях идеологической апроприации модернистских художественных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокурова И. Мережковский и Муссолини: К истории взаимоотношений // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 274–287.
2. Мережковский Д.С. Больная Россия. Л., 1991.
3. Мережковский Д.С. Наполеон. М., 1993.

4. «Революционное христовство». Письма Мережковских Борису Савинкову / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Гончаровой. СПб., 2009.
5. Рыков А.В. Дискурс эстетизма/тоталитаризма (К социополитической теории авангарда) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 4. / Под ред. А.В.Захаровой, С.В.Мальцевой. СПб., 2014. С. 381–391.
6. Рыков А.В. Художественно-теоретический консерватизм в контексте американской теории современного искусства 1960–1990-х гг. Дис. докт. филос. н. СПб., 2008.
7. Фокин С.Л. Философ-вне-себя. Жорж Батай. СПб., 2002.
8. Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 2013.
9. Adamson W. Fascism and Culture: Avant-Gardes and Secular Religion in the Italian Case // Journal of Contemporary History. Vol. 24. № 3, July, 1989. P. 411–35
10. Antliff M. Fascism, Modernism, and Modernity // The Art Bulletin. Vol. 84. № 1, March, 2002. P. 148–169.
11. Bedford C.H. Dmitri Merezhkovsky, the intelligentsia and the Revolution of 1905 // Canadian Slavonic Paper, 1958. P. 22–42.
12. Fascist Visions: Art and Ideology in France and Italy / Ed. by M. Affron, M. Antliff. Princeton, 1997.
13. Griffin R. Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. Houndmills, New York, 2007.
14. Rosenthal B.G. D.S. Merezhkovsky and the Silver Age. The Development of a Revolutionary Mentality. Hague, 1975.

TRANSLIT

1. Vinokurova I. Merezhkovsky i Mussolini: K istorii vzaimootnosheniy // Voprosy literatury. 2001. № 2. s. 274–287.
2. Merezhkovsky D.S. Bolnaya Rossiya. L., 1991.
3. Merezhkovsky D.S. Napoleon. M., 1993.
4. «Revolutsionnoye khristovstvo». Pisma Merezhkovskikh Borisu Savinkovu / Sost., vstup. st., komment. Ye.I. Goncharovoy. SPb., 2009.
5. Rykov A. V. Diskurs estetizma/totalitarizma (K sotsiopoliticheskoy teorii avangarda) // Actualnye Problemy Teorii i Istorii Iskysstva: Sbornik statei). Pod red. S.V. Maltsevoy., A.V. Zakharova, T.4. SPb., 2014, s. 381–391.
6. Rykov A.V. Khudozhestvenno-teoreticheskiy conservatism v kontexte amerikanskoy teorii sovremennogo iskusstva 1960-1990-kh gg. Dis. dokt.filos.n. SPb., 2008.
7. Fokin S.L. Filosof-vne-sebya. Georges Bataille . SPb., 2002.
8. Etkind A. Khlyst: Sekty, literatura i revolutsiya. M., 2013.
9. Adamson W. Fascism and Culture: Avant-Gardes and Secular Religion in the Italian Case // Journal of Contemporary History. Vol. 24. № 3, July, 1989. P. 411–35
10. Antliff M. Fascism, Modernism, and Modernity // The Art Bulletin. Vol. 84. № 1, March, 2002. P. 148–169.
11. Bedford C.H. Dmitri Merezhkovsky, the intelligentsia and the Revolution of 1905 // Canadian Slavonic Paper, 1958. P. 22–42.
12. Fascist Visions: Art and Ideology in France and Italy / Ed. by M. Affron, M. Antliff. Princeton, 1997.
13. Griffin R. Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. Houndmills, New York, 2007.
14. Rosenthal B.G. D.S. Merezhkovsky and the Silver Age. The Development of a Revolutionary Mentality. Hague, 1975.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): ACADEMIA: А.Н. Тормахова С. 18-26

А.Н. ТОРМАХОВА

Кандидат философских наук, ассистент
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ИСКУССТВО В ТЕОРИЯХ ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИЗМА

В статье рассматривается осмысление искусства в концепциях пост-постмодернизма: дигимодернизма А.Кирби, перформатизма Р. Эшельмана и метамодернизма Т. Вермьюлина / Р. ван ден Аккера. Анализируется проявление неоромантических тенденций в образном строе, а также усиление роли презентативного начала.
Ключевые слова: искусство, дигимодернизм, перформатизм, метамодернизм.

A.N.TORMAKHOVA

Candidate of Science (Philosophy), assistant
Taras Shevchenko National University of Kyiv

ART IN THE THEORIES OF POST-POSTMODERNISM

The article analyzes the peculiarities of art in theories of post-postmodernism. From the set of theories we consider digimodernism A.Kirby, performatism R.Eshelman and metamodernism T.Vermeulen / R.van den Akker. Begin to appear neo-romantic trends and representativeness.
Key words: art, digimodernism, performatism, metamodernism.

В начале XXI века возникает достаточно большое количество различных теорий, которые претендуют на то, чтобы занять место парадигмы постмодернизма. В момент их становления, и даже по прошествии некоторого времени, еще достаточно сложно точно определить их дальнейшую участь в истории философии, эстетики, культурологии, философии культуры. Возможно, вскоре часть из них будет забыта либо опровергнута, но есть также значительная вероятность того, что все они станут научным достоянием. Точно так же, как в начале XX века в изобразительном искусстве возникло невероятно большое количество различных художественных течений, большую часть из которых впоследствии стало возможным объединять единым словом - «авангардизм» - так и сонм различных современных теорий, претендующих на то, чтобы сменить

постмодернизм можно назвать пост-постмодернистскими. Рассмотрение роли искусства в новых теориях позволит выявить некие ключевые моменты, которые, вероятно, могут позволить определить сходные черты, и, следовательно – некие закономерности и тенденции его развития. Большая часть теорий пост-постмодернизма лишь начинает входить в научное пространство и все еще представлены, в основном, в англоязычном варианте, что делает их анализ актуальным исследованием.

Среди множества работ англоязычных авторов начала XXI века достаточно ярко представлены такие теории, как: дигимодернизм, перформатизм и метамодернизм. Постараемся рассмотреть их отношение к искусству и определить его место в современном социокультурном пространстве.

Алан Кирби, автор теории дигимодернизма ключевым моментом своей концепции избирает сферу информационных технологий, и все, что связано с сетью Интернет. Сохранение данных, коммуникация, работа, образование, медицина, политика, экономика, искусство, развлечения и игры - все эти сферы человеческой жизни связаны с «мировой паутиной» и их дальнейшее существование без него становится практически невозможным. Вторжение Интернета и новейших цифровых технологий в человеческую жизнь коренным образом изменяют и сознание, и деятельность человечества. С конца 1990-х годов - в начале 2000-х годов вторжение новейших технологий изменило природу авторства, сущность читателя, сам текст, собственно взаимоотношения между ними, терминологию. Постмодернизм, так же как модернизм и романтизм фетишизировали автора, даже тогда, когда автор претендовал на самоустранение и самоотрицание собственной роли. Но современная культура, по мнению Кирби, фетишизирует реципиента (читателя, адресата) настолько, что он частично или даже полностью выполняет функцию автора.

Алан Кирби утверждает, что искусство начинает меняться. Его центральными характеристиками является рост активности со стороны потребителя культурных и художественных ценностей, который отныне хочет воздействовать на воспринимаемый объект. Коренным образом меняется также позиция «автора, отныне занимающего скорее статус одного из тех, кто задает параметры, без которых другие операторы становятся просто не релевантными, неизвестными, вне линии. Эти же изменения касаются и собственно самого «текста», характеризующегося теперь гиперэфемерностью и нестабильностью» [3]. Алан Кирби отмечает невероятно возросшую роль интерактивности, которая отныне охватывает все сферы человеческого существования. Данный тезис, с нашей точки зрения, легко продемонстрировать на примере коубов - коротких

видеороликов, возникающих как мгновенная реакция пользователей сети Интернет на наиболее яркие медиа события. Сущностью коубов является использование достаточно короткого, выдающегося «зацикленного» (повторяемого) отрывка оригинального видеоряда, на который накладывается новый звукоряд. Содержание данных роликов представляет собой новую интерпретацию видео событий, связанных с известными политиками, актерами, персонажами кинофильмов и, как правило, содержат иронический подтекст. Возможны также коубы, где основой выступает не ирония, а скорее акцентуация на некоем жесте, состоянии, явлении, приятном для длительного созерцания (картины природы, животные, дети). Достаточно интересным становится тот факт, что количество просмотров предыдущими пользователями начинает обуславливать выбор последующих, когда ответ на запрос в поисковой системе автоматически выдает тот, который пользовался наибольшей популярностью.

Особенностью изменений, происходящих в эпоху дигимодернизма, является изменение не только статуса и значения самого автора и читателя, но также и сферы текста. Текст теперь имеет достаточно непродолжительный срок существование: смс и e-mail, как указывает Кирби, трудно сохранять в их оригинальной форме, а их распечатки, не сделают их подобными стабильным «обычным» (бумажным) письмам, однако наоборот, разрушат их электронный статус. Звонки в радиостудию, компьютерные игры - их существование также недолговечно, потому что довольно быстро они устаревают. То же касается и телевизионных программ, повтор которых, без возможности осуществления интерактивных действий, сводит на нет их сущностное предназначение.

При анализе культурных продуктов дигимодернизма проявляется их банальность. Простота сюжета кинолент контрастирует с крайне осложненной спецификой компьютерных спецэффектов. Вообще, «вся современная эпоха - это культурная пустыня» [3], истоки которой были заложены еще со времен доминирования постмодернизма.

Концепция перформатизма, в данный момент представлена достаточно широко в теориях современных философов, культурологов, эстетиков и искусствоведов, и подчас трактуется по-разному. Остановимся на том ее понимании, которое представлено в работах немецкого исследователя Рауля Эшельмана.

В постмодернизме, по мнению Эшельмана, любая попытка фиксации значения рассеивается; использование формы соединяется с уже существующими значениями, поиск сущности завершается возвращением к чужому знаку. Сам субъект, изучая свою самость, оказывается в бесконечно

расширяющемся поле постмодернизма, не дающем ответов на поставленные вопросы. Выходом, как указывает Рауль Эшельман, является явление перформанса - механизм, полностью непроницаемый для таких приемов постмодернизма как рассеивание, деконструкция и пролиферация. Исследователь Игорь Смирнов отмечает, что «Рауль Эшельман эстетизирует презентизм, рассматривая текущую социокультуру как эру перформанса» [1].

Явление перформанса, по мнению немецкого исследователя, было представлено и ранее в социокультурной практике, однако оно модифицировалось и значении его в разные культурно-исторические периоды также подвергалось изменению: «Будучи художественным событием в авангардном искусстве эпохи модернизма, перформанс создает границы между жизнью и искусством. В перформансах и хепенингах искусства эпохи постмодернизма происходит объединение человеческого тела или субъекта в единый художественный контекст» [2, S.2]. Рауль Эшельман, в свою очередь предлагает новую трактовку перформативности, отличающуюся от предыдущих философских парадигм. В его понимании, предмет теперь должен быть представлен как целостность, единство, которое обязательно произведет впечатление на читателя или зрителя. Процесс единение с субъектом возможен лишь тогда, когда субъект не будет семантически дифференцировать содержание произведения, ведь при ближайшем рассмотрении содержание может рассеяться в окружающем его контексте. Для того чтобы избежать такого растворения сущности, теперь темы произведения всегда должны быть простыми для понимания, содержание и форма должны стать тождественными, а обозначение - совпадать с внутренней сущностью.

Если рассматривать сферу художественной практики, то наиболее яркие проявления перформатизма, датируемые серединой-концом 1990-х годов, Рауль Эшельман находит в таких видах искусства, как литература и кино. По его мнению, новая перформативная концепция субъекта наиболее ярко показана в фильмах, где главные герои представлены как самодостаточное целое, они непроницаемы для требований или обязанностей, выдвигаемых перед ними их социальным окружением и обществом. «Из самопрезентации главных героев возникают новые свободы, служащие возобновлению человеческих отношений через любовь» [2, S.4]. Для перформатизма характерно поощрение самотерапии, идеи того, что мы можем преодолеть силу безудержного, репрессивного окружения, лишь неоднократно утверждая нашу собственную самость.

Перформативность проявляется также в множественности хронотопов сюжетной линии произведения и возможности управлять ними, которой

наделяются главные герои. По словам Эшельмана, постмодернизм не предоставляет ни времени, ни пространства для развития причинно-следственных связей. Хронотопы возникают и расходятся почти одновременно. В противоположность этому, в новую эпоху перформатизма возникает тенденция к созданию хронотопов, позволяющих сделать многократный выбор между возможностями. Непредвиденность теперь является прерогативой субъекта, а не знака: сущность заключается в том, чтобы сохранить целостность субъекта даже при самых неблагоприятных условиях. Немецкий исследователь убежден, что явление перформатизма можно обнаружить также в архитектуре.

Следующая особенность перформативного искусства, как отмечает Рауль Эшельман, заключается в том, что теперь аргументирование и доказательная база заменяется презентацией: материал преподносится зрителю как рассказ, в который можно поверить либо не поверить. Акт повествования становится актом веры, что не может быть достигнуто через метафизическую критику или деконструкцию. Фильм построен таким образом, что зритель не имеет иного выбора, кроме как преодолеть свое собственное недоверие и принять перформанс, представленный в произведении. Эта трансформация процесса просмотра в невольный акт веры прямо противоречит постмодернистскому режиму виртуальности, где наблюдатель не может поверить во что угодно, потому что такие онтологические параметры, как автор, рассказчик и персонаж растворяются в непроницаемой сети парадоксальных цитат и перекрестных ссылок.

По мнению Эшельмана, в мире перформатизма символический порядок языка и цепь знаков с его отвлекающими каламбурами не играют практически никакой роли. Знак и / или язык действует как массивный инструмент на службе у субъекта; решающей для перформатистской работы является целостная, объектно-ориентированная сила высказывания, а не окружение знаков. Перформативный язык не зависит от семантики или даже от общего кода функции: решающим является кадр, размещенный вокруг адресанта и адресата и служащий мостом преодоления их разногласий.

Субъект, таинственно осуществляющий доставку медиа-искусства в архив, осуществляет целостный перформанс, в котором субъект, вещь, на основе знака, партнер по коммуникации успешно объединены. Эшельман предполагает, что не зло, как его определяет постмодерн, а любовь, является оптимальным условием инноваций, позволяя любому субъекту быть любимым - то есть, вступить с другим, чуждым субъектом в единое спасительное пространство. Эта точка зрения является «сакрализацией

метафизического оптимизма и означает конец постмодернизма, а не продолжение его в каком либо смысле» [2, S.8]. Рауль Эшельман отмечает, что перформатизм – это эпоха, присутствие которой мы чувствуем, но контуры ее едва различимы и мы можем воспринимать лишь ее простоту и наивность и чувствовать любовь к ней.

Теория метамодернизма Тимофея Вермьюлина / Робина ван ден Аккера впервые была изложена в их труде «Заметки о метамодернизме» («Notes on metamodernism», 2010). Авторы полагают, что еще рано говорить о завершении всех тенденций постмодернизма. Но многие из них принимают иную форму, смысл и направление. В своей работе нидерландские исследователи пытаются определить стратегии метамодерна, рассматривая некоторые актуальные тенденции в современной эстетике. По их мнению, метамодернизм стал доминирующим принципом в культурном сознании последних нескольких лет. «Так же, как модернизм и постмодернизм выразили себя через различные, чаще всего конкурирующие стратегии и стили, метамодерн также выражает себя с помощью различных методов» [4]. Т.Вермьюлин и Р.Аккер считают, что наиболее ярко метамодернизм находит свое выражение в появлении неоромантической чувствительности. Романтическое отношение можно точно определить как колебания между противоположными полюсами, когда все наполняется необходимостью превратить конечное в бесконечное, одновременно признавая, что этот идеал никогда не будет достигнут. Романтизм имеет трагическую направленность и склонен к «балансированию между возвышенным и сверхъестественным, проекцией и восприятием, формой и бесформенным, порядком и хаосом, коррупцией и невинностью» [4].

По мнению Вермьюлина и Аккера, черты романтического мироотношения нашли свое отображение в разных видах искусства и стилях. Различие между современными метамодернистскими веяниями и постмодернистскими, было наиболее очевидным в работах художников и архитекторов, выбиравших в качестве объекта своего творчества повседневную жизнь. Такие постмодернистские работы как реконструкции Рэйчел Уайтред, инсталляции Даниэля Бюрена деконструируют наши предположения о мире. В противоположность им, метамодернистские «романтические» работы, такие как городские перспективы Армина Бема (Boehm), маленькие городские пейзажи Грегори Крюдсона, крупные планы пригородных ритуалов Дэвида Линча перенаправляют и повышают представления зрителей о нашей архитектурной среде. А.Бем рисует маслом чарующие воздушные виды пригородов, которые являются одновременно и местами, где мы живем, и местами, которые мы никогда

не видели ранее. Точно также фильмы Девида Линча (авторы ссылаются на фильм «Синий вельвет», 1995) наполнены эпизодами, отталкивающими и притягательными одновременно, выходящими за рамки нашего понимания, наполненными сверхъестественным, изобилующими сюрреалистическими символами.

В архитектурной практике это балансирование в рамках метамодернизма и его отличие от постмодернизма еще более ярко выражено, вследствие необходимости отделять новое от доминирующего постмодернистского дискурса, и, возможно, потому, что архитектура не может не быть конкретной. Произведения таких архитекторов как Жак Херцог и Пьер де Мёрон являются образцовыми в данном случае, их проекты, скорее всего можно назвать неоромантизмом, по мнению Т.Вермьюлина и Р.Аккера. Внешний фасад Музея де Янг (Сан-Франциско, 2005) накрыт медными пластинами, которые вследствие окисления постепенно будут зеленеть, интерьер Walker Art Center (Миннеаполис, 2005) сочетает такие природные элементы как камни и кристаллы. Библиотека Бранденбургского технического университета (Котбус, 2004) представляет собой готический замок с полупрозрачным фасадом с белыми символами; Пекинский национальный стадион (2008) выглядит как ''темный и заколдованный лес'' вблизи и, как и гнездо гигантской птицы на расстоянии. Эти здания пытаются балансировать между такими противоположными полюсами, как культура и природа, конечное и бесконечное, обычное и эфемерное. Авторы отмечают, что весьма важным является то, что эти попытки являются неудачными.

Возвращение к романтизму в метамодернизме осуществляется не для того чтобы сделать на него пародию, а для того чтобы ностальгировать по нему. Вместо того чтобы воспринимать будущее, художники метамодернизма смотрят назад, чтобы получить повторное значение. Чтобы открыть «новые земли на месте старых» (Новалис).

Идея метамодернизма, по мнению Вермьюлина и Аккера, возникнув в завершении первого десятилетия XXI века, которое другие философы, теоретики и художественные критики скорее пытались осмыслить как последствия постмодернизма, может посчитаться анахронизмом, и не вполне уместной. Однако это приводит исследователей к трем проблемам: преднамеренного бытия вне времени, преднамеренного бытия не к месту, и тем предлогом, что желаемая вневременность и перемещения на самом деле возможны, даже если они таковыми не являются. «Метамодерн следует понимать как пространство-время, которое является одновременно упорядоченным и неупорядоченным. Метамодернизм сме-

щает параметры настоящего с интересами будущего присутствия, он бесперспективен, и он вытесняет границы нашего пространства с сюрреалистическим местом, которое не имеет места. Судьба метамодерна заключается в том, чтобы очерчивать горизонт, который всегда отступает» [4].

Можно сделать некоторые выводы, что большинство современных исследователей отмечают появление изменений в искусстве. Совершенно не стоит пытаться отдать предпочтение одной из теорий, претендующих на то, чтобы занять место пост-постмодернизма. Важным заданием, как нам кажется, являются попытки отыскать то, что объединяет концептуальные подходы А.Кирби, Р.Эшельмана, Т.Вермьюлина, Р.Аккера, а следовательно определить некие общие закономерности развития культуры. Так все авторы отмечают появление новых тенденций в искусстве, связанных с возрастанием роли визуального начала в современности. Изменение облика мира сопровождается повышенной ролью интерактивного начала, оцифровывания действительности и возрастания реальности «виртуального» ее компонента. И Р.Эшельман, и теоретики метамодернизма указывают на романтическую или точнее сказать неоромантическую направленность современного искусства. Возрастает роль простых, лирических образов, эмоционально ранимых и не иронических героев. Современные социокультурные практики «балансируя» между простым, понятным, общедоступным и сложным чаще всего апеллируют к презентативности, как основе искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов И. Бывают ли безыдейные эпохи? // «Звезда». Литературно-художественный общественно-политический независимый журнал. СПб., 2009. №6. – URL: http://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1215 (дата обращения: 18.12.2015).
2. Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism // Anthropoetics 6, no. 2 (Fall 2000 / Winter 2001). – URL: www.anthropoetics.ucla.edu/ap0602/perform.htm (дата обращения 18.12.2015).
3. Kirby A. The Death of Postmodernism And Beyond // Philosophy Now. A magazine of ideas. – Issue 58. Now/Dec 2006 . - URL://philosophynow.org/issues/58/The_ Death_of_Postmodernism_And_Beyond (дата обращения: 26.11.2015).
4. Vermeulen T, van den Akker R. Notes on metamodernism // AESTHETICS & CULTURE, Vol. 2, 2010. – Режим доступа: //www.aestheticsandculture.net/index.php/jac/article/ view/5677/6306 (дата обращения: 26.11.2015).

TRANSLIT

1. Smirnov I. Byivayut li bezyideynyie epohi? // «Zvezda». Literaturno-hudozhestvennyiy obschestvenno-politicheskiy nezavisimyiy zhurnal. SPb., 2009. #6. – URL: http://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1215 (data obrascheniya: 18.12.2015).
2. Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism // Anthropoetics 6, no. 2 (Fall 2000 / Winter 2001). – URL://www.anthropoetics.ucla.edu/ap0602 /perform.htm(data obrascheniya18.12.2015).

3. Kirby A. The Death of Postmodernism And Beyond // Philosophy Now. A magazine of ideas. - Issue 58. Now / Dec 2006 . - URL: http://philosophynow.org /issues/58/The_Death_of_Postmodernism _And_Beyond (data obrascheniya: 26.11.2015).
4. Vermeulen T, van den Akker R. Notes on metamodernism// AESTHETICS & CULTURE, Vol. 2, 2010. – Режим доступа://www.aestheticsandculture.net/index.php/jac/article/view/5677/6306 (data obrascheniya: 26.11.2015).

Studia Culturae: Вып. 1 (27): ACADEMIA: Б.Г. Соколов. А.А. Саипов. С. 27-40

Б.Г. СОКОЛОВ

Профессор, д.ф.н., СПбГУ

А. А. САИПОВ

Гл. специалист, магистр
Южно-Казахстанский государственный университет (Казахстан)

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРС TALENTHOUSE И ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ ПРОЦЕДУР И ПРАКТИК ВОЗДЕЙСТВИЯ

Современные европейские практики и модели воздействия на индивида и социальные процессы обладают уникальными характеристиками, которые коренятся в общекультурных паттернах культуры. Эти характеристики - зримость, рациональный контроль и планирование являются онтическими «архетипами», в соответствии с которыми осуществляется конституирование любого феномена и любого акта в новоевропейской культуре. В статье прослеживается от эпохи Ренессанса до современной ситуации виртуальной реальности интернета (на примере сайта Talenthouse) структура и модели воздействия, выстраивающегося по указанным параметрам зримости и рационального контроля, позволяющего осуществлять регулирование в социальной сфере.
Ключевые слова: практики воздействия, архетипы новоевропейской культуры, интернет

B.G. SOKOLOV

Professor, Dr. of Science, SPBU (Russia)

A.A. SAIPOV

Chief Specialist, Master,
South Kazakhstan State University (Kazakhstan)

ONLINE RESOURCE TALENTHHOUSE AND HISTORICAL HORISON OF PROCEDURES AND PRACTICES OF EXERT INFLUENCE

Modern European practices of exert influence on individual and social processes that are rooted in cultural patterns, «archetypes» of European culture. These characteristics are: visible, control and rational planning. According to these «archetypes» the process of a constitution of any phenomenon and any act occurs. Authors analyze the structure and history of this European impact models from the Renaissance to the virtual reality of the Internet (the website Talenthouse)

Keywords: practices of exert influence, the archetypes of modern European culture, Internet

«Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые! /Его призвали всеблагие /Как собеседника на пир» - настаивает Ф. Тютчев в своем стихотворении «Цицерон». Не знаю… Не знаю… По крайней мере насчет блаженства. Но вот то, что эти «роковые» минуты, переломные моменты истории бесконечно интересны для анализа и размышления, я бы отметил. Современная культурная ситуация, как в нашем отечестве, так и в мировом глобальном пространстве – эпоха переломная, а потому – если использовать выражение Ф.Тютчева – «минута роковая». И, соответственно, она, современная эпоха и современная ситуация представляется не столько как современная, а потому и значимо-актуальная, но и как интересная для научного гуманитарного исследования. Если охарактеризовать современную ситуацию «по крупному», «крупными мазками»: мы можем наблюдать процесс разрушения и возникновения новых культурных традиций и образований. Эти процессы, конечно, имеют свою «логику» и «тренды», однако подчас самое существенное оказывается вне пределов рационального тематизирования и логического прогнозирования. Эпохи разрушения одной культуры или возникновения другой – эпохи «нерациональные» по преимуществу. Конечно, можно позднее, как например это сделал Гегель, вписать «фактологию» эпохи разрушения античного мира и возникновения культуры Средневековья в «предустановленный маршрут» развертывания абсолютного духа. Но, во-первых, подобный анализ делается «aposteriori», и, во-вторых, он всегда есть зона интерпретационной работы, а потому в нем присутствует изрядная доза «субъективности» позиций исследователя и его культурного контекста.

Эпоху возникновения новых культурных образований и угасания прежних – а именно такова наша эпоха - довольно сложный и в чем-то «мистический» сценарий. Трудно, а иногда просто невозможно «логически» обосновать те разрывы и зияния или, наконец, заимствования и относительную преемственность, которые, например, имели место в уже

упомянутый и переломный временной промежуток между Античностью и Средневековьем. Как логически, на самом деле, объяснить то экзальтированное и жертвенное настроение ранних христиан, разрушивших не только довольно мощную и агрессивную империю Рима, но и перекодировавшую сознание плебса, требовавшего лишь «хлеба и зрелищ»? И как, опять же, объяснить «победоносное» шествие upgrade'а «местечковой» религии иудеев, за пару веков превратившуюся в мировую религию и изменившую ход истории? Разве что «провидением» и волей Господней. Что, понятно, могло служить научным алиби лишь в эпоху Средних веков, но отнюдь не в наше время.

Переломные, судьбоносные моменты истории - это резервуар неопределенности, и это особенно ясно для того исследователя, который «оказывается тем, «кто посетил сей мир В его минуты роковые», кто оказался непосредственным свидетелем происходящих иногда трагических трансформаций, смерти прежнего и рождения нового. И именно эта неопределенность и непредрешенность текущего переломного момента, представляет особый, можно даже сказать, «пикантный» интерес для исследователя. Можно констатировать и фиксировать различные тренды и направления общего дрейфа, однако в ситуации непредсказуемости, довольно трудно однозначно выявить магистральную линию движения. Огромное количество различных разнонаправленных тенденций как прогрессивного, так и консервативного толка, обилие различного рода «акторов» и «игроков», инстанций, институций, религиозных традиций и т.п., все это – нынешняя ситуация.

Но в отличие от аналогичных процессов, которые сопровождали переходные периоды в истории человечества, современная ситуация обладает одним уникальным свойством, которое оно «заимствовало» из арсенала уходящей сейчас новоевропейской культурный традиции. А именно возможность рационального воздействия на процессы и – если добавить сюда все возрастающую роль средств массовых коммуникаций в первую очередь интернета – способность к рациональному зримому контролю всего спектра человеческой активности и любого «сектора» общекультурного пространства.

В этом отношении современная ситуация (причем на глобальном уровне) во многом рукотворная и уж, во всяком случае, рационально манипулируемая. Конечно, это не означает, что «все под контролем», что, понятно, ликвидировало бы в корне непредсказуемость и неопределенность переломного, «рокового» момента истории, хотя бы потому, что сами контролирующие и «надзирающие» инстанции не в меньшей

степени подвержены и заражены этой самой ситуацией неопределенности и непредсказуемости. Но все же способность оказывать вполне планомерное и рационально выстроенное воздействие на ход процессов имеется, особенно это касается тех культурных и социальных образований, прежде всего, государственных инстанций, которые «прошли школу дрессуры» европейской рациональности и контроля.

А потому, в текущей ситуации предельно интересен для исследователя не только момент перехода, зарождения нового и связанного с этим целого веера возможных линий развертывания, развития, угасания, но и вполне зримые практики манипулирования, контроля, выстраивания социального пространства, рационально формулируемые ценностные установки, национальные и религиозные идентификационные модели и паттерны, «рукотворное» формирование массовых и глобальных интенций, направлений, целей и – что не в последнюю очередь – зон запрета, фигур врага, моделей избегания и т.п. во всех сферах нашей реальности. Тем более, что речь не идет об анализе «конспирологических теорий», в этом можно убедиться в довольно повседневных практиках рационально выстроенных продаж, предпочтений и покупательского спроса в маркетинговой сфере, сфере государственного и экономического планирования. Рациональность и рукотворность воздействия, прежде всего, массового воздействия, - одна из вполне внятных характеристик современного глобализационного пространства, и то, что ситуация смены одной культурной традиции запускается именно в этих режимах зримости, контроля и рационального планирования, а также структура, сфера воздействия и пределы применимости и «работоспособности» - можно сказать «непаханое поле» для современного исследователя. Здесь больше – как и всегда в начале длительного и обширного исследования – вопросов, чем внятных и доказанных ответов. Именно поэтому здесь место скорее не рецептов и окончательных выводов, но - постановки вопросов и прояснения исторического и культурного контекстов. В этом отношении тот сюжет, который вынесен в заглавие статьи – сайт-топос Talenthouse - лишь один из многочисленных объектов и примеров возможности формирования и форматирования в позитивном направлении, но, одновременно, возможности любого рационального и манипулируемого воздействия. Но прежде чем мы обратимся к этому сюжету нашего анализа, нужно все же прояснить некоторые специфические черты европейской модели воздействия и прорисовать те сферы, где это воздействие ранее осуществлялось.

Итак новоевропейские практики воздействия.

Зафиксированная еще в работах Р.Декарта и Ф.Бэкона модель произвольного форматирования не только реальности, но и сознания, конституирующего эту самую реальность[1], дело в целом, для постсоветского пространства, в том числе и для России, обычное. Идеологическая работа, идеологический фронт – это далеко еще не ушедшие в коммунистическое прошлое выражения и штампы, они продолжают использоваться и мелькать не только в средствах массовой информации, но и в серьезных исследованиях, проясняющих специфику современной ситуации. И эти пережитки уже ушедшей реальности зрелого и «перезрелого» социализма в нашей, уже до предела, казалось бы, насыщенной кластеризующими реальность гаджетами и медиальной средой Интеренета, подобные выражения (и, к сожалению, не только выражения, но и вполне конкретные действия) фактически «вытаскиваются» сейчас из устаревших и антикварных «комодов»-практик манипулирования общественным сознанием. И этот своеобразный ренессанс идеологических практик подкрепления любых действий (или бездействий) на общественно-политической арене в странах постсоветского мира идеологическим дискурсом вполне результативен и действенен. Причем действенен не только относительно той части населения, которая в силу своего возраста и, соответственно, структуры сознания привыкла и приспособлена к подобного рода влиянию. Как не парадоксально, но результативность подобных практик оказывается довольно значительной как в отношении тех, кто вырос вне культурного и социального пространства действенности идеологий и обладает новым типажом сознания – кластерным, клиповым, шизоидным и т.п., так и в отношении страт населения, в свое время «прошедших» дрессуру идеологических практик воздействия, а потому они в чем-то привычны и «заточены» под действие этих практик.

---

[1] Как сказано в первом правиле «Правил для руководства ума» Р.Декарта: «Целью научных занятий должно быть ***направление ума*** (курсив мой – Б.С.) таким образом, чтобы он мог выносить твердые и истинные суждения обо всех тех вещах, которые ему встречаются» (*Декарт Р.* Правила для руководства ума / *Декарт Р.* Сочинения в 2-х томах. Т.1. М.: Мысль, 1989. С.78). Т.е. то, на что прежде всего и по преимуществу должна быть направлена вся рациональная перекодировка реальности - это наше сознание, наш ум, который в результате воспитания-переформатирования должен стать машиной, способной по заданному алгоритму действия осуществлять определенные процедуры познания и преобразования реальности.

И это происходит несмотря на то, что молодое поколение предпочитает проводить свое свободное и повседневное время, глядя не в монитор «зомбоящика», а в монитор уже дрогой, не менее зомбирующей сознание реальности, а именно, виртуальной реальности Интернета. Этот тип сознания пытается конституировать и обживать ту реальность, где «по определению» невозможно выстроить «традиционную» иерархическую структуру связи, коммуникации и «подчинения», разве что как особо прихотливый вид сетевой структуры. Получается следующее: мы имеем совершенно другой, по сравнению с «социалистическим» типаж сознания, для которого должны быть действенны иные практики обустройства реальности и, значит, другие модели дрессуры и воздействия, но все же и оно, это новое сознание, в той или иной степени откликается на уже ставшие в чем-то архаичные модели воздействия. Но «истины ради» укажем, что, все же, влияние уже а) не столь значительно, и б) реализуется по иным каналам и с помощью совершенно иных техник и технологий. Но в любом случае, уже идет речь о прежних практиках идеологического воздействия, или мы имеем upgrade или трансформированную модель этих практик. Остается один существенный момент, а именно, мы имеем перед собой рациональную и в чем-то произвольно спланированную методологию воздействия того, что можно условно назвать социальными суперструктурами.

Таким образом, и ныне, в эпоху постидеологий мы также оказывается под пристальным вниманием различного рода «суперструктур», социальных или культурных инстанций, которые стремятся переформатировать наше сознание в том русле, каковое им представляется оптимальным для «собственного» функционирования. Но если раньше каналы воздействия и перекодировки «глагола» государственной машины или иной социальной инстанции опирались на «непосредственный живой контакт» - от митинга, газеты или телевизора - то сейчас маршруты и каналы воздействия, а также задействованные в процессе участники, игроки процесса, перемещаются все более и более в медиальную техногенную среду интернета и аудио-видео рекламы. Вместе с тем, и прежние «тропинки» коммуникативного воздействия продолжают существовать. Но, так или иначе, человек и в более традиционалистскую эпоху, и сейчас, в эпоху цифровых технологий, оказывается тем по сути пассивным топосом, на который нацелены вполне рационально выстроенные машины воздействия и перекодировок.

Все сказанное говорит о том, что мы имеем дело с уже сложившейся и имеющей длительную историю, тенденцией вполне рационального воздействия, в чем-то сущностно неизменной, а в чем-то откликающейся

на изменяющийся контекст, моделью воздействия и трансляции различного рода властных и социальных императивов. Эту модель мы могли бы определить как новоевропейскую модель воздействия, уходящую, конечно, своими корнями в то время, когда формировалась сама новоевропейская традиция. Именно поэтому мы сослались в самом начале статьи на работы Р.Декарта, в которых он в тематизированном виде представил «алгоритм», «архетип» конституирования реальности и форматирующего эту реальность субъекта. Данный новоевропейский алгоритм, можно даже сказать «стиль экзистирования» предусматривал рациональное, подлежащее ясному и зримому подсчету и контролируемому воздействию. Вместе с тем, было бы преувеличением полагать, что именно с этого времени ведет свою историю внятная и в чем-то научно обоснованная практика воздействия. Скорее всего: в системе Декарта (понятно не только в его системе, но – в работах различных авторов, в том или ином виде тематизирующих и проявляющих стиль и константы конституирования новоевропейской реальности) мы имеем дело лишь с фиксацией «намерения», формулированием «предпосылок», но не с рационально выстроенной методологией воздействия. Эпоха рождения подобных методологий – это уже девятнадцатое столетие, и мы по праву можем определить именно двадцатый век как век рождения рационального манипулирования.

В этом горизонте двадцатый и двадцать первый века можно рассматривать как время, когда продолжают действовать рациональные методики, имеющие своими корнями «наработки» девятнадцатого века. Именно на протяжении XIX века в различных сферах культуры и научного знания зарождаются и внятно тематизируются ясно и «зримо» выстраиваемые практики социального и индивидуального воздействия. Речь идет не только об идеологии (прежде всего в виде марксистской школы идеологии), как вполне рационально сконструированной модели изменения сознания и установок масс, но и социологии, ставящей своей задачей рациональное (позже «переродившееся» в статистическое) познание социальной реальности. Особо стоит отметить появление почти в нынешнем виде проблемного поля психологии, как попытки вполне рационально и иногда с позиций естественнонаучной установки перекодировки воздействовать на сознание. Без различия, идет ли речь о карательной психиатрии или о вполне «безобидной» практике психоанализа, в любом случае, мы имеем перед собой вполне рациональную и ориентированную на прагматический результат практику по манипулированию и перекодировке сознания. Так же, не может быть оценен как случайный возникший с середины XIX века особый – a propos – и при-

стальный интерес в философском дискурсе к проблемам сознания, причем развертывающийся как в русле немецкой академической философской традиции (от Брентано до Гуссерля и, далее, к экзистенциальным штудиям Хайдеггера и Сартра), так и в формате изначально чуждой данной проблематике аналитической традиции. Да и в сфере экономики, торговли – везде мы имеем тематизацию и рационально выстраиваемую стратегию в той или иной степени имеющую своей целью непосредственное воздействие на население и его социальные, поведенческие, целевые и т.п. установки.

Все этого говорит о том, что начиная с середины девятнадцатого века в новоевропейской культуре реализуется, прежде всего, на внятном и научном уровне установка на прояснение индивидуального и массового сознания и создается вполне внятный, научно проработанный и рационально сконструированный background, позволяющий развертывать вполне ясно и отчетливо (как «завещал» еще на заре новоевропейской традиции Р.Декарт) осуществлять реальное, четко осознаваемое и, возможно, спланированное воздействие на структуру, телосы, формы и пр. как сознание индивида, так и то, что мы могли бы определить как «типаж» сознания той или иной социальной группы, страты и т.п.

В этом отношении новоевропейская традиция в чем-то уникальна: процедуры воздействия и перекодировки индивидуального сознания и типажа сознания осуществлялись, конечно, и прежде и в некоторых сферах – это обычная ситуация и практика, но только в новоевропейской культуре, особенно в последние два столетия ее истории, подобные интенции обрели рациональный, а иногда и научно выстраиваемый подход. Попытки изменить сознание и индивида, и населения в целом предпринимались ровно столько, сколько существует человек, причем воздействие вовсе не обязательно шло по линии социальных инстанций и институтов. Структура сознания и психики человека – и в этом, конечно, психоанализ, безусловно, корректен – содержит слой «супер-Эго», корректирующего, воспитывающего и пытающегося трансформировать само сознание целиком. Структура «зеркала», Другой-как-внутренняя-структура-сознания, взгляд Другого, взгляд на себя со стороны, фиксирующий себя-как-Другого, и Другого-как-себя постоянно «отслеживает», изменяет само сознание и воздействует изнутри на него. Это воздействие осуществлялось и осуществляется различного рода инстанциями и социальными институтами, причем иногда в постоянном режиме. Например, в обыденной жизни мы всегда конституируем фигуру Другого, взгляда Другого, который постоянно корректирует наше поведение. Или – другой

пример – наши асаны и поступки в социальном пространстве всегда «задумываются» и осуществляются с «прикидкой» на социум, на нормы морали этого социума, властные инстанции и т.п.

В этом отношении один из привилегированных «объектов» воздействия со стороны социальных инстанций – это, прежде всего внутренние структуры сознания и психики человека, которые «издревле» отвечают за корректировку поведения, создание стереотипов, ценностных установок и т.п. Подобные воздействия носили и носят постоянный характер, формируют наши внутренние убеждения, цели нашего существования, ценностные шкалы и т.п., но они никогда прежде девятнадцатого столетия не носили характер рационально спланированных мероприятий, скрупулезно и, в целом, с научной основательностью выстроенных мер. И даже там, где можно было бы заподозрить присутствие рациональных схем воздействия (например, знаменитые 10 заповедей или восьмеричный благородный путь буддизма), мы имеем дело не с рациональными попытками манипулирования и «зомбирования» аудитории, но скорее с усилиями и воздействием, связанным с иррациональными, харизматическими, пророческими и т.п. побуждениями, верой, представлениями о всеобщем благе и т.п.

Вместе с тем, именно эти иррациональные по своему генезису и интенции практики могут поставить для рациональных методик вполне результативные модели воздействия, которые могут быть применены вполне рационально. Конечно, рационально выстроенные практики воздействия возможны тогда, когда в социуме – и это как раз «почва» для расцвета подобных моделей воздействия – за человеком вообще или за определенной социальной или возрастной группой признается возможность изменяться, изменять свое сознание, «перекодировать» душу, обретать спасение и т.п. Чаще всего именно подобный «фундамент» отсутствует, и именно поэтому вместо того, чтобы «перекодировать» предпочитали просто убивать. Например, при завоеваниях предпочитали уничтожать не только непосредственно тех, кто оказывал вооруженное сопротивление, но и «тех», «кто» «отвечал» за процедуры социальной, религиозной идентификации или выступал их культурным, социальным, моральным и т.п. алиби. А это мог быть не обязательно какой-нибудь «персонифицируемый субъект», а объект, на месте которого, в конечном счете, мог оказаться бог, тотем побежденного населения.

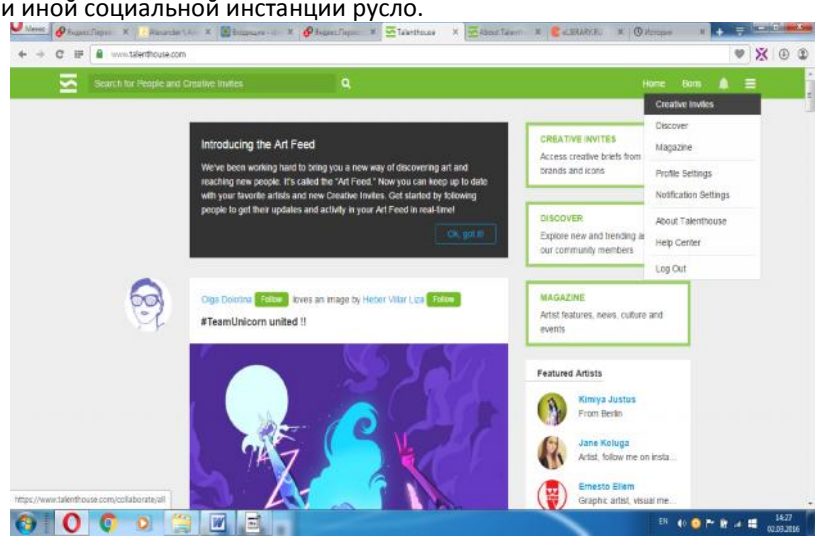
В этом же ключе, как правило, действовала и судейская система, предпочитая изолировать или карать, но никак не воспитывать и преобразовывать. Сама модель «перевоспитания» стала императивом лишь в

последние два столетия. Преступник должен быть просто уничтожен или изолирован, но никак не перекодирован или перевоспитан.

Зон, где осуществлялась и осуществляется перекодировка сознания довольно много, по сути это весь наш социальный и культурный мир, который не только конституируется, но и конституирует нас: мы становимся объектом внимания, социальной дрессуры и воздействия постоянно и с самого нашего рождения. Однако специфика современной ситуации такова: практики воздействия и дрессуры все больше и больше оказываются рационально схваченными, а потому увеличивается возможность вполне внятных и «научно контролируемых» методик, направленных на изменение как поведенческих стереотипов, ценностных ориентиров, покупательских предпочтений, целевых установок, так и трансформацию сознания как такового. Подобные практики не только оказываются востребованными почти во всех сферах современной реальности (от маркетинговых стратегий и различных методик воспитания до попыток реанимации идеологий в формате интернет-идеологий), но и получают вполне внятную поддержку со стороны научного сообщества, различного рода государственных и частных структур, разрабатывающих алгоритмы, модели и объекты воздействия, вырабатывающих и формулирующих основные «правила игры» и т.п.

В современную эпоху, в то время, когда особым статусом обладает виртуальное медиальное пространство (новый, второй мир, вторая реальность), подобные практики, конечно, трансформируются в соответствии со средой применения и воздействия. Они могут быть «растиражированы» в глобальном масштабе, оказываясь востребованными почти в любой социальной сфере, а потому представляют особый интерес к их действенности и значимости для социального пространства. Не претендуя в данной статье на исчерпывающий анализ, но, в большей мере на проблематизацию значимости исследования в данной сфере, рассмотрим всего лишь один пример подобных практик, которые, как любое «орудие» может быть использовано как на благо, так и во вред. В этом отношении ситуация с наличием вполне внятных и уже практически опробованных методик воздействия на аудиторию (прежде всего интернет-аудиторию), как всегда, амбивалентна по своей возможной социальной значимости и востребованности: модели воздействия могут быть использованы как для решения позитивных задач и снятия различного рода «напряжений» и проблем, так и, например, для разжигания различных форм ненависти и вражды.

Мы возьмем для довольно краткого анализа сайт Talenthouse [1]. Резонов обращения к этому, в целом типичному для «виртуального конденсата» желания, несколько. Прежде всего, данный сайт, несмотря на некую незаурядность – что и привлекло наше внимание - довольно репрезентативен для этого «добавочного мира» и использует для своего функционирования и привлечения пользователя весь «джентельменский» набор операционных средств, а потому, наш анализ будет значим не только для данного конкретного виртуального топоса. Talenthouse – это место, где возможно пересечение как экономического, так и чисто творческого интереса самовыражения. Ну и конечно, нас заинтересовал следующий момент: схема построения данного виртуального топоса может быть использована не только для того, что позиционируется как его основная цель, а именно «место для реализации творческих инициатив», но и как модель «непрямого», «мягкого» воздействия, канализации в том числе деструктивных интенций, в позитивное или поощряемое той или иной социальной инстанции русло.



Несколько слов о самом этом виртуальном топосе, о том, на какую пользовательскую аудиторию этот сайт рассчитан, какую «миссию» несет и в чем заключается его востребованность и, соответственно, самое его существование во второй, виртуальной реальности нашей современности. Этот сайт позиционирует себя как место, свободная платформа для творческой инициативы, как зона реализации различного рода художественных проектов. Но в отличие от огромного количества подобно-

го рода площадок для «манифестации» «собственного креативного Я» и его «произведений», Talenthouse является площадкой для проведения различного рода конкурсных инициатив и огромного количества конкурсных заказов. Например, в «закладке» «Creative invites» (Креативные, творческие предложения) мы видим «бесконечный» перечень различного рода конкурсов:

«Create visual artwork for Moxy Hotel New Orleans» (Создайте визуальный артобъект для Moxy Hotel в Новом Орлеане);

«Design an alternative digital summer catalogue cover for Boden» (Нарисуйте альтернативную цифровую обложку летнего каталога Boden);

«Design the logo for Plan C Studios» (разработайте логотип для Plan C Studios);

«Design a T-shirt for Coldplay» (разработайте дизайн футболки Coldplay) [1] и т.д, и т.п.

Пользователи сети могут, зарегистрировавшись на данном сайте, как разместить свои креативные работы, фотографии своих изделий или творений и т.п., так и просто, «кликнув» на соответствующую закладку, посмотреть работы, которые участвуют в том или ином конкурсе. Надо сказать, что войдя в «пространство» любого конкурса мы обнаружим сотни, а иногда, тысячи «поделок» и «шэдэвров» претендентов на победу: сайт «живой» и довольно популярный. И популярен он не только потому, что представляет площадку для «манифестации» творений, как правило, начинающих художников, дизайнеров, скульпторов, музыкантов и т.п., но и потому, что речь идет о возможности выиграть конкурс с вполне внятной денежной компенсацией (как правило речь идет о 1000 долларах) и возможности реализовать свой творческий проект у уже «раскрученных» или популярных актеров, режиссеров или организаторов того или иного события, шоу и т.п. Таким образом происходит довольно продуктивный для обеих сторон этого процесса «диалог»-коммуникация: «учредитель» конкурса получает без всяких хлопот и за небольшие деньги того, кто способен выполнить его творческое задание или заказ, а «юное» дарование – возможность не только заработать, но и «раскрутить» свое имя, что, понятно, может оказаться гораздо привлекательнее обещанного гонорара.

Что же нам показалось довольно интересным в этом «виртуальном топосе», который, наверное, не столь уж оригинален, ибо не счесть мест, где размещаются в он-лайн режиме различного рода объявления о возможной работе, вакансиях, продажах, грантах и т.п.?

Прежде всего «цена» вопроса. За небольшие деньги учредитель конкурса получает «вожделенный» и реализованный проект, за которые бы он по «официальным» или «профессиональным» каналам заплатил бы большую сумму, при этом, будучи ограниченным в возможных вариантах выбора. В любом разделе-конкурсе представлены, как уже говорилось, сотни, а иногда тысячи претендентов на победу, часть работ которых, конечно, не очень высокого качества, но вместе с тем встречаются и довольно оригинальные, иногда идущие «вразрез» с профессиональными обыкновениями, что собственно говоря, не так уже и плохо, ибо самобытность не так уж часто встречающееся и, соответственно, довольно дорогостоящее «мероприятие».

Во-вторых – и это наверное самое главное – авторы проекта Talenthouse вольно или невольно использовали модель, которую можно использовать как «оружие» воздействия и принуждения, конечно, не грубого, «откровенного» принуждения или воздействия, но «ненавязчивого» и «мягкого», но от этого не менее результативного. Конечно, и в сфере массовых коммуникаций можно действовать довольно «незамысловато», продвигая, например, ту или иную социальную или коммерческую инициативу. При подобном прямолинейном сценарии результативность довольно мала, а затраты непомерно велики. С этими проблемами сталкиваются не только в сфере маркетинга, когда нужно «продвигать» ту или иную услугу или товар, но и в электоральной ситуации, когда нужно «мобилизовать», убедить, заинтриговать или «соблазнить». Принуждение к действию может идти как формате «прямого приказа» или принуждения, которое, кстати, всегда может породить не подчинение, но симуляцию подчинения. И мы знаем, как трудно «организовать» или заинтересовать современного пользователя какой-либо социальной или коммерческой инициативой.

В этом горизонте «мягкий» ненавязчивый соблазн, который транслируется по модели Talenthouse и, соответственно, запуск процедур включения в тот или иной процесс, в ту или иную деятельность, создает условия перекодировки, трансформации, становится более результативным и, без сомнения, менее затратным. То, чего можно достичь, используя ту модель включения в процесс, которая как раз и представлена интернет-ресурсом Talenthouse, и есть возможность получить небольшой гонорар за престижный и перспективный заказ, что мобилизирует сотни, а иногда, тысячи пользователей. В этом отношении, по подобному каналу можно транслировать не только желание заказчика получить за небольшую цену оригинальное решение той или иной проблемы, найти того

или иного неординарно мыслящего и творящего оформителя, дизайнера, модельера и т.п., но и любое, в том числе социальное, «желание», социальный заказ, причем осуществить это не в режим «симуляционного», т.е. не перекодирующего сознание воздействия, но через непосредственное включение в тот или иной процесс, то или иное «требуемое» действие.

Подобных сценариев, моделей возможного воздействия довольно много и мы рассмотрели вкратце лишь один пример. Все эти модели, «виртуальные топосы желания, власти и воздействия» действуют в том режиме внятности, зримости и рационального планирования, который начал формироваться в новоевропейской культуре начиная с XIX века. Новое, виртуальное пространство, которое получает в современности привилегированный статус реальности, как трансформирует эти модели, в соответствии с «новыми реалиями» и новыми «правилами» игры, так и создает «доселе неиспробованные» рецепты воздействия. Но все они следуют в том фарватере конституирования и воздействия на реальность, которые возникли в эпоху Ренессанса и в XIX веке приобрели вид рационально выстроенного и скроенного воздействия.

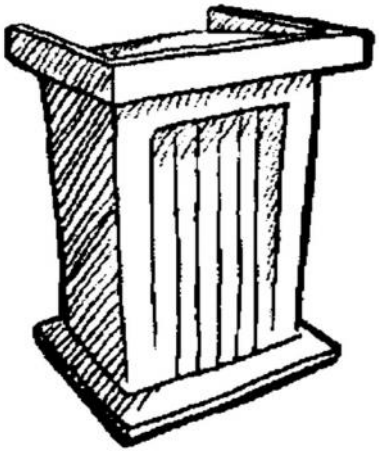
ЛИТЕРАТУРА

1. https://www.talenthouse.com (время обращения 25.02.2016)

TRANSLIT

1. https://www.talenthouse.com (vremya obrascheniya 25.02.2016)

S y m p o s i u m



Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: С.А. Троицкий . С.43-48

С.А. ТРОИЦКИЙ

кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ И ИДЕОЛОГИЯ РЕГИОНАЛИЗМА

В статье, являющейся своего рода вступлением к тематическому блоку материалов семинара, проходившего в октябре 2015 года в рамках конференции «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья в XIX-XX веке», предлагается интерпретация наследия регионализма с точки зрения вклада в развитие и становление методологии исследования, терминологии, формирования круга проблем исследования культурных границ, зон культурного отчуждения. Статья обращает внимание на то, что регионализм, несмотря на постановку проблемы, пионерские для XIX века исследования, тем не менее оказывается в отношении культурной топографии достаточно традиционен, оставаясь в рамках имперской идеологии, парадигмы «центр-периферия».
Ключевые слова: центр, периферия, империя, зона культурного отчуждения, регионализм, областничество, границы культуры.

S.A. TROITSKY

PhD, Senior Lecturer
Saint Petersburg State University

PROBLEM OF CULTURAL EXCLUSION AND IDEOLOGY OF REGIONALISM

This article is the introduction to the thematic compilation of the articles, which were written after the seminar “Principle of the borderline and regionalism in the culture”. The seminar was conduct in the framework of the conference “Mechanism of the forming zones of the cultural exclusion and borderline in XIX-XX century” (October 2015, Saint Petersburg State University, Russia). This introduced article interprets theories of the Russian regionalists as the first Russian researching on cultural borderlines and borders of the culture. That’s why, regionalism has still value for the standing the science problem, terminology, methodology of the researching, etc. However, regionalists’ theories had footprints of the traditional imperial views on the cultural topography, where the opposition “center” and “periphery” was main.

Key words: centre, periphery, empire, zone of the cultural exclusion, regionalism, cultural borderline, borders of the culture.

Ни одно слово не должно быть лишним, ни одна буква не должна пропасть – таков прагматизм научного мышления и мышления ученого. Читать научные тексты и их писать, делать научные доклады и их слушать, – это как пить, не проливая ни капли, не задаваясь вопросом, насколько свежа и полезна жидкость, которой утоляется жажда. Отказаться тоже не получается, поскольку жажда настолько велика, что пропустить источник нет никакой возможности. Утоленная жажда рано или поздно позволит расти (мысли, цветку, животному). Остается только надеяться, что источник не отравлен, а жидкость свежа.

Однако источники все должны быть на учете, более того, необходим постоянный контроль, чтобы действие жидкости не оказалось особенно пьянящим или, наоборот, отрезвляющим, – такова позиция государства, такова прагматика чиновника. Если есть сомнения в соответствии инструкции технических параметров источника, единственный путь – его перекрыть, не дать расти, не дать развиться.

Обе описанные прагматики не хороши и не плохи, но совершенно несводимы одна к другой, в результате чего они вступают в конфликт друг с другом. Такой конфликт приводит к различным результатам. Попытка вытеснить научную теорию, объявить ее вне закона не уничтожает ее, как этого бы хотелось носителям государственной прагматики, но вытесняет на границы культуры, в зону культурного отчуждения, где теория, как и автор (имя автора) оказываются недоступны для машины запрета (запрет невозможен в запретной зоне, маргинализация на границе неосуществима). Таким образом, одерживая тактическую победу в борьбе за соответствие системе, государство зачастую оказывается в ситуации стратегического поражения в конфликте с носителями научной прагматики. Подобный конфликт подобен дистиллятору, который очищает от временного и устаревшего, сохраняя и подчеркивая актуальное и новое в любой теории. Таких примеров можно вспомнить огромное множество (в одном только XX в. в СССР: кибернетика, генетика, цитология, этология, теория относительности, социология, психоанализ, экология и др.). Ты научную теорию только что родившуюся, грязную и весьма неэстетичную

гонишь в дверь за ее некрасоту, ведь есть же уже вполне себе красивые, привычные и даже, наверное, понятные теории, а она – в окно, но уже сияющая, чистая, почти безупречная, затмевающая все предыдущие. Наука, формулирующая свои выводы на основании собственного развития, всегда делает это с опережением общественного мнения, которое есть результат популяризации этих выводов. Там, где чиновник (государство) как система стереотипов, машина сохранения стабильности и порядка, берет на себя роль специалиста по логике развития науки и пытается оценивать результаты этого развития, научные выводы становятся вовлеченными в торговлю стабильностью в качестве разменной монеты или вообще оказываются выброшены из оборота из-за кажущегося отсутствия ценности.

Прекрасным примером сказанного выше оказалось учение регионализма (сибирских областников, украинофилов, центрально-российских и западноросских областников, идеи казацкой автономии). Вытесненное из научного оборота в XIX в. по политическим причинам, оно постепенно вернулось, став предметом изучения, объектом научного интереса со стороны историков, культурологов, социологов, экономистов, политологов [3, с. 60–77]. Вместе с тем этот интерес давно уже перерос только лишь краеведческое бытописание знаменитых земляков. Публикуемые сборники, проводимые конференции показывают тенденции к дальнейшему расширению и углублению. Семинар «Принципы пограничности и регионализма в культуре: к 180-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина и 150-летию “Дела об отделении Сибири от России”», прошедший в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета в октябре 2015 года, стал своего рода катализатором интереса к теме регионализма, – географическая представленность, широта тем, полидисциплинарность проблем были впечатляющими. Все свидетельствовало и свидетельствует о том, что даже после предыдущих научных собраний («Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества», «Философско-идеологический дискурс народничества и областничества в зеркале отечественной науки XXI в.») [2; 4], ученым не только есть что добавить, но и оставшееся недосказанным намного больше того, что уже сказано [1, с. 184–187].

Интеллектуальное наследие регионализма оказывается сейчас особенно актуально и привлекательно для гуманитариев, поскольку стремится описать то, что в XIX в. было совершенно невостребованным. Именно регионалисты подняли проблему культурных границ и зон культурного пограничья. Поскольку тогда универсальный терминологический аппарат не сложился, каждый по-своему видел проблему, по-своему ее описывал, используя собственные термины, определяя по-своему важное и неважное для описания, используя собственную оптику, в связи с чем конвертировать описания и основные проблемные точки из одной системы научных координат в другую (из теории одного представителя регионализма в теорию другого) возможно только в общих чертах. Подробная конвертация с тщательной детализацией вряд ли доступна из-за разницы в языковых онтологиях. То, что названо и описано, а значит, считается важным у одного, совершенно неважно, а потому лишено даже упоминания у другого. Связано это вовсе не с тем, что у всех регионалистов различная теоретическая подготовка, принадлежность к разным научным дисциплинам, политические взгляды или что-то еще их разъединяющее. Причина, в общем для них, в новизне темы, в неописанности научной проблемы. Языка специального не было, а проблема была, вот и пытались увидившие проблему подступиться к ней с разных сторон.

Терминологические системы, методологические подходы в исследовании регионалистами культурных границ до сих пор таят массу возможностей, как для описательных и классификационных процедур, так и для процедур сущностного и содержательного анализа, несмотря на то, что регионализм, конечно, реализовывал в смысле идеологии исследования только лишь стратегию, построенную на противопоставлении центра и периферии. Эта стратегия, ориентирующаяся на оптику прямого взгляда и равнинную топографию, вполне соответствовала идеологии империи. Империя не предполагает границы, если нет естественных преград, которые мешают устанавливать границы там, где заканчивается поле зрения (видения) (речь идет о равнинном мышлении границ, а не действительных процедурах ограничения кем-то из русских правителей), в отличие от политических образований и соответствующих им форм мышления границ, форм культуры, предполагающих плохую доступность для контроля,

а потому допускающих децентрализацию для сохранения системы. Для регионалистов актуальна система центр-провинция, в которой действуют центростремительные и центробежные силы, противостояние которых создает напряжение, отражающееся в культуре, однако, снять которое не представляется возможным. Провинция в этой системе вынуждена транслировать и воспроизводить центр помимо собственной воли, а центр существует, только если есть провинция, т. е. провинция нуждается в центре, а центр – в провинции. Таким образом, рассматривая новаторский взгляд регионалистов, мы отмечаем, что практически во всех попытках концептуализации проблемы речь идет о перенесении границ и/или перенесении центра, хотя центр мыслится уже не как безусловный точечный источник власти, речь идет о рассеивании центров, но построенных все на том же принципе «центр-периферия».

Публикуемые ниже статьи – это интересный, порой, по-детективному захватывающий и требующий дальнейшего развития опыт исследования регионализма. Статьи написаны на основе докладов на семинаре «Принципы пограничности и регионализма в культуре: к 180-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина и 150-летию “Дела об отделении Сибири от России”» и в этом смысле несут в себе следы заданной теме, посвящены тому, как проблема культурных границ и зон культурного пограничья отразились в концепциях различных представителей регионализма, но большее внимание уделено все-таки сибирскому областничеству и Г.Н. Потанину.

Кто знает, может быть, именно идеи регионализма станут для кого-то из читателей именно тем источником, который не только утолит информационную или интеллектуальную жажду, но будет настолько упоительным и пьянящим, что оторваться от него уже не окажется невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малинов А.В., Пешперова И.Ю. Семинар «Принципы пограничности и регионализма в культуре: к 180-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина и 150-летию “Дела об отделении Сибири от России”» // Соловьёвские исследования. Вып. 4 (48) 2015.
2. Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010 – 186 с.
3. Троицкий С.А. Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Том XVI. № 1 (66).

4. Философско-идеологический дискурс народничества и областничества в зеркале отечественной науки XXI в.: сборник материалов всероссийской с международным участием (заочной) научно-практической конференции. 18 октября 2011 г. / под ред. А.В. Головинова, А.В. Малинова. Барнаул – Санкт-Петербург: Изд-во «Сизиф», 2011. – 106 с.

TRANSLIT

1. Malinov A.V., Peshperova I.Ju. Seminar «Principy pogranichnosti i regionalizma v kul'ture: k 180-letiju so dnja rozhdenija Grigorija Nikolaevicha Potanina i 150-letiju “Dela ob otdelenii Sibiri ot Rossii”» // Solov'jovskie issledovanija. Vyp. 4 (48) 2015.
2. Oblastnicheskaja tendencija v russkoj filosofskoj i obshhestvennoj mysli: K 150-letiju sibirskogo oblastnichestva / Otv. red. A.V. Malinov. SPb.: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2010 – 186 s.
3. Troickij S.A. Oblastnichestvo v rossijskoj gumanitarnoj nauchnoj literature // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2013. Tom XVI. № 1 (66).
4. Filosofsko-ideologicheskij diskurs narodnichestva i oblastnichestva v zerkale otechestvennoj nauki XXI v.: sbornik materialov vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem (zaochnoj) nauchno-prakticheskoj konferencii. 18 oktjabrja 2011 g. / pod red. A.V. Golovinova, A.V. Malinova. Barnaul – Sankt-Peterburg: Izd-vo «Sizif», 2011. – 106 s.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: А.Б. Панченко. С.49-59

А.Б. ПАНЧЕНКО

кандидат исторических наук,
Сургутский государственный педагогический университет

«СИБИРЬ» ИЛИ «АЗИАТСКАЯ РОССИЯ» – ОБЛАСТНИЧЕСТВО МЕЖДУ ИМПЕРСКИМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ДИСКУРСАМИ

В статье анализируются взгляды сибирских областников на вопрос о месте Сибири в структуре Российской империи. В эпоху дискуссий о дальнейшем устройстве России – как империи или как национального государства – областники до конца не могли определиться, к какой из парадигм примкнуть. Если в период зарождения областничества им был ближе колониальный дискурс, то в дальнейшем они начали склоняться к национальному. В зависимости от поднимаемых вопросов, областники воспринимали Сибирь то как колонию, в которой может сформироваться новая нация, то как область России, население которой хоть и отличается от великороссов, но входит в «большую русскую нацию».
Ключевые слова: областничество, национализм, Сибирь, Азиатская Россия, колониализм.

A.B. PANCHENKO

PhD (in History),
Surgut state pedagogical university

«SIBERIA» OR «ASIAN RUSSIA» - REGIONALISM BETWEEN IMPERIAL AND NATIONAL DISCOURSES

In the article the Siberian regionalists' views about Siberia place in the Russian empire structure are analyzed. During the epoch of discussions about the further Russian state system – as an empire or as a national state - regionalists could not define up to the end what paradigm to side with. If during the regionalism's origin the colonial discourse was preferably for them, further they have started to tend to the nationalism. Depending on risen issues, regionalists perceived Siberia as a colony in which new nation could be generated, or as Russian region which inhabitants differed from Great Russian, but formed "the big Russian nation".
Keywords: regionalism, nationalism, Siberia, Asian Russia, colonialism.

Эпоха Великих реформ в России ознаменовалась многочисленными изменениями в различных сферах. Государство модернизировалось, стремясь достичь паритета с ведущими европейскими державами. Одним из важнейших вопросов, обострившихся в этот период, стало осмысление дальнейшего формата державы – как национального государства или же как империи. Эта проблема находилась в центре внимания не только правительства, но и широких слоев образованного общества, причем консенсуса не было ни в одной из групп акторов. Дополнительную сложность идущим спорам придавало наличие еще двух парадигм – унитаристской и федералистской (существовавших внутри как имперского, так и национального дискурсов).

Имперский формат России предполагал выделение в ней «русского ядра»/метрополии и национальных окраин (в первую очередь Царства Польского и Великого княжества Финляндского), для которых приемлем свой способ управления, а сохранение культурной и языковой уникальности было совершенно нормальным явлением. С точки зрения сторонников второго направления Россия мыслилась как национальное государство – русское или же российское, а все регионы должны были быть унифицированными территориальными единицами. Русификация же была неизбежна, поскольку только русские/россияне могут быть полноправными гражданами государства.

Сквозной линией в этих дискуссиях стоял вопрос о взаимоотношениях центра и окраин, особенно это касалось двух, находящихся на противоположных концах империи – Западного края (в первую очередь Украины/Малороссии) и Сибири. Унитаристскую парадигму в первую очередь озвучивали представители власти, в рамках федералистской же сформировались различные областнические объединения.

У истоков областничества в Российской империи стояли Н.И. Костомаров и А.П. Щапов, строившие свои теории на основе материалов Украины и Сибири соответственно. Хотя авторы монографии «Сибирь в составе Российской империи» и говорят, что «Костомаров и Щапов в 50–60-е гг. XIX в. сформулировали два противоположных подхода к проблеме федеративного устройства России по национальному и территориальному (региональному) принципам» [11, с. 303], но принципиальных различий тут не было – оба они исходили из существования различных «областных типов» русской народности. В дальнейшем наибольшее развитие идеи этих ученых получили в творчестве представителей сибирского областничества.

В связи с этим определенный интерес представляет соперничество двух парадигм – унитаристской и федералистской – вокруг концепта «Сибирь», нашедших отражение в многочисленных публикациях, рассчитанных на широкую читающую публику.

Среди администраторов и руководителей Российской империи понятие «Сибирь» вплоть до конца XIX в. употреблялось достаточно активно в различных сочетаниях – «Сибирское царство», «Сибирская губерния», «Сибирский комитет» и т.д. Даже разделение Сибири сначала на два генерал-губернаторства (Западно- и Восточно-Сибирское), а потом и на отдельные губернии и области, не привело к исчезновению обобщающего понятия. Однако в этот концепт вкладывалось исключительно административно-территориальное содержание. Сибирь понималась как колония, но колония, постепенно врастающая в метрополию посредством «плуга русского крестьянина». По словам А.В. Ремнева: «Оставляя, по сути дела открытым вопрос – колония Сибирь или провинция, самодержавие так и не смогло выработать четко очерченного правительственного курса по отношению к Сибири» [7, с. 100]. Эти метания проявились и в постоянных территориально-административных реформах, осуществляемых центральным правительством на протяжении всего XIX в.

Вопрос о месте Сибири (и, соответственно, ее населении) в структуре Российской империи был принципиальным для стратегии нациостроительства. В том случае, если она является провинцией, то ее население может без труда интегрироваться в состав «большой» русской нации (наравне с великороссами, малороссами и белорусами), даже если оно представляет собой некий областной тип. Если же Сибирь – колония, то этот статус может послужить стимулом для превращения этнических русских, проживающих на ее территории, в основу для будущей сибирской нации (как произошло с английскими поселенцами в Северной Америке). В зависимости от ответа на этот вопрос должна была определиться и дальнейшая стратегия имперской власти в деле нациостроительства – идти путем русификации или предоставления определенной политической автономии по аналогии с Финляндией и Царством Польским.

В рамках областнического дискурса тезис о Сибири как колонии считается краеугольным. Но помимо административного и географического содержания термин «Сибирь» стал приобретать историко-культурное и этнографическое. Поэтому Сибирь – это в первую очередь регион, населенный сибиряками – областным типом русской народности (так же как на западной окраине империи Украина – это была область, населенная малороссами-украинцами, еще одним типом русской народности). Соот-

ветственно важны не территориальные границы, а преимущественно культурно-этнографические.

Однако к такому пониманию места Сибири областники пришли далеко не сразу. Например, в одном из ранних писем Г.Н. Потанина Н.С. Щукину говорилось: «в России не существует умственной жизни в провинции, что провинция – туловище, отправляющее один животно-растительные процессы, что Сибирь – одна из резко отмежеванных провинций» [3, с. 58]. Здесь Сибирь – это просто одна из провинций государства, однако уже указывается на существование определенного ее отличия от всех прочих регионов. Но дальше в том же письме говорится о стремлении к максимальной автономии этой провинции: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же» [3, с. 59]. Это уже фактически приравнивало Сибирь к субъекту конфедерации или же – к колонии, претендующей на полную независимость от метрополии.

Пожалуй, наиболее ярко противопоставление Сибири-колонии и России-метрополии, а также сибиряка и русского было представлено в стихотворении А.П. Щапова, записанного Г.Н. Потаниным и переданном другим членам областнического кружка. Помимо прочего, в нем были и такие слова: «Тебе (Сибири – *А.П.*) скажу, за что страдаю в стране проклятых москалей» [3, с. 61]. Сибирь в стихотворении приравнивалась к Польше и Украине, как регионам, борющимся за национальную независимость, а Россия называлась Великороссией, что сужало ее национальные границы.

Областнический дискурс, таким образом, мог существовать только в рамках имперской парадигмы восприятия России. Областниками Сибирь воспринималась как национальная территория, обладающая правом на самобытность так же, как и Польша, Украина или Финляндия. Русификация, как проявление национальной парадигмы, рассматривалась как безусловное зло, поскольку приводила к утрате тех отличий, которые позволяли выделять Сибирь в отдельную область. При этом процесс русификации все же относился к инородческому населению Сибири, мало затрагивая сибиряков. Здесь заметна определенная недосказанность – кто же является носителями настоящей сибирской национальности – представители «областного типа русской народности» или же коренное население региона. И если сибиряки – это не-русские, то кем являются инородцы, особенно подвергшиеся русификации?

«Дело о сибирском сепаратизме» (1865) могло бы продемонстрировать существование угрозы для национально-унитарного проекта устрой-

ства Российской империи, но этого не произошло, даже начальник следственной комиссии полковник В.П. Рыкачев по этому поводу говорил следующее: «Какой же должен быть заговор, как сильна должна быть личность, стоящая во главе его и какими он должен обладать средствами, чтобы возбудить эти 4 миллиона к сепаратизму?» [12, с. 33]. Именно поэтому позиция властей по поводу статуса Сибири не претерпела существенных изменений, сохранив ту же двойственность. Зато в дальнейшем несколько видоизменилась позиция самих областников, правда не став от этого более четко сформулированной.

Так, некоторые из них (в том числе и лидеры областничества – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев) приняли участие в многотомном издании «Живописная Россия» (1881–1901), сам принцип организации которого предполагал выделение описываемых регионов по территориальному принципу. Сибири были посвящены два тома (11 и 12, второй в двух частях) и если первый носил название «Западная Сибирь», то второй – «Восточные окраины России». Согласившись на участие в данном проекте, областники как бы косвенно признавали национальный формат устройства России, хотя и не отказываясь полностью от имперского (например, одна из глав, написанных Г.Н. Потаниным носила название «Завоевание и колонизация Сибири»).

Практически в это же время вышла работа Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония», что подчеркивало приверженность областников имперскому проекту (хотя это не мешало им критиковать центральное правительство за пренебрежение нуждами Сибири). Но при этом в работе Н.М. Ядринцева вообще ставился знак равенства между понятиями «Сибирь» и «Азиатская Россия» [15, с. 2].

Помимо этого Николай Михайлович предпринял попытку разрешить дилемму, существовавшую у областников относительно населения Сибири. Он связал формирование сибиряков с процессом смешения русского и инородческого населения: «Врезавшись в среду инородческого населения, русские преимущественно обынородчивались по окраинам, и от окраин, в большей или меньшей степени, влияние это распространилось на всю массу населения, так что инородческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где она не была в непосредственном соприкосновении с инородцами» [15, с. 50–51]. Это делало сибиряков наследниками двух этнокультурных общностей, что позволяло им говорить от лица всего населения Сибири, отстаивать перед центральным правительством права всех национальностей. Но при этом до конца не было ясно являются ли сибиряки новой нацией, которая претендует на определен-

ную независимость в рамках имперской парадигмы, или просто областным типом большой русской нации, который постепенно может слиться с остальными типами в ходе политики русификации. Дополнительную сложность этому вопросу придавал тот факт, что, по словам Н.М. Ядринцева, именно сибиряки считают себя истинно-русскими, сомневаясь в «русскости» выходцев из Европейской России [15, с. 61].

Следует отметить, что в индивидуальных работах областники часто были гораздо радикальнее в своих высказываниях. Например, П.М. Головачев в сочинении «Сибирь. Природа. Люди. Жизнь» указывал, что «Сибирью называется вся северная часть Азии почти на восемь тысяч верст к востоку от Уральских гор до Тихого, или Великого, океана и тысячи на четыре верст от Северного Ледовитого океана к югу до границы Китайской империи <…> На западе Сибирь отделяется от России длинным Уральским хребтом» [2, с. 5]. Здесь абсолютно четко видно противопоставление Сибири России не как части целому, а как одного независимого региона другому. Но это относилось в первую очередь к Сибири как географическому региону, поскольку в главе, посвященной населению региона, уже упоминались переселенцы из Европейской России [2, с. 101–102]. Из этого логично вытекало уже восприятие Сибири как нескольких областей империи, расположенных на территории Азии. Но в то же время автор использовал для обозначения «коренного русского населения» края термин «сибиряки», указывая на существование у них серьезных отличий от великороссов [2, с. 192].

В статьях Г.Н. Потанина, публикуемых им в периодических изданиях, как и прежде упор делался на колониальный статус Сибири [6]. Но в том случае, если он принимал участие в коллективных работах, риторика несколько менялась. Например, для сборника «Сибирь. Ее современное состояние и нужды» им были написаны статьи «Города Сибири» и «Нужды Сибири»[1]. В этих разделах Григорием Николаевичем говорится о Сибири как придатке Европейской России, а не ее колонии, а о населении говорится как о русских людях, обитающих на этом придатке [5, с. 261–262]. Понятие же «колонизация», которое, например, использовалось Г.Н. Потаниным в упомянутом очерке из «Живописной России», понима-

[1] Примечательно, что раздел о населении региона был написан Д.А. Клеменцем – бывшим народником, который, несмотря на длительное проживание в Сибири, был приверженцем национального дискурса, а не Г.Н. Потаниным, который был признанным специалистом в этой области.

лось просто как процесс заселения и освоения русскими территории, находящейся за Уралом, итогом чего не являлось превращение Сибири в колонию. Вообще, в этом тексте Г.Н. Потанин достаточно неожиданно выступил как абсолютный приверженец национального дискурса, провозгласив, что «приведение Сибири в одно целое с европейскою Россиею установлением единства в системе управления обеими этими русскими территориями – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русскою страною, но и органическою частью государственного нашего организма – в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения» [4, с. 48].

Наиболее последовательно областники отстаивали идею колониального положения Сибири в рамках обсуждения инородческого вопроса. В сочинениях на эту тему понятие «Азиатская Россия» полностью отсутствовало [8; 14]. Говоря о проблемах и нуждах инородцев, областники уподобляли их населению колоний европейских держав. При этом они допускали, что по мере развития у этих народов образованности, будет развиваться и национальное самосознание (что необходимо всячески поддерживать), итогом чего должно стать предоставление определенной автономии для территорий их проживания [8, с. 12]. Правда открытым оставался вопрос, должна ли эта автономия быть предоставлена центральным правительством, или же это дело властей независимой Сибири. Также неясны были судьба и статус областей, где преобладающим населением являются потомки русских переселенцев.

И если областники на рубеже XIX–XX вв. еще колебались между имперским и национальным дискурсом, то в целом в Российской империи все больше начинал преобладать второй из них. Он отчетливо проявлялся в публикациях, написанных без привлечения областников (в том числе и тех, которые выходили в самой Сибири[1]). Практически одновременно начинает выходить издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», построенная по культурному принципу (в рамках которого выделялись Западная (том вышел в 1907 г.), Восточная и Средняя Сибирь) и публикуется «Атлас Азиатской России» (1914), в котором явно заметно стремление описывать Россию как национальное государство, только по географическому принципу разделяющееся на Европейскую и Азиатскую части. В 1905 г. вышло первое издание книги «Азиатская Рос-

[1] Например, издаваемый в Томске «Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России» (1895, 1897 гг.) говорил о Сибири именно как части Азиатской России.

сия. Иллюстрированный географический сборник», где само понятие «Сибирь» почти не использовалось, а из всех статей этого сборника только две были написаны участниками областнического движения (П.М. Головачевым и А.В. Потаниной[1]). Можно говорить о процессе «врастания» Сибири в «коренные» русские земли, что фиксировалось в этих изданиях. И важнейшим механизмом освоения Сибири как части России стал Великий Сибирский путь – Транссибирская магистраль. Поэтому неудивительно, что ему посвящались как очерки внутри перечисленных изданий, так и многочисленные иллюстрированные альбомы, в которых природа Сибири выглядела совершенно неотличимо от той, что присуща Европейской России.

В отношении областников к Транссибирской железной дороге также заметна определенная непоследовательность. Безусловно, они были знакомы с железнодорожной политикой, проводимой в Германии и приведшей к национальной унификации. Понимали они и то, что правительством проект Транссиба «с самого начала воспринимался как средство территориальной консолидации и приведения империи к культурной однородности» [13, с. 367]. Таким образом, строительство этой железной дороги приведет не только к серьезным изменениям в экономике[2], но и к утрате Сибирью своих культурных особенностей. Правда, Г.Н. Потанин достаточно скептически отзывался об унифицирующих возможностях железных дорог: «Что же касается до нивелирующего действия дорог, то, конечно, никакая железная дорога не в состоянии отменить воздействий климата на человека. Климат – самый упорный, самый закоснелый сепаратист, и ничто не помешает ему вопреки шовинистским, обрусительным и т. п. вожделениям образовывать расу, если в нем самом есть особенности» [5, с. 266–267]. В целом областниками предлагалось сначала наладить сообщение между отдельными частями Сибири, укрепить внутрисибирские экономические связи, а только потом задумываться о проекте создания

[1] Это были очерки «В степном крае» и «Верхнеудинские буряты» соответственно.

[2] Областники считали, что эти изменения могут оказаться катастрофичными для Сибири, усилив ее статус сырьевого придатка для России. Например, Н.М. Ядринцев писал: «…не будет ли, при таких условиях, самая железная дорога орудием для продолжения тех же средств наживы, какая практиковалась до сих пор» [15, с. 258]. Кроме того, многих сибирских авторов беспокоил вопрос стоимости строительства этой железной дороги, поскольку существовали опасения, что оплачивать проект будут сами сибиряки, также речь шла о возможных многомиллионных убытках для государства.

Транссибирской железной дороги. Хотя это нигде и не проговаривалось, но это также могло привести и к формированию общесибирской идентичности, что отвечало представлениям о Сибири как колонии, стремящейся к независимости.

Подобные колебания между имперским и национальным дискурсами присутствовало и в ряде центральных изданий. В известном словаре Брокгауза и Ефрона давалось определение обеим понятиям – «Сибирь» и «Азиатская Россия». Причем если первому понятию была посвящена значительная статья объемом более пятидесяти страниц, то второму авторы словаря уделили только один абзац в дополнительном томе, а сама Азиатская Россия рассматривалась только в географическом смысле: «часть Российской Империи, расположенная на Азиатском материке; заключает в себе Сибирь, Среднеазиатские владения и Кавказский край» [14, с. 45]. С одной стороны в рамках этого понятия «Сибирь» низводилась до одной из областей России, просто расположенной в Азии, но с другой – два других региона, входящих в Азиатскую Россию, обладали ярко выраженными национальными особенностями, что позволяло воспринимать и Сибирь как особый край, населенный не русскими, но особым этнографическим типом.

Это подтверждалось и в самой статье о Сибири, первый раздел которой даже назывался «Географическое описание страны» (хотя понятие «страна» часто применялось просто в значении «сторона, край»). Но в той части статьи, где говорилось о населении Сибири, по поводу представлений о существовании «областного типа русской народности» или «сибиряка» утверждалось, что это – «лишь собирательные понятия, а не какой-либо реальный, единый областной тип» [10, с. 763]. Также указывалось, что русское население Сибири распадается на три большие группы: старожилы (проживавшие в регионе несколько поколений), новоселы (прибывшие за последние 15–20 лет) и крестьяне-староселы (прибывшие ранее, чем за 20 лет, но сохранившие память об исконном месте проживания). Что касается остальных народов Сибири, то все они объединялись в понятие «инородцы», что делало их однозначно жителями колонии империи, а не провинции национального государства. Тут отчетливо заметна непоследовательность авторов, которые стремились соединить «национальный» и «имперский» дискурсы.

Областники так до конца и не определились, какой подход для них был более приемлем – имперский или же национальный. Хотя они и редко использовали понятие «Азиатская Россия», предпочитая ему «Сибирь», но в ряде случае они вкладывали в него не этнокультурный, а ис-

ключительно пространственный смысл. Это лишний раз подчеркивает их вовлеченность в более глобальный дискурс о формате государственного устройства России, который не завершился даже с распадом страны в 1917 г. Показателен в этом отношении курс лекций одного из видных деятелей позднего областничества – И.И. Серебренникова, написанный и опубликованный уже в эмиграции. Несмотря на название – «Сибиреведение» – под Сибирью автор понимал «северно-азиатские владения России» [9, с. 21], хотя и разводил географический и административный смыслы термина. Сибирь называлась одной из областей, входящих в состав Азиатской России, а о жителях ее говорилось, что «Коренное русское население в Сибири составляют великороссы» [9, с. 52]. По сути, эта работа является попыткой перевода областнического дискурса из имперской парадигмы в национальную. Показательно, что это произошло только после того, как потерпела поражение идея «единой и неделимой» России адмирала А.В. Колчака, в правительстве которого И.И. Серебренников занимал пост министра продовольствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатская Россия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Дополнительный том I. СПб., 1905. С. 45.
2. Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. 2-е изд. М., 1905.
3. Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. Иркутск, 1987.
4. Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Т. XI. СПб., 1884.
5. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и нужды. СПб., 1908.
6. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сибирская жизнь. 1907. 20, 23 мая, 6 июня, 6 июля. № 28, 30, 41, 65.
7. Ремнев А.В. Административное единство Сибири в исторической ретроспективе // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века). Бахрушинские чтения 1997 г. Новосибирск, 1999.
8. Серебренников И.И. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск, 1917.
9. Серебренников И.И. Сибиреведение: конспект лекций по сибиреведению, читанных на Кооп. курсах в Харбине в мае-июне 1920 г. Харбин, 1920.
10. Сибирь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXIXа. СПб., 1900.
11. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007.
12. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Областники. Новосибирск, 1995.
13. Шренк Ф.Б. Imperial inter-rail: Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М, 2010.
14. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.
15. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1889.

TRANSLIT

1. Aziatskaya Rossiya // Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona. Dopolnitelnyiy tom I. SPb., 1905.

2. Golovachev P. Sibir. Priroda. Lyudi. Zhizn. 2-e izd. M., 1905.
3. Pisma G.N. Potanina. T. 1. Irkutsk, 1987.
4. Potanin G.N. Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri // Zhivopisnaya Rossiya. T. XI. SPb., 1884.
5. Potanin G.N. Nuzhdyi Sibiri // Sibir. Ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdyi. SPb., 1908.
6. Potanin G.N. Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri // Sibirskaya zhizn. 1907. 20, 23 maya, 6 iyunya, 6 iyulya. № 28, 30, 41, 65.
7. Remnev A.V. Administrativnoe edinstvo Sibiri v istoricheskoy retrospektive // Voprosyi sotsialno-politicheskoy istorii Sibiri (XVII–XX veka). Bahrushinskie chteniya 1997 g. Novosibirsk, 1999.
8. Serebrennikov I.I. Inorodcheskiy vopros v Sibiri. Irkutsk, 1917.
9. Serebrennikov I.I. Sibirevedenie: konspekt lektsiy po sibirevedeniyu, chitannyih na Koop. kursah v Harbine v mae-iyune 1920 g. Harbin, 1920.
10. Sibir // Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona. Tom XXIXa. SPb., 1900.
11. Sibir v sostave Rossiyskoy imperii / otv. red. L.M. Dameshek, A.V. Remnev. M., 2007.
12. Shilovskiy M.V. Obschestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri vtoroy polovinyi XIX – nachala XX veka. Oblastniki. Novosibirsk, 1995.
13. Shrenk F.B. Imperial inter-rail: Vliyanie mezhnatsionalnogo i mezhimperskogo vospriyatiya i sopernichestva na politiku zheleznodorozhnogo stroitelstva v tsarskoy Rossii // Imperium inter pares: Rol transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917). M, 2010.
14. Yadrintsev N.M. Sibirskie inorodtsyi, ih byit i sovremennoe polozhenie. SPb., 1891.
15. Yadrintsev N.M. Sibir kak koloniya. SPb., 1889.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: Н. В. Дмитривеа. С.60-68

Н. В. ДМИТРИЕВА

преподаватель,
Южный федеральный университет

АВТОНОМИЯ И ФЕДЕРАЦИЯ В КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА В ДОПАРТИЙНЫЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются концепты «автономия» и «федерация» в трактовке представителей «нового либерализма» начала XX в. в период до возникновения либеральных политических партий. Проведен анализ основных точек зрения отечественных либералов относительно возможности преобразования национально-государственного устройства Российской империи с использованием элементов автономности в контексте перехода к конституционному государству.
Ключевые слова: либеральное движение, автономия, федерация, национально-государственное устройство.

N.V. DMITRIEVA

Lecturer,
Sothern Federal University

AUTONOMY AND FEDERATION IN THE RUSSIAN LIBERALS CONCEPT OF RUSSIAN NATIONAL-STATE GOVERNING AT THE BEGINNING OF XX CENTURY DURING THE PRE-PARTIES PERIOD

The article deals with concepts of «autonomy» and «federation» in the view of «new liberalism» representatives at the beginning of the XX century during the period of forming liberal political parties. The article analyses the main views of the Russian liberals on possible modification of the Russian Empire with the idea of usage some features of autonomy in the context of moving towards the constitutional state.
Key words: liberal movement, autonomy, federation, national-state governing.

Национальные процессы, развернувшиеся в Европе со второй половины XIX века, а именно восстания и протесты на окраинах империй про-

тив авторитаризма центральных властей в Австро-Венгрии, Турции, России, заставили обратиться представителей отечественной общественной мысли, в том числе либеральной, к поиску путей построения таких взаимоотношений между имперским центром и национальными окраинами, чтобы они представляли собой в большей степени сотрудничество, а не противостояние, итогом которого мог стать распад империи. И если во второй половине XIX века проблема взаимодействия представителей различных наций Российской империи для отечественных либералов, таких как А.Д. Градовский [1], Б.Н. Чичерин [12], К.Д. Кавелин [2], находилась в большей степени в плоскости теоретического решения «национального вопроса», то в начале XX века участниками российского либерального движения, а именно «нового либерализма», была сформулирована концепция практического решения данной проблемы.

В отечественной историографии достаточно широко освещены и проанализированы основные пункты либеральной программы, показаны расхождения между кадетами, с одной стороны, и октябристами (а также прогрессистами), с другой. В конце XX века началось подробное исследование генезиса и развития программ местных отделений либеральных организаций по национальному вопросу. Начальный же до партийный этап формирования модели общественного переустройства до сих пор остается неразработанным. А ведь в до партийный период активно велась дискуссия о вариантах решения данной проблемы, которая затем вылилась в программы основных либеральных партий начала XX в.

Для отечественных либералов начала XX в национально-государственное устройство Российской империи выступало неотъемлемой частью более сложного вопроса изменения системы управления государством в целом. Особенно актуальной проблема административно-территориального деления становится при переходе России от абсолютной монархии к представительной форме правления. Унитаризм, характерный для стран с авторитарным управлением, в классической либеральной модели должен быть заменен федеративными отношениями, которые наравне с теорией разделения властей, политическими правами и свободами выступает неотъемлемой частью конституционного государства. Сторонники либерализма в России в начале XX века столкнулись с проблемой воплощения норм классического западного либерализма, в котором приоритет отдавался национальному государству, в условиях российской полиэтничности и многоконфессиональности.

Опыт реструктуризации имперского управления с целью сохранения целостности государства в начала XX в. уже имелся в европейских стра-

нах. Поиск баланса интересов различных этнических групп в Австро-Венгерской империи привел к попытке внедрения элементов федерализма, а именно национально-культурной автономии, в систему административно-территориального устройства государства. Австро-Венгерская империя на практике реализовала два возможных сценария выстраивания отношений между имперской и остальными нациями, а именно строительство национального государства через ассимиляцию и поиск федеративных форм взаимодействия. В Германии О. Бисмарк строил империю на основе принципов национального государства. Опыт правовых решений именно этих двух государств был использован российскими либералами в начале XX в. при разработке собственной концепции решения противоречий между центром империи и ее национальными окраинами.

Большинство авторов, занимавшихся вопросами национально-государственного устройства, и проблемами автономии и федерации в частности, в российском либерализме начала XX в. являлись специалистами в области государственного права. Среди них можно назвать Ф.Ф. Кокошкина [4; 5; 6], С.А. Котляревского [7], Н.М. Коркунова [8]. Ими была разработана концепция, составившая основу политической программы кадетов по национальному вопросу в конце 1905 – начале 1906 гг., а также детально проработаны вопросы соотношения централизации и децентрализации, федерации и автономии в системе государственного управления. Эти авторы высоко оценивали значимость вопроса об автономии для дальнейшего политического развития России.

Переход решения вопроса о форме государственного устройства из теоретической плоскости в практическую в российской либеральной мысли можно отнести к началу XX в., а именно к 1904 г., и особенно к 1905. Связано это было с активизацией политических процессов в Российской империи и началом Первой русской революции.

Изначально Кокошкин рассматривал проблему соотношения федерации и автономии в контексте решения польского вопроса и выработки по этому поводу программных установок конституционно-демократической партии. В апреле 1905 г. в Москве состоялся русско-польский съезд, на котором представители Царства Польского называли единственно возможным средством решения польского вопроса предоставление полякам автономии. «Насколько единодушно стремление поляков к автономии Царства Польского, – говорил там А.Р. Ледницкий, – настолько же единодушно понимание необходимости сохранения государственного единства с Россией и так же единодушно определение границ Царства Польского в существующих теперь пределах» [9, с. 273]. Подобная пози-

ция поляков была встречена резкой критикой частью либералов во главе с А.И. Гучковым и стала одной из причин впоследствии размежевания кадетов и октябристов. Масштабность проблемы потребовала от Ф.Ф. Кокошкина углубления теоретических оснований своей концепции и распространения ее на большинство национальных окраин Российской империи.

Прежде чем приступать к подробному анализу, следует определить смысл, который вкладывал Кокошкин в понятия «автономия», «федерация» и «децентрализация». Это поможет верно интерпретировать позиции автора.

Федерация и автономия предполагают наличие, с одной стороны, общегосударственного представительства, с другой – местных законодательных органов. При этом, в случае с федерацией, ее структурные элементы (субъекты федерации) имеют независимые от центральной власти правительства в лице монархов в германских королевствах второй половины XIX – начала XX в. и выборных губернаторов в США. Федеративное государственное устройство в концепции Кокошкина предполагает наличие законодательных полномочий у местных органов власти, без участия в этом процессе центральных властей.

Кокошкин вводит в концепцию национально-государственного устройства концепт «областной автономии», который обладает отличительными характеристиками по сравнению с автономией и федерацией. Понятие автономии подразумевает предоставление государством функций самоуправления определенным регионам, деятельность которых определяется общегосударственным законодательством. Областная автономия в отличие от федерации не имеет выборного местного правителя, он назначается центральной властью, но в отличие от автономии местные законы являются результатом совместной деятельности провинциальных и центральных органов власти. Таким образом, областная автономия представляет собой, с точки зрения Кокошкина, определенный уровень законодательной децентрализации, когда «часть законодательной деятельности переносится из центра на места» [4, с. 7]. Областная автономия – высшая ступень местного самоуправления по сравнению с тем опытом, который уже был реализован в системе управления территориями Российской империи.

Кокошкин сводит вопрос об автономии к вопросу о востребованности в России отдельного (местного) законотворчества. Перенесение на будущую Государственную Думу необходимости решения вопросов местного уровня приведет, по мнению автора, только к затягиванию законодательного процесса, так как государственные дела всегда будут иметь приоритетное зна-

чение по сравнению с местными. «Местная нужда будет годами оставаться неудовлетворенной к справедливому неудовольствию местного населения» [4, с. 12]. Местные органы власти с правом законотворчества являются неотъемлемой частью конституционного государства.

Немаловажной проблемой для отечественных либералов начала XX в. являлось сохранение территориальной целостности Российской империи. И принципиально важной задачей было доказать, что введение областной автономии как формы организации местного самоуправления не приведет к распаду государства. Для решения данной проблемы Кокошкин обращается как к юридическому определению «единства», под которым понимается «централизация и верховенство центральной государственной власти, армии, внешней политики, общегосударственных финансов». Так и психологическому, которое подразумевает «сознание всем населением общности его политических интересов» [4, с. 13–14]. Для реализации подобного единства в полиэтническом государстве необходимо обеспечить соблюдение интересов местного населения за счет расширения самоуправления.

Именно эти концептуальные положения теории Кокошкина были положены в основу его доклада о правах национальностей, о децентрализации управления и законодательства на общероссийском земском съезде земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 г.

Съезд земских и городских деятелей проходил в Москве в доме князя Щербатова. В его участии приняли 126 представителей земств и 68 представителей городских управлений [10, с. 3043–3044]. Впервые в истории земских съездов на заседание были приглашены представители неземских губерний: Северо-Западного края, Царства Польского, Области Войска Донского и Сибири. Одним из объяснений подобного отступления от правил может быть поставленный на повестку дня вопрос о правах национальностей и децентрализации управления. Доклад бюро съезду по этому поводу был прочтен Кокошкиным.

Причинами столь внимательного отношения к данному вопросу в докладе обозначены, с одной стороны, нерациональная политика царского правительства, направленная на русификацию и насильственную инкорпорации этнических областей в империю. С другой стороны, активизация освободительного движения на местах, и выработка конкретных положений о национальной и местной самостоятельности представителями отдельных территорий, а именно Царством Польским, Украиной и Грузией. Все это, по мнению докладчика, приводит к тому, что местное освободительное движение не исчерпывается стремлением к установлению начал

гражданской свободы и равенства и образованию демократического народного представительства с конституционными правами [5, с. 3].

Обсуждение национального вопроса на съезде было сведено к выяснению принципиального отношения к национально-государственному устройству России, при переходе к представительной форме правления без выработки проекта практических действий. Бюро съезда аргументировало свою позицию ограниченностью временных рамок съезда, а также неравномерной представленностью на съезде второй заинтересованной стороны – национальных и местных территорий.

Изменение национально-государственного устройства страны предполагает решение двух принципиально разных вопросов: национального и областного. Лишь некоторые территории Российской империи в начале XX в. могли быть объединены. Речь идет об этнически однородных окраинах, к которым, в первую очередь относится Царство Польское.

Следует отметить несколько особенностей: во-первых, вопросы, связанные с административно-территориальным устройством государства разделены на две части. Одна из них относится непосредственно к правам национальностей Российской империи. Отдельно рассматриваются возможности не только децентрализации управления, но и законотворчества отдельных территориальных образований. Во-вторых, обсуждению данной проблемы отведено достаточно много времени: вечернее заседание 13 сентября и дневное и вечернее заседания 14 сентября [11, с. 3059].

Важность вопросов о национальном самоопределении народностей Российской империи для либеральной общественной мысли подтверждает мнение П.А. Гейдена о невозможности обсудить столь важный и сложный вопрос в течение одного заседания. Добиваться законных прав отдельных народностей следует в государственной думе [11, с. 3059].

Докладчик самым решительным образом выступал против принципа политического самоопределения наций. В его представлении это был прямой путь к расчленению «единой и неделимой России». Для инородцев, населявших империю, было предложено реализовать исключительно право на культурное самоопределение. Оно должно было выражаться в образовании национально-культурных автономных единиц в составе единого и неделимого Российского государства. Под национально-культурной автономией понималось возможность обособленных этнических групп самостоятельно решать вопросы организации образования и других форм культурной жизни.

В ходе обсуждения доклада на съезде была сформулирована и противоположная точка зрения. Представители национальных окраин при-

чину роста сепаратистского движения в провинциях видели именно в унитарной форме государственного устройства страны. В качестве решения проблемы они предлагали предоставление автономии. Предложения ряда национальных партий и групп о том, что основой государственного порядка в России является «федеративное начало государственного устройства, органически построенного на этнически-территориальном принципе» было отвергнуто докладчиком. Было предложено не торопиться с признанием принципа областной автономии до «общего политического освобождения».

Несмотря на недовольство представителей национальных окраин, в резолюцию съезда по национальному вопросу было включено только требование культурного самоопределения национальностей. Против итоговой резолюции выступило и правое крыло либерального движения во главе с А.И. Гучковым.

Окончательно расхождения по национальному вопросу, обозначенные на сентябрьском земско-городском съезде 1905 г., были зафиксированы в политических программах Конституционно-демократической партии и партии «Союз 17 Октября». Программа кадетской партии с известными уточнениями повторила эти решения. Автономное управление предполагалось только для Польши и Финляндии. Базовым принципом октябристов было «сохранение единства и нераздельности Российского государства». Областной национальной автономии октябристы противопоставляли развитие местного самоуправления.

В более поздней своей работе «Автономия и федерация» Кокошкин уточнил свои позиции по данной проблематике. Автор разводит вопросы об автономии и национальный вопрос. Несмотря на то, что они весьма тесно связаны между собой, суть у них разная. Под вопросом об автономии следует понимать преимущественно децентрализацию, решение национального же вопроса возможно на основе культурного самоопределения. Введение в России федерации на основе национальной принадлежности населения территориальных единиц фактически невозможно, полагает автор. С одной стороны, этому мешает неравномерная численность национальностей, с другой – неравномерность занимаемой ими территории [6, с. 7].

В 1906 г. вышла статья профессора С.А. Котляревского, именовавшаяся «Национально-областной вопрос в программе Конституционно-демократической партии» [7]. Хотя данная публикация защищала принципы кадетской национальной программы, она имеет отношение и к изучаемой нами теме, так как программа кадетов восходила к докумен-

там «Союза Освобождения» и решениям земско-городских съездов. С.А. Котляревский указывал на тесную связь политического освобождения России и разрешения национального вопроса; доказывал, что кадеты не являются сторонниками идеи расчленения империи, а твердо держатся «принципа единства и нераздельности России». Для нас важно и то, что один из руководителей Конституционно-демократической партии открыто признавал уникальность данной либеральной программы: «Из всех сторон программы конституционно-демократической, может быть, наиболее оригинальной ее частью является отношение ее к правам и интересам различных национальностей» [7, с.114].

В 1906 г. в работе «Нападки на партию народной свободы и ответы на них» А.А. Кизеветтера [3], написанной для кадетских ораторов, разъяснил позицию кадетской партии по национальному вопросу, дал определение и содержание понятия «автономия», определил границы ее применения для Российской империи. Данная позиция полностью совпадает с разработанной Кокошкиным концепцией.

Выдающийся российский общественный и политический деятель, либеральный мыслитель, правовед Н.М. Коркунов, не давая четкого разграничения понятий «государственное устройство» и «государственный строй», выделил две базовые формы объединения государств: уния и федерация. А в качестве форм федерации – союз государств и союзное государство [8, с. 114].

Таким образом, в отечественной либеральной мысли начала XX в. можно выделить ряд исследователей, чьи теоретические работы составили основу для практической деятельности кадетской партии в области национально-государственного устройства России. Ими были выработаны ключевые понятия «автономии» и «федерации», разграничение которых позволило отделить национальный вопрос от вопроса местного самоуправления, несмотря на их тесную взаимосвязь. Предметом исследования авторов стал опыт западноевропейских стран и США в административно-территориальном устройстве государств и возможность его применения в условиях российской полиэтничности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2009. 284 с.
2. Кавелин К.Д. Политические призраки // Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898.
3. Кизеветер А.А. Нападки на партию народной свободы и ответы на них. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1906. 157 с.

4. Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. М.: Тип. Г.Лисспера и Д.Совко, 1906. 16 с.
5. Кокошкин Ф.Ф. О правах национальностей и о децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12-15 сентября 1905 года и постановления съезда. М., 1906. 50 с.
6. Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Бесплатное приложение к № 11-13 «Вестника партии Народной Свободы». Пг.: Партия народной свободы, 1917. 30 с.
7. Котляревский С.А. Национально-областной вопрос в программе Конституционно-демократической партии // Российские либералы: кадеты и октябристы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.
8. Коркунов Н.М. Лекции по общему государственному праву. СПб., 1914. 341 с.
9. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М.: Современник, 1990. 445 с.
10. Право. 1905. № 37.
11. Право. 1905. № 38.
12. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.I. Т.1. М.: Тип. Кушнерев и К, 1894. 492 с.

TRANSLIT

1. Gradovskiy A.D. Natsional'nyy vopros v istorii i literature. M .: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2009. 284 s.
2. Kavelin K.D. Politicheskiye prizraki // Sobr. soch. T.2. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1898.
3. Kizeveter A.A. Napadki na partiyu narodnoy svobody i otvety na nikh. M .: Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko, 1906. 157 s.
4. Kokoshkin F.F. Oblastnaya avtonomiya i yedinstvo Rossii. M .: Tip. G. Lisspera i D. Sovko, 1906. 16 s.
5. Kokoshkin F.F. O pravakh natsional'nostey i o detsentralizatsii. Doklad byuro s"yezdu zemskikh i gorodskikh deyateley 12-15 sentyabrya 1 905 goda i postanovleniya s"yezda. M. 1906. 50 s.
6. Kokoshkin F.F. Avtonomiya i federatsiya. Besplatnoye prilozheniye k № 11-13 «Vestnika partii Narodnoy Svobody». Pg.: Partiya narodnoy svobody, 1917 30 s.
7. Kotlyarevskiy S.A. Natsional'no-oblastnoy vopros v programme Konstitutsionno-demokraticheskoy partii // Rossiyskiye liberaly: kadety i oktyabristy. M .: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 1996. S
8. Korkunov N.M. Lektsii po obshchemu gosudarstvennomu pravu. SPb., 1914. 341 s.
9. Milyukov P.N. Vospominaniya. T.1. M .: Sovremennik, 1990. 445 s.
10. Pravo. 1905. № 37.
11. Pravo. 1905. № 38.
12. Chicherin B.N. Kurs gosudarstvennoy nauki. CH.I. T.1. M .: Tip. Kushnerev i K, 1894. 492 s.

STUDIA CULTURAE: ВЫП. 1 (27): Symposium: А.В. Головинов С.69-73

А.В.ГОЛОВИНОВ

кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный университет

СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА ФЕДЕРАЛИЗМА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ

В статье реконструируются политико-правовые взгляды основоположников сибирского областничества на сущность, содержание и значение для отечественной государственности федеративных начал. Автором показано, что федералистские взгляды сибирских интеллигентов были вызваны необходимостью поиска альтернативного выхода из имперского тупика современной им России.
Ключевые слова: областничество, идеология, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, регионализм, федерализм, анархизм, Сибирь.

A.V. GOLOVINOV

Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor
Altai State University

SUMMARY PRINCIPLE OF FRDERALISM IN POLITICS AND LEGAL THEORY REGIONALISTS

Within the framework of this publication reconstructs the political and legal views of the founders of the Siberian regionalism on the nature, content and importance to the national federal state began. The author shows that federalist views Siberian intellectuals were caused by the need to find an alternative way out of the impasse of contemporary imperial Russia.
Keywords: regionalism, ideology, G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev, regionalism, federalism, anarchism, Siberia.

Относительно раннее появление концепций взаимодействия регионов и центра в России связано с именами Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, идеологами сибирского областничества. В работах областников в духе народнической политико-правовой мысли была сформирована федеративная теория. Она стала теоретическим обоснованием социально-философской идеи децентрализации, суть которой заключается в ограничении всевластия имперского центра и создания национальной системы административного деления страны, учитывающей социокультурное развитие регионов.

Истоки сибирского областничества отечественными исследователями ныне уже достаточно изучены. Среди них следует выделить господствующие в то время народнические идеи, земскую социальную историософию Н.И. Костомарова и А.П. Щапова [1, с. 41–52]. Вместе с тем интерес областников вызывали труды П.-Ж. Прудона, Л. Блана, и других зарубежных авторов. Разнообразие идеологических и философско-мировоззренческих истоков областничества заставляет, конечно, внимательнее отнестись к каждому из них [2, с. 6]. Однако, вовсе не принижая значимости тех или иных источников теории областничества, акцентируем внимание на анархо-федералистской концепции М.А. Бакунина, которая, на наш взгляд, имела особое значение для генезиса областничества.

Вопрос о контактах М.А. Бакунина с Г.Н. Потаниным и другими молодыми представителями демократической интеллигенции Сибири в отечественной литературе уже получил освещение. Так, на этот аспект формирования областничества указывает В.А. Должиков. По его мнению, на личном примере Г.Н. Потанина отчетливо прослеживается идейно-наставническое воздействие М.А. Бакунина на молодых федералистов Сибири [3, с. 117].

Именно в духе анархо-федералистской социальной концепции областниками была разработана децентрализованная сбалансированная модель иерархического разделения властных полномочий между метрополией и окраинами государства по принципу «снизу вверх» и «от периферии к центру». Выступая против действующей имперской бюрократически-унитарной государственности, Н.М. Ядринцев отмечает: «Русская история, основанная на идее централизации, исключающая идею областности есть отрицание существенного, жизненного значения областей, как разнообразных органов в составе и развитии целого политического организма − всего народа» [4, с. 37]. Собственно, и само государство в гуманистической интерпретации сибирских патриотов рассматривалось как совокупность областей со своими местными интересами, тесно связанными с интересами общенациональными. Поэтому лишь федерация признавалась наиболее плодотворной формой политической жизни народа. «Только при равном и дружном, всецелом и всеобъемлющем самовыражении всех составных самобытно-общественных сил, интересов, – считал Н.М. Ядринцев, – может быть истинный, разумно-человеческий, и, по возможности, равный прогресс общества и народа» [4, с. 42]. Органичной основой для такого баланса национальных внутриобщественных интересов являлось бы решение проблемы формирования «развитых индивидуальностей», но в рамках целостной и потому

органичной полифоничности, т. е. «единства в многообразии». Наиболее полное развитие социокультурного потенциала регионов, с точки зрения областников, есть основополагающее условие развития и процветания всей страны. Богатство ее только и может раскрыться в многообразных формах самореализации «народно-областных начал». Через призму такого анархо-федералистского, социально ориентированного подхода, предполагающего построение властной горизонтали общественных иерархий и структур «снизу – вверх» и «от провинций – к центру», областники видели разрешение исторической задачи возведения федеративных основ государственности.

Таким образом, в основе областнической политико-правовой теории лежала идея свободы и индивидуальности, как коренного положения анархизма и федерализма. Более того, эти положения областнической концепции выражались в идее самоценности и универсальной значимости народного суверенитета как основы социального и культурного развития общества под «знаменем свободы и независимости». Чтобы достичь «истинно народного», т. е. общественно-гражданского процветания, «центр» не должен подавлять разнообразие провинциальной жизни. Социогуманитарной мысли областничества вообще была присуща диалектическая идея развития частей как источника развития целого, детализация и дифференциация как естественная основа прогрессивного развития целого. Идеологи этого движения рассматривали систему федеративных взаимосвязей как отношения между государством и народом (обществом), основанных по преимуществу на принципах рационального индивидуализма, которые не противоречили идее социальной самоорганизации общества, важнейшему источнику самоуправления. «Народы образуют только одно огромное семейство, предназначенное делить между собой плоды земли, и этот дележ, – пишет Г.Н. Потанин, – естественно сам обеспечивает согласие между народами» [5, с. 99]. То есть общество вырабатывает механизмы взаимодействия самостоятельно, без всякого вмешательства извне. А унитарно-абсолютистская имперская власть препятствует в данном случае спонтанным и совершенно естественным образом возникающим механизмам свободного достижения «согласия» между народами в процессе их саморазвития. Сибирские патриоты отождествляли общественный прогресс исключительно со свободным человеком, действующим на свободной же земле. Понятно, что в условиях гиперцентрализованной российской государственности отсутствовали необходимые предпосылки для реального освобождения, как отдельной личности, так и общества в целом.

Исследуя «инородческий вопрос» с позиций гуманизма и свободного самоуправления, идеологи областнического движения заключали, что только в федеративном государстве могут быть созданы условия для полновесного развития «инородческого населения». Именно в разумно автономной федеративной государственности – залог органичного развития гармонии этнокультурного многообразия. Автономная самобытность федеративных начал выступает в этом смысле важной политической гарантией сохранения уникального своеобразия сибирских народностей, немыслимого без общественного самоуправления. Выступая против дискриминационных сторон региональной политики самодержавно-бюрократического «центра» в отношении Сибири, областники разрабатывали вопрос о земстве, которое воспринималось ими главным средством утверждения возможности хотя бы относительной самостоятельности Сибири. Земство воспринималось ими как гарант осуществления «народных форм жизни». Будущее области, позитивные перемены в жизни провинции областники связывали с введением земства как института народоправства. Этот институт гарантировал бы предоставление «полных» гражданских прав, обеспечивая равновесие в социуме и определяя согласованность действий в системе самоуправления.

Итак, исходя их вышеизложенного, можно установить, что принцип федерализма принизывает все политико-правовое творчество идеологов сибирского областничества. Отметим так же, что федеративные взгляды сибирских интеллигентов были вызваны необходимостью поиска альтернативного выхода из имперского тупика современной им России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малинов А.В. Областничество в истории русской мысли // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1.
2. Малинов А.В. Философия и идеология областничества. СПб.: Интерсоцис, 2012.
3. Должиков В.А. М.А. Бакунин и Г.Н. Потанин: у истоков сибирского демократического регионализма (областничества). // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Материалы конф. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000.
4. Ядринцев Н.М. Народно-областное начало в русской жизни и истории. // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н.М. Ядринцева. Красноярск, 1919.
5. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 1.

TRANSLIT

1. Malinov A.V. Regionalism in the history of Russian thought // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2013. № 1.
2. Malinov A.V. Philosophy and ideology of regionalism. St. Petersburg: Intersotsis, 2012.
3. Dolzhikov V.A. M.A. Bakunin and G.N. Potanin: at the origins of Siberian democratic regionalism (regionalism) // Actual problems of the history of Siberia. Second Scientific

Readings in Memory of prof. A.P. Borodavkina: Materials conf. Barnaul: Publishing House of ASU, 2000.

4. Yadrintsev N.M. Provincial People's roots in Russian life and history // The collection of selected articles, poems and humorous anecdotes N.M. Yadrintseva. Krasnoyarsk, 1919.
5. Letters G.N. Potanin. Irkutsk, 1988. T. 1.

STUDIA CULTURAE: ВЫП. 1 (27): SYMPOSIUM: А.Э. Зайнутдинов. С.74-84

А. Э.ЗАЙНУТДИНОВ

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН

ДУХОВНЫЕ СКРЕПЫ СИБИРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА. ОБЛАСТНИЧЕСТВО Г.Н. ПОТАНИНА

Сибирский регион обладает рядом естественных черт, отличающих ее от Европейской России, которые были изучены Г.Н. Потаниным и легли в основу его областничества. В статье рассматривается процесс формирования основных идей сибирского регионализма Г.Н. Потанина и проанализировать их актуальность в современной российской реальности.
Ключевые слова: Сибирь, сибирский регионализм, областничество, Г.Н. Потанин, сибирская идентичность

A.E. ZAINUTDINOV

Candidate of Science (Sociology), Senior Research Associate
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences

CONCEPTUAL BASIS OF SIBERIAN REGIONALISM. G.N. POTANIN'S REGIONALISM.

Siberian region has some native distinct characteristics which make it different from European part of Russia. G.N. Potanin studied them and developed the conception of Siberian Regionalism. The process of development of the main ideas of Siberian Regionalism is analyzed in the article as well as their relevance in contemporary Russia.
Keywords: Siberia, Siberian Regionalism, G.N. Potanin, Siberian identity

В современном мире в результате процессов глобализации усиливаются тенденции регионализма, которые являются попытками регионов найти и определить свою позицию в глобальном цивилизационном процессе. Р. Робертсон описал это явление как глокализацию [9, с. 25–35]. В том или ином виде подобные процессы происходят в любой стране, и чем сильнее традиционные различия между регионами, тем интенсивнее проходит процесс глокализации.

Если регион обладает естественными границами и отличиями от другого региона, появляются предпосылки для геополитической напряженности, и регионалистские идеи в нем просто рано или поздно появятся. «На сегодняшний день к наиболее напряженным в геополитическом отношении российским территориям относятся Северный Кавказ, Калининградская область, Дальний Восток, юг Восточной Сибири (по границе с КНР), поскольку они не только реализуют свой геополитический потенциал, но и попадают в своего рода геополитическое перекрестье национальных интересов разных стран» [1, с. 25].

С самого начала освоения Сибири русскими переселенцами она отличалась от остальной России. При этом долгое время сибирская идея конструировалась стихийно в результате взаимодействия русских переселенцев с индигенными народами, с новыми волнами переселенцев и остальной Россией. Одними из первых исследователей, кто придал сибирским идеям стройность и собрал их в единую концепцию стали сибирские областники второй половины XIX – начала XX века во главе с Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным. Оба исследователя сыграли заметную роль в сибирской и российской интеллектуальной истории. Сибирские областники, изучая социокультурное пространство Сибири, сформулировали концепцию Сибири как колонии и программу развития Сибири. В том числе благодаря их деятельности, в Сибири был открыт первый университет, отменена ссылка, появился ряд журналов, были выполнены исследования по географии, этнографии, истории Сибири.

Григорий Николаевич Потанин родился 4 октября 1835 г. в поселке Ямышевском в семье казачьего есаула. В 1840 г. умерла его мать, в 1841 г. отец был разжалован. Семья оказалась в тяжелом материальном положении. Чтобы Потанин мог получить образование, его отдали на воспитание бригадному командиру. Впоследствии он тепло отзывался о своих воспитателях. В 1852 г. Потанин успешно закончил кадетский корпус и отправился на службу в 8-й казачий полк в Семипалатинске, где начал заниматься естествознанием. В 1858 г. он решил посвятить себя науке и нашел способ уйти в отставку по болезни. В том же году при помощи

М.А. Бакунина переехал в Петербург, где и начался областнический период его жизни. Как признавался сам Потанин в своей автобиографии, областнические идеи у него появились еще в кадетском корпусе, когда он видел несправедливое отношение к сибирским казакам по сравнению со служащими из России, однако эти идеи оформились и развились окончательно только в Петербурге.

Вообще, движение сибирского областничества неразрывно связано с Санкт-Петербургом. Санкт-Петербург являлся столицей Российского государства, был научным и образовательным центром страны. Сюда в 1850-х, 1860-х гг. приехали учиться студенты из разных уголков Сибири. В Петербурге Н.С. Щукин образовал земляческий кружок, который и превратился впоследствии в движение сибирского областничества. Среди этих студентов были Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. К кружку также присоединился С.С. Шашков, ученик А.П. Щапова.

В 1860 г. в сибирском кружке Потанин познакомился с Н.М. Ядринцевым, который стал впоследствии его близким другом и соратником на всю жизнь. С приездом Потанина и Ядринцева деятельность земляческого кружка стала носить более научный и общественно-политический характер. Фактически, они вдвоем возглавили движение сибирского областничества. Однако уже в 1861 г. Потанин был вынужден вернуться в Сибирь, так и не окончив университет, вследствие ареста из-за участия в студенческих волнениях.

По приезду в Сибирь, Потанин несколько лет активно сотрудничал с Русским Географическим Обществом, участвовал в ряде экспедиций. В то же время, он продолжал разрабатывать областнические идеи. В 1865 г. в Томск приехал Н.М. Ядринцев, где они вместе с Потаниным создали кружок единомышленников.

В мае 1865 г. произошел арест многих областников, в том числе и Потанина по «Делу о сибирском сепаратизме». Поводом для ареста послужила найденная в кадетском корпусе прокламация «Сибирским патриотам» с призывом к восстанию в Сибири. По результатам следствия в 1868 г. Потанин был осужден на каторгу в г. Свеаборге, где отбывал наказание до 1871 г. В 1873 г. он вместе с Н.М. Ядринцевым начал печататься в «Камско-Волжской газете». В

статьях и переписке этого периода формируется и оттачивается областническая концепция.

В декабре 1873 г. Потанин женился на А.В. Лаврской. После ссылки Потанин совмещает разработку и продвижение сибирского областничества с экспедициями географического общества и этнографическими исследованиями. Ученый вел очень активную жизнь путешественника и исследователя. На общественную работу часто не хватало времени, поэтому очень многие идеи Потанин выражал в переписке с друзьями, в том числе с Ядринцевым. 30 июня 1920 г. Потанин умер от болезни в клинике Томского университета.

Традиционно областников по своим воззрениям сближают с народниками. Действительно, во многом их концепции соприкасались, однако были и различия [8]. На мировоззрение областников, в том числе Потанина, повлияли народники М.А. Бакунин, Н.К. Михайловский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев. С другой стороны историк-федералист Н.И. Костомаров, лекции которого сибирские областники посещали во время учебы в Петербургском университете, а также А.П. Щапов через свои статьи. Не удивительно, что во взглядах на историю областники были сторонниками федерализма.

Областники придерживались концепции природно-географического детерминизма, пожалуй, она для них она была одной из ключевых. Так, Потанин писал: «Главный фактор в природе, который обуславливает физиономию страны, климат. Он обуславливает флору страны и ее пейзаж, фауну и, наконец, культуру человека». Относительно Сибири Потанин писал: «Климат Сибири в высшей степени континентальный, сухой, тогда как в Европейской России сильно чувствуется влияние океана, хотя и не так, как в Западной Европе. Контраст между климатом Сибири и Европейской России если и не более, то по крайней мере не менее, чем между климатом Европейской России и западной Европы» [2, с. 262].

Поскольку климат в Сибири отличается от климата Европейской России, социальные практики, мировоззрения, культура тоже будут отличны, что естественным образом приводит к возникновению сибирского регионализма. Потанин рассматривал культуру, этногенез, психологию, быт, нравы через призму концепции гео-

графического детерминизма. По словам Потанина: «Климат самый упорный, самый закоснелый сепаратист и ничто не помешает ему вопреки шовинистским, обрусительным и т. п. вожделениям образовывать расу, если в нем самом есть особенности. Буквально, а не иносказательно “в воздухе висит” сибирский сепаратизм. Это вполне бесспорная истина, если разговор идет не о политическом, а о культурном сепаратизме. Всякая область, как бы скромны ни были ее размеры, в пределах культуры, искусства и умственной жизни имеет право на самостоятельное, независимое от остальных частей государства, развитие своих сил» [2, с. 267].

После ссылки Потанин пришел к разделению культурного и политического сепаратизма. Если сначала областники не придавали этому особо значения, то после ареста и ссылки они были вынуждены отстраниться от любой связи с сепаратизмом. Потанин полагал, что если культурный сепаратизм естественен и положителен, ведет как к прогрессу данной области, так и всего государства, то с политическим сепаратизмом дело обстоит сложнее. «Культурный сепаратизм, при известных обстоятельствах, может привести, конечно, к идее о полном отделении области от государства. В отношении человеческого прогресса вообще и политический сепаратизм ничего не заключает в себе пагубного, но с точки зрения государственной власти, наблюдающей за целостью государства, он правильно представляется опасным» [2, с. 270].

Рефлексируя по поводу дела о сибирских патриотах, в результате которого пострадали так или иначе все областники, а сам Потанин был отправлен на каторгу, он утверждал: «Молодые друзья Сибири шестидесятых годов не умели отделить культурный сепаратизм от политического, или не хотели из чувства брезгливости к голосу рассудка в гражданском деле; в своих думах о будущем Сибири они не могли рассортировать легальное и нелегальное» [2, с. 270].

Таким образом, по мнению Потанина, сибирский культурный сепаратизм не мог не появиться в виду различных причин. Он отмечал, что «существует заблуждение, будто областническая тенденция имеет оправдание только в тех случаях, если область выделяется из состава государства своими этнографическими особенностями и историческими традициями. <…> Обширная им-

перия не может не расчлениться на отдельные области, хотя бы связь между ними и продолжала сохраняться. Это расчленение должно установиться не на этнографических, а на экономических особенностях в силу того, что физические условия в разных областях империи различны» [2, с. 270]. Естественное разделение регионов будет рождать естественный сепаратизм. Так, «вопросы о ссылке и абсентизме будут питать областническую тенденцию до тех пор, пока будет существовать хотя бы тень этих явлений, но экономический вопрос будет всегда ее поддерживать, потому что всегда будет экономическое соревнование областей. Отсюда вывод: областническая тенденция будет существовать, пока существует Сибирь» [2, с. 52].

Потанин выделял временные явления, питающие сибирский сепаратизм, и постоянные. Он писал: «Особенности сибирской жизни частью временные. <…> К временным относятся обращение Сибири в штрафную колонию, ужасающая отсталость в просвещении и в экономической жизни, постоянная потеря молодых умственных сил, вследствие отсутствия в крае высших учебных заведений и т. п. Эти отрицательные стороны сибирской жизни устранимы и если не в близком, то в отдаленном будущем. Сибирь будет уравнена с другими областями России, но какая бы полная нивелировка ни была достигнута, этим не будет уничтожен залог обособления Сибири» [2, с. 261]. Временные особенности сибирской жизни не ведут к конструированию прочной региональной идентичности. Однако постоянные и естественные особенности, главными из которых являются своеобразие климата, типовые особенности населения, географическое положение, – действительно ведут к формированию особой групповой солидарности.

Таким образом, ядро областнической программы естественным образом вытекает из тех проблем и особенностей, которые областники видели в Сибири. Потанин разделял проблемы Сибири на общероссийские и специфически сибирские. Последними и должны заниматься областники. При этом «многообразные нужды Сибири обобщаются одной идеей – уравнение колонии с метрополией во всех областях жизни» [2, с. 275]. Этой идеей и обобща-

ется вся программа областников. Потанин включал следующие вопросы в программу областничества:

1) Ссылка в Сибирь;
2) Экономическая зависимость Сибири от Москвы;
3) Отток молодежи и интеллектуалов из Сибири;
4) Переселенческий вопрос;
5) Инородческий вопрос.

Для решения этих вопросов Потанин предлагал: 1) остановить штрафную колонизацию Сибири, 2) улучшить быт инородцев, 3) улучшить медицину и увеличить количество медработников, 4) улучшить образование, поднять школьное дело, чтобы создать в Сибири собственную интеллигенцию.

Одним из основных методологических принципов, применяемым Потанином, является концепция местных нужд. Он писал в одной из своих ключевых областнических работ «Нужды Сибири», что необходимо различать нужды общие с остальными частями страны и нужды местные, возникающие от особенностей сибирской жизни. Именно осознание последних и ведет к конструированию региональной идентичности. «У территории Сибири, как ни сходна она во многих чертах с Европейской Россией, собственно с северной ее частью, все-таки свой физический организм, и люди, живущие в зависимости от этого особого организма, должны чувствовать солидарность между собой и в то же время чувствовать, что эта солидарность связывает их между собой прочнее, чем с жителями других областей империи. Цементом для такого сплочения областных жителей могут служить одни экономические и культурные интересы без национальной подкладки. У инородческих племен эта солидарность усиливается, конечно, национальными особенностями» [2, с. 262].

Заниматься разработкой местных нужд, областнической программы и идей, конечно, должны интеллектуалы. Для Потанина интеллектуалы являются носителям и ретрансляторами высокой культуры и местного патриотизма. Потанин писал К.В. Лаврскому: «Развитие умственной жизни оживляет местное общество, занимает умы, соединяет людей с высшими интересами в организованное целое, укрепляет их надеждой в успехе, порождая в них

сознание, что они работают не в одиночку и думают даже не в одиночку» [5, с. 68].

Потанин связывал будущее Сибири с развитием общины. Он считал, что «в Сибири должна сложиться община благодаря тому, что земля осталась свободною, незакрепощенною ни за собственниками, ни за государством. Тут важная разница между сибирской колонизацией и американской. Там, (в Сев. Ам.) земля была объявлена или собственностью папы или государства; в Сибири же этого не было. Народ колонизовал страну на доисторический манер» [4, с. 97]. Здесь явственно прослеживаются коннотации с А.П. Щаповым, который делил историю Руси на два этапа. На первом колонизация новых земель происходила стихийно, народно, соответственно и община складывалась тоже стихийно на народных основаниях.

Большую роль для развития общины играет образование и наличие интеллектуалов. Развитие общины в свою очередь неразрывно связано с увеличением местного патриотизма. Потанин, вообще, считал, что развитие общины – это ключ к развитию Сибири. Он писал Н.М. Ядринцеву: «Мне кажется, что община не только на Востоке, но даже и здесь находится в прогрессирующем состоянии; она усложняется, сплачивается и развивается по мере уменьшения земель; тут нет противоречия: община терпит крушения, но не разлагается; ей угрожает насильственная, но не естественная смерть» [4, с. 110]. Этим объясняется особое внимание Потанина к сельскому образованию и вопросу интеллектуалов.

Социологические взгляды Потанина носят достаточно целостный характер вследствие их конкретной практической направленности. Поскольку проблемы Сибири во многом, по мнению областников, были вызваны ее колониальным статусом, неравноправием и неравенством по сравнению с Европейской Россией, то и научная разработка концепции областничества замыкалась на эти вопросы. Потанин писал, что «Сибирь в ряду других областей, в которых проявляется стремление к областничеству или автономии, выделяется тем, что в ней эта идея не связывается с национальной идеей. Основа сибирской идеи чисто территориальная» [3, с. 58].

С другой стороны, из-за этой направленности теоретическая проработка вопросов носит у областников зачастую узкий характер. Так, областники очень мало обращались к другим регионам в своих исследованиях, хотя теория областничества приложима не только к Сибири. В целом социология Потанина базируется на земско-областной концепции А.П. Щапова и учении географического детерминизма. Важным методологическим принципом для Потанина являлась концепция местных нужд, которая в целом не очень отличалась от аналогичной концепции местных вопросов у Н.М. Ядринцева.

Сибирское областничество второй половины XIX в. отличалось от ряда других течений тем, что у него не было своей политической партии. Они стремились к объединению людей с разными взглядами, но одинаково преданных Сибири. Областничество создавалось как кроссплатформенная концепция изначально. В результате «Областничество было весьма влиятельным течением в Сибири – и это при том, что оно не было организационно и идеологически оформлено. Скорее, оно было умонастроением, которое разделяли все, кому были понятны и близки интересы края» [7]. Лозунг областников, объединявший различные партии между собой, можно определить следующим образом: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что нам прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же» [2, с. 59]. И далее: «Областническая Сибирь стремится построить свою прочную связь с зауральской Россией на основе справедливых экономических отношений. Она настаивает на отмене колониальной политики. Она требует организованной борьбы с экономической эксплуатацией, откуда бы она ни приходила, с Востока или с Запада» [6, с. 155]. В этом была и его сила, и его слабость. Возможно, именно по этой причине сибирское областничество так и не смогло стать видимой политической силой в годы Гражданской войны.

В настоящее время уже частично решены проблем, составляющие областническую программу: так больше нет ссылки в Сибирь, судопроизводство и правоприменение происходит в соответствии

с общероссийскими законами, в Сибири появилось множество умственных центров, школ, институтов и университетов и в конечном итоге интеллектуалов. Тем не менее, уровень и качество жизни многих сибирских регионов и сегодня ниже, чем в Европейской России. В государственной программе развития Сибири до 2020 г. одной из главных целей признается уравнение Сибири с Европейской Россией по уровню жизни: «Основные показатели социально-экономического развития Сибири к концу 2020 г. должны соответствовать среднероссийским значениям» [10]. Безусловно, не решена проблема статуса Сибири как ресурсной зоны. К сожалению, сегодня во многом эта проблема относится не только к Сибири, но и ко всей России. В настоящее время, конечно же, невозможно называть Сибирь колонией, однако некоторые черты отношений метрополия-колония можно наблюдать. В этом смысле областничество Григория Николаевича Потанина все еще остается актуальным и востребованным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсентьева И.И. Регионализация пространственной организации России в целях обеспечения национальной безопасности. Автореферат дис. на соискание уч. ст. доктора полит. наук. Москва, 2010.
2. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и нужды. СПб., 1908.
3. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907.
4. Потанин Г.Н. Письма. Том 1. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1987.
5. Потанин Г.Н. Письма. Том 3. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1989.
6. Потанин Г.Н. Прекрасный финал // Сибирские записки. 1917. № 3.
7. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск: «Наука», 1991.
8. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Новосибирск: Сова, 2008.
9. Robertson R. Glocalization: TimeSpace and Homogeneity, Heterogeneity. // Global Modernities. Theory, Culture, Society / ed. Featherstone, Mike, London, SAGE, 1995.
10. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года. Режим доступа: http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php

TRANSLIT

1. Arsent'eva I.I. Regionalizacija prostranstvennoj organizacii Rossii v celjah obespechenija nacional'noj bezopasnosti. Avtoreferat dis. na soiskanie uch. st. doktora polit. nauk. Moskva, 2010.
2. Potanin G.N. Nuzhdy Sibiri // Sibir'. Ee sovremennoe sostojanie i nuzhdy. SPb. 1908.
3. Potanin G.N. Oblastnicheskaja tendencija v Sibiri. Tomsk, 1907.
4. Potanin G.N. Pis'ma. Tom 1. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1987.
5. Potanin G.N. Pis'ma. Tom 3. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1989.
6. Potanin G.N. Prekrasnyj final // Sibirskie zapiski. 1917. № 3.
7. Sagalaev A.M., Krjukov V.M. G.N. Potanin: Opyt osmyslenija lichnosti. NSK: «Nauka». 1991.

8. Shilovskij M.V. Sibirskoe oblastnichestvo v obshhestvenno-politicheskoj zhizni regiona vo vtoroj polovine HIX – pervoj chetverti XX vv. NSK: Sova, 2008.
9. Robertson R. Glocalization: TimeSpace and Homogeneity, Heterogeneity. // Global Modernities. Theory, Culture, Society / ed. Featherstone, Mike, London, SAGE, 1995.
10. Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Sibiri do 2020 goda. Rezhim dostupa: http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: О.Н. Судакова. С.С. Нава. С.85-92

О. Н. СУДАКОВА

кандидат культурологи, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

С. С. НАВА

кандидат культурологи, преподаватель
Кызыльский колледж искусств им. А.Б. Чыргал-оола

ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРОЛОГИИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА

В статье обозначена актуальная проблема культурологии областничества – исследование ее категориального аппарата, в частности концепта «сибирская культура». Основанием архитектоники концепта «сибирская культура» является идею областников о региональной культуре.
Ключевые слова: культурология областничества; сибирская культура; идеи областной культуры Г.Н. Потанина; теория культурных гнёзд; теория фронтира.

O.N. SUDAKOVA

PhD in cultural science, associate professor
St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design

S.S. NAVA

PhD in cultural studies, lecturer
Kyzyl College of Arts named A.B. Chyrgal-ool

PROBLEMATICS OF CULTURAL STUDIES OF OBLASTNICHESTVO

In article the author designates an actual problem of cultural science of an oblastnichestvo – research of its categorial device. The concept «the Siberian culture» became a work subject. The concept architectonics basis «the Siberian culture» are idea of oblastnik about regional culture.
Keywords: cultural studies/science of regionalism/oblastnichestvo; Siberian culture; the Idea of the regional culture G.N. Potanin; theory of cultural nests; theory of a frontier.

Культурология областничества, предложенная как тема для дискуссии семинара, указывает на формирование еще одного направления в науке о культуре. Усилиями ученых культурологическое наследие областничества обрело системное изложение [5, 6, 10–13, 15, 16, 21, 22], и как следствие этого, стало возможным выделение особой «ветви» – культурологии сибирского областничества. Попытка классификации источников по проблематике сибирского областничества была предпринята С.А. Троицким [24, с. 60–77]. Цель данной работы обозначить некоторые проблемные поля для дальнейшего структурирования материалов сибирского областничества в русле культурологии.

Отправной точкой, по нашему мнению, может стать проблематизация концептов, среди которых выделяется понятие «сибирская культура». Историк понятий Ю.А. Асоян утверждает, что концептуализацию термина «сибирская культура», как некой идеи, следует искать не столько в работах этнографов второй половины XIX в., сколько в статьях представителей сибирского областничества [2, 3]. Культуролог Т.Ф. Ляпкина указала, что парадигма XIX столетия детерминировала рассмотрение областниками культуры в ракурсе «история=культура» или «культура=история» [10, с. 52]. В многообразном наследии лидеров сибирского областного движения А.В. Головинов обнаружил принципы существования региональной культуры, среди которых равноценность и равнозначность всех субъектов этнокультурного пространства [6, с. 18]. Учитывая точку зрения, названных ученых, и исходя из того, что концепт «сибирская культура» объективирует вокруг себя различные теории, попробуем выстроить алгоритм его теорий.

Данная задача может быть решена с помощью ступенчато-пирамидальной конструкции, предложенной историком культуры И.В. Кондаковым. Каждому региональному типу культуры, утверждает исследователь, свойственна своя логика исторического развития и строения, целостность последнего зависит от двух моментов. Во-первых, каждая последующая теория должна «наслаиваться» на предшествующие ей теоретические представления, служа одновременно продолжением и преодолением их. Во-вторых, для понимания имманентной логики региональной культуры следует показать закономерность последовательного восхождения, надстраивающихся друг над другом и в то же время сменяющих друг друга, пяти основных регулятивных механизмов (конфигураторов): кумуляции, дивергенции, культурного синтеза, селекции и конвергенции [14, с. 159–160]. Не ставя перед собой такой масштабной работы, мы обозна-

чим теории, которые составляют архитектонику концепта «сибирская культура».

Аналитика региональных исследований показывает, что общее число теорий, которые раскрывают архитектоническое строение обозначенного понятия невелико: областничество (культурный сепаратизм) (Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и др.), культурные гнезда (И.М. Гревс, И.К. Пиксанов, Е.Д. Петряев, Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев и др.), культурная (гуманитарная) география (Д.Н. Замятин, Ф.С. Корандей, Р.Ю. Федоров и др.), теория фронтира (А.Д. Агеев, М.В. Шиловский, Д.Я. Резун и др.). Первая теория служит основанием смыслового конструирования концепта «сибирская культура». Благодаря действию кумулятивного механизма, заложенного во взглядах областников – это обсуждение «общественных вопросов Сибири» на страницах периодической печати, публичные выступления и подготовка научных трудов [18, 27–29], ввели не только сам концепт в поле научного дискурса, но и сделали понятным первичного носителя региональной культуры, а именно «инородцев» Сибири. Позднее им станет «народно-областной тип» или сибиряки, к которому причислялись автохтонные и переселенческие народы Сибири. Таким образом, открытие региональной культуры стало возможным после того как областниками была «открыта» культура автохтонных народов, способствующая вхождению сибирской культуры в общероссийскую культуру.

К сожалению, интегративные возможности механизма кумуляции не безграничны. Внутри него зреет другой конфигурант, осуществляющий противоположное, и по своей направленности и смыслу, действие. Расщепление единого на противоположности: такова задача механизма дивергенции [14, с. 161]. Однако, этот механизм не только разводит единое целое на смысловые полюса, но и порождает другой взгляд на концепт «сибирская культура», заключающийся в оппозиции «столица-провинция». Если для Н.М. Ядринцева решение этого вопроса виделось в «провинциальной свободе» и «самостоятельности» региона от центра [30, с. 153], то для Г.Н. Потанина было важным воспитание сибирской интеллигенции, способной встать на защиту интересов региона [18, с. 117–121]. Таким образом, была заложена идея провинциальной культуры, которая получила свое развитие уже в ходе вторичной конфигурации, надстроенной над смысловыми структурами первичной и нашел новое теоретическое воплощение концепт «сибирская культура».

Следующая теория, с помощью которой изучаемый концепт получает свое дальнейшее развитие, в научной литературе именуется как теория «культурных гнезд». Именно централизация культуры и общественной

жизни побудила литературоведа Н.К. Пиксанова, а затем историка И.М. Гревса [7, 17] оттолкнуться от результата механизма дивергенции, проявившегося в оппозиции «провинция-столица» или «периферия-центр», и удержать обе противоположности с помощью механизмов культурного синтеза и селекции. Н.К. Пиксанов выступил против взглядов на развитие русской культуры только по прямой линии: Киев, Москва, Петербург, с небольшим ответвлением на Новгород. Такой подход, утверждал он, безжалостно стирает местные особенности, которые и являются основанием общерусского культурного процесса [17, с. 60–63]. Идея «культурного гнезда/культурных гнезд» детерминировала выработку некоего символического языка (определенный круг деятелей, постоянная его деятельность, выдвижение питомцев), снимавшего антиномии, и более того, дающего возможность интегрировать морфологически различные феномены региональной культуры (поэтические и беллетристические произведения, журналистика, местное школьное образование и местные научные исследования [7, с. 502–503]). В силу того, что механизм семантического синтеза опирается на «нижележащие» и во многом взаимоисключающие друг друга механизмы – кумуляцию и дивергенцию [14, с. 164], возникает системная нестабильность элементов и противоречивости самой теории. Например, современные философы культуры и культурологи применение теории «культурное гнездо/культурные гнезда» видят на пространстве края (региона) в целом или отдельных его инвариантов (уезды, города, села, усадьбы и пр.). При этом неизменным остается не изолированность их от судьбы отдельного края (региона) и всей культуры России [4]. Таким образом, даже последующее вытеснение культурного синтеза механизмом селекции, который поддерживает уже диссимилятивные тенденции, заложенные в теории культурных гнезд, не приводит к бескомпромиссному размежеванию и смысловому взаимоисключению русской (российской) культуры и культуры региональной. Самоограничение и сохранение самоидентичности сибирской культуры в форме «культурных гнезд» позволило наполнить ее концепт сменяющими друг друга, а порой и параллельно существующими подобными «гнездами»: Колывано-Воскресенские горные заводы и Тобольск конца XVIII в., Кяхта рубежа XVIII–XIX вв., Иркутск и Тобольск первой половины XIX столетия, Томск и Омск второй половины XIX – начала XX в. и др. Они, как нам представляется, не тяготели друг к другу, а только непосредственно к общероссийскому центру, имея при этом уникальную местную специфику. Причина подобного явления заключается в том, что «надстраиваясь» над теорией областнической культуры, теория «культурных гнезд» логически следовала за

ней и вытекала из нее, но при этом представляла собой другую систему смысловых структур региональной культуры.

Процесс третичной конфигурации теорий концепта «сибирская культура» связан с новым интегративным механизмом – конвергенцией. Ему было необходимо связать противоположности средствам развитой рефлексии [14, с. 170], которая возникла вокруг теории «фронтира» (границы). Названная теория связана с именем американского историка Ф. Дж. Тернера, изучавшего в конце XIX в. процессы расширения Североамериканских штатов [23]. Компаративистские исследования американского и русского фронтиров позволили отечественным ученым сформулировать свое понимание культуры «сибирского фронтира» [8, 19, 25]. Например, в работах А.Д. Агеева [1] это сложное явление, формирующееся под влиянием конкретных факторов, обладающее определенными категориями и свойствами (пространство, время, вера, язык, социальная аморфность и пр.) и носителем этой культуры – сибиряком, что в целом придает ей особенность и специфичность. Для М.В. Шиловского процесс генезиса и развития культуры фронтира заключается в культурном контакте и дальнейшем постоянном межкультурном взаимодействии [26, с. 101]. Обобщенную трактовку сибирского фронтира и структурных элементов его культуры предложил другой историк Д.Я. Резун. Наряду с такими факторами как климат, рельеф, пространство, исторический фон он выделил макро- и микросистемы культуры сибирского фронтира [20, с. 7]. Таким образом, в отличие от теорий, включающих в себя дивергентные и селективные механизмы, приводящих концепт «сибирская культура» к отделению от российской культуры, конвергенция способствует переходу от культурной дихотомии к мозаичному смысловому единству культуры. Сам концепт обретает некую целостность, не похожую на ту, которая возникает в результате механизма кумуляции, ибо она сложно структурирована и внутренне динамична. В то же время теория «фронтира» (границы) сохраняет на новом уровне алгоритм теорий, возникших ранее.

Из вышесказанного следует, что системно-синергетический принцип, положенный в архитектоническое строение теорий концепта «сибирская культура», позволяет проследить его поэтапное содержательное усложнение, выделить на каждом этапе особые историко-культурологические теории, которые, в конечном счете, составляют научную рефлексию областничества. Недаром ученый, публицист и общественный деятель сибирского областничества Г.Н. Потанина утверждал, что человечество состоит из множества локальных образований, каждое из которых

представляет собой замкнутую систему, где внутренние связи преобладают над внешними [22, с. 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск: ИГУ, 2002.
2. Асоян Ю.А. «Сочинитель самобытных культуры»? (идея культуры в сибирском областничестве Н.М. Ядринцева) [Электронный ресурс]. URL:http://www.gumchtenia.rggu.ru/article.html?id=254168 (дата обращения 23.07.11).
3. Асоян Ю.А. Из истории понятий: идея культуры в сибирском областничестве Н.М. Ядринцева [Электронный ресурс] / Ю.А. Асоян. URL: http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=127 (дата обращения 23.07.11).
4. Воронина Н.И. Философское «собирание» человека как концепт информационного пространства «культурных гнёзд» [Электронный ресурс] // Регионология. 2011. № 2. URL: http://regionsar.ru/node/715 (дата обращения 11.07.11).
5. Головинов А.В. Идеология сибирской свободы ценности: этнокультурные и политические идеи классиков областничества: монография. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2012.
6. Головинов А.В. Областническая концепция культуры: опыт философского постижения идейного мира Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева // Философско-идеологический дискурс народничества и областничества в зеркале отечественной науки: сборник материалов всероссийской с международным участием (заочной) научно-практической конференции. 18 октября 2011 г. Барнаул; Санкт-Петербург: Изд-во «Сизиф», 2011.
7. Гревс И.М. История в краеведении // Краеведение. Т. 3. 1926. № 4.
8. Замятина (Белаш) Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах // ОНС. 1998. № 5.
9. Захаренко А.Л. Общественно-политическое и культурное наследие Г.Н. Потанина: учебное пособие. Павлодар: Керегу, 2009.
10. Ляпкина Т.Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири: конец XVII – начало XX вв.: монография. СПб.: Издательство «Инфо-да», 2006.
11. Ляпкина Т.Ф. Ядринцев о проблемах культурного влияния // Областническая тенденция в русской философии и общественной мысли: к 150-летию сибирского областничества. СПб.: Изд. дом СПБГУ, 2010.
12. Ляпкина Т.Ф. Культурологический вектор региональной истории // Философско-идеологический дискурс народничества и областничества в зеркале отечественной науки: сборник материалов всероссийской с международным участием (заочной) научно-практической конференции. 18 октября 2011 г. Барнаул; Санкт-Петербург: Изд-во «Сизиф», 2011.
13. Ляпкина Т.Ф. Ядринцев о проблемах культурного влияния // Областническая тенденция в русской философии и общественной мысли: к 150-летию сибирского областничества. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010.
14. Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры // ОНС. 1999. №. 1.
15. Малинов А.В. Философия и идеология областничества. СПб.: Интерсоцис, 2012.
16. Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск: Изд-во ТГУ, 2006.
17. Пиксанов И.К. Областные культурные гнёзда: историко-краеведческий альманах/семинарий. М.-Л.: Гиз, 1928.
18. Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. Иркутск: Изд. Иркутского университета, 1987.
19. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

20. Резун Д.Я. Предисловие // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Вып. 1.
21. Смокотина Л.И. Г.Н. Потанин о целесообразности родиноведения в развитии русско-монгольской торговли в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2(14).
22. Смокотина Л.И. «Концентрическое родиноведение» как органическая часть культурологических разработок Г.Н. Потанина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 2(76).
23. Тёрнер Ф. Дж. Роль границы в американской истории [Электронный ресурс] / Пер. В.Е. Борисова. - URL: Turrner_copy.pdf. (дата обращения 18.09.11).
24. Троицкий С.А. Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 1.
25. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Вып. 1–3.
26. Шиловский М.В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3.
27. Ядринцев Н.М. Русская народность на Востоке (статья первая) // Дело. 1874. № 11.
28. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1891.
29. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, её нужды и потребности, её прошлое и будущее. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882.
30. Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов: из газеты «Камско-Волжское слово», «Сибирь» и «Восточное обозрение» за 1873–1884 гг. Красноярск: Тип. Енисейского губернского союза кооперативов, 1919.

TRANSLIT

1. Ageev A.D. Sibir' i amerikanskij Zapad: dvizhenie frontirov. Irkutsk: IGU, 2002.
2. Asojan Ju.A. «Sochinitel' samobytnyh kul'tury»? (ideja kul'tury v sibirskom oblastnichestve N.M. Jadrinceva) [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gumchtenia.rggu.ru/article.html?id=254168 (data obrashhenija 23.07.11).
3. Asojan Ju.A. Iz istorii ponjatij: ideja kul'tury v sibirskom oblastnichestve N.M. Jadrinceva [Jelektronnyj resurs] / Ju.A. Asojan. URL: http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=127 (data obrashhenija 23.07.11).
4. Voronina N.I. Filosofskoe «sobiranie» cheloveka kak koncept informacionnogo prostranstva «kul'turnyh gnjozd» [Jelektronnyj resurs] // Regionologija. 2011. № 2. URL: http://regionsar.ru/node/715 (data obrashhenija 11.07.11).
5. Golovinov A.V. Ideologija sibirskoj svobody cennosti: jetnokul'turnye i politicheskie idei klassikov oblastnichestva: monografija. Barnaul: Izd-vo Altajskogo universiteta, 2012.
6. Golovinov A.V. Oblastnicheskaja koncepcija kul'tury: opyt filosofskogo postizhenija idejnogo mira G.N. Potanina i N.M. Jadrinceva // Filosofsko-ideologicheskij diskurs narodnichestva i oblastnichestva v zerkale otechestvennoj nauki: sbornik materialov vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem (zaochnoj) nauchno-prakticheskoj konferencii. 18 oktjabrja 2011 g. Barnaul; Sankt-Peterburg: Izd-vo «Sizif», 2011.
7. Grevs I.M. Istorija v kraevedenii // Kraevedenie. T. 3. 1926. № 4.
8. Zamjatina (Belash) N.Ju. Zona osvoenija (frontir) i ejo obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turah // ONS. 1998. № 5.
9. Zaharenko A.L. Obshhestvenno-politicheskoe i kul'turnoe nasledie G.N. Potanina: uchebnoe posobie. Pavlodar: Keregu, 2009.

10. Ljapkina T.F. Arhitektonika kul'turnogo prostranstva Vostochnoj Sibiri: konec XVII–nachalo HH vv.: monografija. SPb.: Izdatel'stvo «Info-da», 2006.
11. Ljapkina T.F. Jadrincev o problemah kul'turnogo vlijanija // Oblastnicheskaja tendencija v russkoj filosofii i obshhestvennoj mysli: k 150-letiju sibirskogo oblastnichestva. SPb.: Izd. dom SPBGU, 2010.
12. Ljapkina T.F. Kul'turologicheskij vektor regional'noj istorii // Filosofsko-ideologicheskij diskurs narodnichestva i oblastnichestva v zerkale otechestvennoj nauki: sbornik materialov vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem (zaochnoj) nauchno-prakticheskoj konferencii. 18 oktjabrja 2011 g. Barnaul; Sankt-Peterburg: Izd-vo «Sizif», 2011.
13. Ljapkina T.F. Jadrincev o problemah kul'turnogo vlijanija // Oblastnicheskaja tendencija v russkoj filosofii i obshhestvennoj mysli: k 150-letiju sibirskogo oblastnichestva. SPb.: Izd. dom SPbGU, 2010.
14. Kondakov I.V. Arhitektonika russkoj kul'tury // ONS. 1999. №. 1.
15. Malinov A.V. Filosofija i ideologija oblastnichestva. SPb.: Intersocis, 2012.
16. Pelih G.I. Istoricheskaja koncepcija G.N. Potanina. Tomsk: Izd-vo TGU, 2006.
17. Piksanov I.K. Oblastnye kul'turnye gnjozda: istoriko-kraevedcheskij al'manah/seminarij. M.-L.: Giz, 1928.
18. Pis'ma G.N. Potanina. T. 1. Irkutsk: Izd. Irkutskogo universiteta, 1987.
19. Rezun D.Ja., Shilovskij M.V. Sibir' konec XVI – nachalo HH veka: frontir v kontekste jetnosocial'nyh i jetnokul'turnyh processov. Novosibirsk, 2005.
20. Rezun D.Ja. Predislovie // Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe. Novosibirsk, 2001–2003. Vyp. 1.
21. Smokotina L.I. G.N. Potanin o celesoobraznosti rodinovedenija v razvitii russko-mongol'skoj torgovli v konce XIX – nachale HH vv. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2011. № 2(14).
22. Smokotina L.I. «Koncentricheskoe rodinovedenie» kak organicheskaja chast' kul'turologicheskih razrabotok G.N. Potanina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2008. Vyp. 2(76).
23. Tjorner F. Dzh. Rol' granicy v amerikanskoj istorii [Jelektronnyj resurs] / Per. V.E. Borisova. - URL: Turrner_copy.pdf. (data obrashhenija 18.09.11).
24. Troickij S.A. Oblastnichestvo v rossijskoj gumanitarnoj nauchnoj literature // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2013. T. XVI. № 1 (6).
25. Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe. Novosibirsk, 2001-2003. Vyp. 1–3.
26. Shilovskij M.V. Frontir i pereselenija (sibirskij opyt) // Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe. Novosibirsk, 2003. Vyp. 3.
27. Jadrincev N.M. Russkaja narodnost' na Vostoke (stat'ja pervaja) // Delo. 1874. № 11.
28. Jadrincev N.M. Sibirskie inorodcy, ih byt i sovremennoe polozhenie: jetnograficheskie i statisticheskie issledovanija s prilozheniem statisticheskih tablic. SPB.: Izd. I.M. Sibirjakova, 1891.
29. Jadrincev N.M. Sibir' kak kolonija: k jubileju trehsotletija: sovremennoe polozhenie Sibiri, ejo nuzhdy i potrebnosti, ejo proshloe i budushhee. SPB.: Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1882.
30. Jadrincev N.M. Sbornik izbrannyh statej, stihotvorenij i fel'etonov: iz gazety «Kamsko-Volzhskoe slovo», «Sibir'» I «Vostochnoe obozrenie» za 1873–1884 gg. Krasnojarsk: Tip. Enisejskogo gubernskogo sojuza kooperativov, 1919.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: Т.Ф. Ляпкина . С.93-106

Т.Ф. ЛЯПКИНА

доктор культурологии, профессор
кафедры теории и истории культуры,
Санкт-Петербургского института культуры

ГЕНИЙ МЕСТА: ОБРАЗЫ ГОРОДОВ ГЛАЗАМИ «ПЕЧАЛЬНИКА» СИБИРИ

Идея П. Вайле о почти мистической связи человека с местом его обитания в полной мере соотносится с биографиями и творчеством областников. Именно города для них были не только точками приложения, но и проявления культурных сил Сибири. Города Сибири прошли через судьбу и биографию Г. Потанина. О них воспоминания, их называет и описывает в своих работах, письмах и дневниках «печальник» Сибири.
Ключевые слова: города Сибири, типология сибирских городов, особенности сибирского города, городская культура, культурные начинания сибирской провинции, образы городов

T.F. LYAPKINA

Doctor of Cultural Studies , Professor
Department of Theory and History of Culture ,
St. Petersburg Institute of Culture

GENIUS LOCI: VIEWS OF CITIES IN THE LOOK OF SYBERIAN «PECHALNIK»

The idea of P. Vejle concerning quite mystical connection of a person with his/her inhabitation fully corresponds with the various regionalists` biographies and works. According to them, the cities were not purely the points of application, but also a manifestation of the cultural forces of Siberia. Cities of Siberia went through the destiny and biography of G. Potanin. It is he, the «sympathizer» of Siberia, who made notes, put down descriptions and memories in his writings, letters and diaries.
Keywords**:** city of Siberia, the typology of Siberian cities, especially the Siberian city, urban culture, cultural initiatives of the Siberian province, city images

Статью хочется начать с замечательной цитаты отечественного исследователя, историка, краеведа, петербурговеда, культуролога И.М. Гревса, который занимался проблемами изучения города. Он писал: «Города – это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показа-

тели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов. <…> Город – центр, в одно время, культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое наглядное мерило уровня культуры, а история города прекраснейший путеводитель ее хода и судеб» [3, с. 21].

Охарактеризуем общее состояние городов XIX ва. Россия страна больших пространств, и культура больших и малых городов является неотъемлемой ее частью. Отраслевое изучение культуры городов, как правило, не учитывает достаточно полно и всесторонне бытования культуры в провинциальном обществе, распространения культурных новаций как элементов культурного пространства [13, с. 6]. Представить и понять пути развития России невозможно без исторического прошлого малых городов. Культура российских городов, и сибирских, в частности, является одним из важных объектов культурологии, представляющих большой научный и практический интерес. Остро стоит сегодня проблема типологии сибирских городов. Последние исследования в области региональной культурологии, богатые своим историко-социологическим материалом, показывают, что конкретная типология многих городов еще далека от своего завершения. В данной статье мы попытаемся выделить некоторые особенности и характеристики культуры сибирского города через биографии и творчество областников.

Город есть образ человеческой жизни и способ существования культуры, которая и определяется в качестве городской культуры. Суть городской культуры – постоянное усиление светских элементов во всех сферах человеческого бытия. Основание опорно-административных пунктов, в дальнейшем превращавшихся в хозяйственно-экономические центры, города, происходило, как правило, одновременно с хозяйственным освоением Сибири. В районах, по климатическим условиям благоприятных для ведения сельского хозяйства, остроги становились центрами сельскохозяйственных оазисов и довольно быстро обрастали сельскими поселениями, деревнями и слободами [8, с. 198–204].

В первой половине XIX в. «Сибирское учреждение» разделяло города по количеству населения на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. В экономической и социально-политической жизни Сибири происходят значительные изменения, которые во многом определили характер и возможности дальнейшего развития отдельных городов. Правильное и удобное разделение страны в XIX в. стало первой потребностью хорошего управления, поскольку этого удобства не имела Сибирь в XVIII в.

В 1822 г. по проекту М.М. Сперанского, для более удобного управления, Сибирь была разделена на Западную, куда вошли Тобольская и Том-

ская губернии, Омская область и Восточную, включающую Енисейскую, Иркутскую губернии и Якутскую область. Управление Сибири в соответствии с этим делением имело 4 степени: 1) Главное управление; 2) Губернское управление; 3) Окружное управление; 4) Волостное и инородное управление. Такое разделение дает понять, что судьба и культура сибирского города зависели от реформаторских планов центральной власти, которая то поощряла ее развитие, то наоборот способствовала затуханию всякой социально-экономической и культурной его жизни.

Территория Сибири и Севера России практически всегда была местом изгнания и наказания. Н. Ядринцев, изучая опыт Европы в формировании и управлении пенитенциарной системой, находил ее рациональной и вполне оправданной для социальной жизни в среде преступников. Н. Ядринцев в своем письме Г. Потанину писал о том, что занимаясь созданием новой теории для исправительной системы, ему пришлось изучить не только собственно историю европейского опыта, но проанализировать и юридическую литературу. «С этой то целью я было и занялся историей провинции в Европе и за океаном при всех ее разнообразных условиях» [17, с. 14–15]. Далее он выделял три типа провинции: провинцию в условиях централизации (Франция); провинцию в условиях самоуправления (Англия); федеральную провинцию (США и Швейцария).

Типологию городов Сибири можно рассматривать не только с точки зрения их административного и территориального деления – губернские города, областные центры и уездные города, но и по степени влияния столичных культурных форм, по развитости местных историко-культурных традиций, по социальной и инонациональной окрашенности [6, с. 27].

Рассматривая городскую культуру Провинции с этой точки зрения, мы можем заметить следующую закономерность. Чем ближе город к столичному влиянию, чем устойчивее связи столицы с провинциальным городом, тем больше мы можем обнаружить культурных аналогий близких к столичным формам общественной жизни. Чем дальше провинциальный город от центра, тем сложнее, своеобразнее влияние иных культурных форм жизни, тем менее заметны повторения культуры столичного города. Но существует и общая черта для культуры провинции. Культурная жизнь провинции по сравнению со столичными центрами отличалась медленным и спокойным течением.

Культурные начинания в сибирской провинции XIX в. невелики. Они, прежде всего, связаны с развитием административно-управленческой инфраструктуры, традицией и организацией религиозной жизни восточносибирских городов, а также с процессом распространения книгопеча-

тания и началом формирования сети духовных и светских учебных заведений. Состояние культурной среды сибирских городов определяет как распространение культурных новаций, так и сохранение, бережное отношение к традиционной культуре. Важным системообразующим фактором этой культурной среды является механизм функционирования культуры, к которому относится система образования и культурно-просветительных учреждений, книга, периодика, культурно-информационная система как средство распространения знаний.

В качестве характеристики провинциальности представители русской художественной культуры (литературы, искусства, театра) указывали на скуку, рожденную духом провинциальности. Она была органически важной при осознании психологических особенностей человека и условий его жизни. Нелепость провинциального бытия, рожденная рутиной, неподвижностью, – т. е. скукой – можно считать своего рода российским диагнозом. Отягощая бытие и лишая его высокого смысла, провинциальная скука предстает в русской классике как неотъемлемое и существенное явление русской жизни. Не это ли томительное состояние имел в виду Н. Бердяев, озаглавливая свое сочинение и одновременно обозначая нравственно-философскую проблему: «О власти пространств над русской душой»? [1]. Едва ли не глобальная причина провинциальной скуки определяется протяженностью времени с его дурной погодой, вялым настроением. Вполне логично сочетается с уже названными причинами скуки в провинции – одиночество. Варварская, до страсти доходящая, всепоглощающая скука живет неизбывно во времени и широко в пространстве.

Уже лет двести как повелось: любой, приезжающий в русскую провинцию, чувствует себя едва ли не обездоленным. Во-первых, все те же просторы, которые надо долго преодолевать, чтобы добраться до каких-либо культурных центров (театр, учебное заведение, концерт и т. п.). Во-вторых, – ритм жизни – вялый, медленный, болотисто затягивающий, подчиняющий себе, мирно убаюкивающий, усыпляющий. Опыт русской классической литературы показывает весь ужас провинциальной скуки, мучительной для приезжих и умертвляющей для аборигенов. У скуки нет начала и конца, причины и следствия перепутаны, что может придавать жизни глобальную нелепость [5, с. 8–14].

Есть и другая сторона маленьких провинциальных городов – комфортность, уют и тишина культурного пространства. Неспешный ритм, отсутствие суеты и столичной позы делают многочисленные маленькие города России пригодными для жизни человека, ищущего вдумчивой,

сосредоточенной работы. Именно таким был печальник Сибири – Григорий Николаевич Потанин.

Интересны не только воспоминания областников о сибирских городах, но и то, как устраивалось и формировалось их культурное пространство. Жизнь Потанина протекала в двух городах – Омске и Томске. Но именно Томск был наиболее близок сердцу ученого. Известно, что при его активном участии в Томске были открыты Высшие женские курсы, Народный университет имени П.И. Макушина, литературно-художественный кружок и Томское общество по изучению Сибири. «В знак признания научной и общественной деятельности Потанина в 1915 г. в Томске был широко отмечен 80-летний юбилей ученого» [2, с. 371–373].

Значение и заслуги Потанина перед городом Томском, были отмечены известным ученым, исследователем Сибири В.А. Обручевым, который писал: «На заре своей юности, защищая интересы кокбетинских казаков, Григорий Николаевич получил от них название “застоя”, таким “застоем” он оставался на всю жизнь, защищая все угнетенные вымирающие инородческие племена, ходатаем за них, “застоем” огромной области Сибири, обойденной даже реформами 1860-х годов» [11].

В Томске, в доме Потанина для политических дискуссий часто собиралась сибирская молодежь. «Для многих сотен сибиряков-студентов Григорий Николаевич сделал неизмеримо больше, чем официальные представители науки в высших учебных заведениях». За это сибирская молодежь очень любила его и называла «большим сибирским дедушкой» [2, с. 371–373]. Его усилиями формировалась и развивалась сибирская журналистика. В Томске, где Потанин служил в губернском совете «столоначальником по инородческим делам», стала издаваться газета. Здесь же он сам начал пробовать себя в качестве корреспондента и писать статьи в газеты и журналы. Его увлеченность идеей процветания Сибири увлекала молодежь и интеллигенцию края [10, с. 305–312].

Последние двадцать лет жизни Потанин провел в Томске, совмещая научную и общественную работу. Но его деятельность не ограничивалась только Томском. Этот милый, непрактичный, по мнению многих, «человек не от мира сего» способствовал открытию в Красноярске отделения Русского географического общества, научного общества по изучению Сибири, высших женских курсов [14, с. 41].

Потанин признавал, что исторически Томск формировался как торговый центр Сибири. Ученый писал: «Жизнь таких городов не нуждалась в умственных развлечениях; она довольствовалась именинами, свадьбами, попойками, рысаками и кулачными боями» [14, с. 41]. Характер жиз-

ни города определялся как плебейский, который был заложен мещанами. XIX в. в истории города отмечен жизнью и деятельностью трех ссыльных интеллигентов – декабриста Батенькова, петрашевца Толя и народника Бакунина. По мнению Потанина, богатые золотопромышленники практически не оставили о себе память, кроме названия улицы, которая называлась «Миллионная». «Все эти томские золотопромышленные тузы тридцатых годов – Филимоновы, Отопковы, Сосулины, Гороховы – прожгли свои капиталы на пирах и на безвкусных затеях, теша только свое тщеславие случайно разбогатевших выскочек» [15, с. 52].

И все же, до основания университета в Томске на пожертвования купцов были открыты промышленное и ремесленное училища. С появлением в 1887 г. университета, а в 1890 г. технологического института, город духовно преобразился. Однако изменения происходил не просто и медленно, о чем свидетельствуют события 1905 г., когда разъяренная толпа разгромила общество книгопечатников, библиотеку, грозила разорить Технологический институт и выгнала из его здания всех профессоров, а также разграбила дом городского головы А.И. Макушина, который активно поддерживал образование и просвещение. «Поэтому томская жизнь всегда была более серою, бледною, более провинциальной, чем в Иркутске, а томич более плебеем сравнительно с щеголеватым иркутянином» [15, с.53]. Самым значительным памятником томской филантропии являлось здание и учреждение школьного Общества попечения о начальном образовании, которое было построено на пожертвования томских купцов Валгусова и Сибирякова и руководителем которого был книгопродавец А.И. Макушин. Последнего Потанин называет самым деловитым главой города. Именно в годы его управления была сформирована новая дума, которая решила вопросы водоснабжения города, мощения и электрического освещения улиц, канализации и др. Одним из главных направлений в работе думы было и попечение о народном образовании. Общество попечения о начальном образовании просуществовало почти двадцать лет под девизом «Ни одного неграмотного». «В зрительном зале здания общества устраивались спектакли для народа, народные чтения, музыкальные утра, на рождественских праздниках елки для городских школ, балы для рабочих, наконец, лекции для народа и один год даже целые курсы. <…> Общество содержало в городе две бесплатные библиотеки для народа. Это общество было первое в Сибири; по его примеру возникли подобные общества и в других городах Сибири» [15, с. 53–54]. К другим значительным культурным достижениям Томска и томичей Потанин относил общество физического развития детей, кото-

рым руководил доктор Пирусский и учреждение воскресных школ. В целом изменения, происходившие с Томском, благодаря формированию системы образования, превращали его в город европейского типа.

Итак, образ Томска XIX начала XX вв. в представлении Потанина, как нам кажется, имеет двойственный характер. С одной стороны, – это статичный, не богатый на события, скучный, мещанский город Тит Титычей. Ему не очень везет с чиновниками и промышленниками. Они не радеют о престиже города, его культурном развитии. С другой, будущее Томска ученый связывал с развитием образования и науки, толчком для которого стало открытие двух вузов. Естественным образом город вплетен в историко-культурный, социальный и политический контекст. Время порождает особое восприятие города Потаниным.

Используя типологию сибирских городов Максимова, Потанин относил Томск, как уже указывалось выше, к городам буржуазным, тогда как Омск – к бюрократическому типу городов. Продукция промышленного Томска распространялась не только в регионе, но и далеко за его пределами. Он с сожалением писал о том, что этот город не может представить ни одного имени губернатора уровня Сперанского или Муравьева-Амурского – губернаторов счастливого в этом отношении Иркутска. «Ни один город в Сибири не был поставлен в такие условия, как Иркутск: ни в Томске, ни в Омске никогда не было такого хорошего подбора чиновников, какой был в Иркутске, благодаря его генерал-губернаторам; нигде местное богатое купечество не подвергалось такому сильному воздействию чиновничьей среды, как в столице Сибири; эти чиновники иногда с университетским образованием, наезжавшие из европейской России, поднимали в местном обществе не только запросы внешней культуры, но и приучали его интересоваться и русской литературой, и вопросами общественной и государственной жизни» [14, с. 42].

Потанин указывал на еще одно существенное отличие чиновничьего Иркутска от других сибирских городов. Именно в Иркутске наиболее сильное культурное воздействие оказывала ссыльная интеллигенция. *Первая волна* такого влияния связана с декабристами. Тогда в Иркутске жили князья Трубецкой, Волконский и Поджио, а не далеко от Иркутска, в селе Урик – Лунин. Еще в одной из ближайших иркутских деревень – Раевский. Жизнь и труды этих настоящих русских интеллигентов имели огромное значение для культурного развития региона. Они были организаторами влиятельнейших просвещенных салонов при поддержке Муравьева, вели образовательную, просветительскую и художественную деятельность в области музыки, театра и литературы.

Вторую волну культурного влияния на иркутское общество оказали ссыльные поляки (Дыбовский, Чекановский, Черский, Ксиенжопольский, Витковский и др.). Они во многом формировали научные интересы местной интеллигенции, в частности, принимая участие в начинаниях Русского Географического Общества. «Многие сибирские города испытывали на себе благотворное влияние интеллигентных ссыльных, но ни в одном из них подобное влияние не достигало таких значительных размеров, как в Иркутске. В особенности был свободен от этой просветительной заразы другой генерал-губернаторский город Сибири – Омск» [14, с. 43].

Иркутск перед другими сибирскими городами, по мнению Потанина, имел еще одну особенность: «…ни в одном другом городе не жило столько и таких золотопромышленных тузов, как в Иркутске» [14, с. 43]. Он писал, что иркутские купцы проезжали на тысячу верст дальше западносибирских купцов. Иркутские купцы успешнее торговали на Нижегородской ярмарке, чем купцы, приезжающие на Ирбитскую ярмарку. Посредством торговых связей в Иркутск проникала московская столичная культура. «Все эти приведенные обстоятельства содействовали культурной шлифовке иркутского купечества и имели своим результатом то, что ни один город Сибири не мог похвастаться такой блестящей, такой просвещенной буржуазией как Иркутск, прославивший себя крупными денежными пожертвованиями на общественные учреждения и в нисходящих поколениях давший ряд просвещенных деятелей на поприще науки, литературы и общественной деятельности» [14, с. 43].

Потанин считал, что духовные запросы в иркутском обществе проявились гораздо раньше других сибирских городов. Этому способствовал не только статус губернского города, но и жизнь самого городского общества, которая была наполнена интересом к политике, литературе, театру, музыке. В Иркутске раньше, чем где либо, в Сибири появилась достаточно либеральная пресса, была открыта первая в регионе публичная библиотека. «Нигде в Сибири обыватель не питает такого уважения к местной старине, как в Иркутске; более чем какой другой горожанин, иркутянин чтит имена своих общественных деятелей и заботится о реноме своего города. Иркутск первый в Сибири перестал выбирать в городские головы купцов-толстосумов и выбрал Сукачева, эстета, составившего первую картинную галерею в Сибири, человека с университетским образованием» [14, с. 44].

В расположении Иркутска на берегу реки Ангары Потанин находил сходство с Санкт-Петербургом на Неве, который также как и Иркутск от Байкала, расположен в 60 верстах от Ладожского озера. «Внутри город

производит сенсацию своей магистральной улицей, которая носит банальное имя Большая. Она недурно отстроена, обставлена торговыми магазинами и вся сплошь состоит из каменных построек. <…> Большая является самой шикарной улицей в Сибири. <…> В Большой улице сконцентрирован весь архитектурный блеск города. Монументальные новые здания в городе: новый собор, театр и музей Географического Общества. Театр, самый большой в Сибири, построен на средства жертвователей, собранные генерал-губернатором Горемыкиным; <…> репертуаром театра заведует театральная дирекция – институт, какого нет ни в каком другом городе Сибири. Музей построен по проекту архитектора барона Розена на сборы, частью собранные местной администрацией, частью по инициативе самих жертвователей» [14, с. 45]. Кроме того, Потанин отмечал наличие в городе больших больниц, аналогов которых нет ни в одном сибирском городе.

Иркутск, согласно Потанину, более разнообразен в культурном отношении, чем Томск. Он выглядит более просвещенным и интересным. Образ Иркутска постоянно меняющийся, текучий и вместе с тем он органичен и сущность его целостна, поскольку согласуется с историко-культурной средой. Иркутск обладает рядом преимуществ по сравнению с другими городами Сибири. Безусловно, восприятие и отношение к Иркутску у Потанина сопряжено с его личной биографией и опытом переживания городской жизни, поэтому он все время сравнивает города, отмечая как преимущества, так и недостатки. Но главное место в восприятии города и в создании его образа занимают люди. Это и местные жители, и приезжающие, и его правители, чиновники, и промышленники успешные или не очень. В описании Потанина Иркутск стремится к совершенству. И нам кажется его сравнение с Санкт-Петербургом неслучайно. В этом стремлении к цивилизованному развитию удается создать социальные институты культуры, отвечающие уровню современного города XIX – начала XX в. Раскрывая биографию города, его многоликий образ, Потанин схватывает его сущность, душу. В описании ученого город – живой организм, он динамичен, наполняется новым содержанием. И это главное достоинство Иркутска.

Омск в типологии сибирских городов Потанина уступает как Томску, так и Иркутску. Ученый называет его «гостиницей», «почтовой станцией» [16, с. 217–218]. Омску, также как и Томску не везет на просвещенных администраторов. Единственным исключением, по мнению Григория Николаевича являлся генерал-губернатор Казнаков, при поддержке которого в Томске был открыт университет. «Омск был всегда бедным городом, лишенным всякого торгового значения. Богатого купечества в

городе совсем не было, да и мещанское общество было сравнительно с другими городами не большое. Значительный процент городского населения составляли отставные чиновники и отставные офицеры и солдаты. В Омске была самая дешевая жизнь на всем расстоянии от Петербурга до Иркутска…» [15, с. 55]. «Отставной» характер населения, наталкивал Потанина на сравнение с гоголевскими героями. Он так и писал: «Это обилие чиновников, служащих и отставных, превращало Омск в город Акакиев Акакиевичей» [15, с. 55].

В 1882 г. газета «Восточное обозрение» писала: «Всякий, кто бы только ни попал в этот город, случайно, хотя бы на самое короткое время, убедится, что Омск Чиновничий город, в полном смысле этого слова; можно с уверенностью сказать, что две трети населения его – служащие в том или другом ведомстве или управлении, остальная треть – ни более, ни менее как нарост, явившийся в силу известных экономических жизненных условий. Основанный в 1716 г., Омск служил сначала крепостью, но потом, с перенесением в 1838 г. сюда из Тобольска главного управления генерал-губернатора, Омск занял одно из самых видных мест в среде городов Западной Сибири, по крайней мере, в административном отношении. Что же касается до экономических условий, то они в высшей степени невыгодны для города – решительно во всех отношениях. <…> Здесь нет ни обширной промышленности, ни видной торговли, в городе только два видных завода: винокуренный и кожевенный; существуют, впрочем, еще мыловаренный и пивоваренный, но в таких размерах, что вряд ли они имеют право на название заводов; про фабрики, конечно, и речи быть не может, по отсутствуют сбыта, так как тотчас же за Иртышем начинается область сибирских киргизов – страна, которую обыкновенно, на географических картах изображают пустыней, подобно Сахаре или Гоби. Город состоит из нескольких двухэтажных каменных домов, если не считать генерал-губернаторский дом, военную гимназию и казачье управление и нескольких сот деревянных лачуг, с населением в 25 000. Таков внешний вид города. <…> Здесь есть все: прежде всего, конечно, полиция, городская дума и управа (городовое положение введено в 1872 г.), тюрьма, классическая мужская и женская гимназии, два клуба: гражданский и военный, театр, хотя и в солдатском манеже, но строится и постоянный; есть музыкальное общество, даже есть и ученое, мы разумеем Западно-Сибирский отдел Императорского Географического общества. В Омске бывают и чтения – как в Соляном городе, и даже с туманными картинами, которые усердно рекомендуют во всех сибирских тюрьмах. Не известно только привьются ли? Здесь же даже издается как будто газета –

“Акмолинские областные ведомости”, по обыкновению крайне плачевные. Мы уже не говорим про врачей – как военных, так и гражданских, про архитекторов и лесничих и т. п. Омск – всевозможное собрание чинов и начальствующих, он задает импульс, он гроза патриархальных городов Западной Сибири и тем не менее мы все-таки здесь не видим общественной жизни; мало того, не видно никакой собственной инициативы, никакого собственного дела, все это живет как-то механически, полуапатично, но одному приказанию» [12, с. 10].

В этом же очерке об Омске корреспондент делает любопытное замечание об удивительном соединении культур Запада и Востока. Автор заметки пишет, что омичи в своем быту не очень обеспокоены какими-либо делами, они сидят дома в халатах и играют в карты – карты французское изобретение, а халаты киргизское, из чего корреспондент заключает, что это прекрасное соединение крайнего Востока с крайним Западом [12, с. 11].

Но вернемся к описаниям Потанина. Как и в характеристике Иркутска, он представляет и описывает Омск как бы «с птичьего полета». Доминантой в городской архитектуре были каменные здания, принадлежащие в основном военному ведомству (Сибирский кадетский корпус, генерал-губернаторский дворец, Воскресенский военный собор, Никольская казачья церковь, здание штаба, казармы, гауптвахта, Военное собрание, военный госпиталь и др.), все остальные постройки деревянные, имелись два-три свечных завода. Жизнь города начала оживляться с появлением железной дороги. Омск из чиновничьего города постепенно превращался в торговый центр, из военного лагеря – в купеческий пакгауз.

Итак, образы Омска меняются вместе историко-культурным контекстом. Возникнув как крепость, а затем как военно-политический форпост в Сибири, Омск становится городом чиновников и отставных солдат. Военная составляющая в истории города была долгое время определяющей. Это влияло на формирование населения, внешнего облика и в целом на культуру города. Всего, во второй половине XIX в. в Омске было 6 площадей, 17 улиц, 26 переулков и два общественных сада и два небольших бульвара [9, с. 77–79].

На рубеже XIX – начала XX в., он превратился в центр торговли между Востоком и Западом. Тогда же появилась Базарная площадь (1870–1880-е гг.), Торговый дом (1898–1900), роскошный в силе модерн оптовый магазин Викулы Морозова с сыновьями, пассаж Овсянниковых-Ганшиных. Кроме того в облике города (архитектурном декоре зданий) начинает более отчетливо проявляться светскость, прежде всего, в здании городского театра и гостиницы «Россия» [4, с. 41–42].

Судьба и образ еще одного города Сибири были затронуты в публикациях Потанина – это Тобольск. Некогда этот город был административным, торговым и умственным центром, «матерью» сибирских городов, «сибирским Киевом». Здесь формировались торговые и деловые связи с китайским Туркестаном. Значительность Тобольску придает Софийский собор, указывающий на ту роль, которую город играл в распространении христианства и сопоставляющий его, в этом отношении, с Киевом и Новгородом. Но в какой-то момент, с уходом торгового и умственного центра на юг Тобольск утрачивает свой статус.

В наследии Потанина достаточно коротких замечаний и полных описаний больших и малых городов Сибири. Например, в «Очерках Северо-Западной Монголии» он описывал места, через которые проезжал и давал характеристику некоторым городам Сибири. Так, его внимание привлекает Бийск с его 6000 тысячами жителей, где имеются уездное мужское училище и женская школа, но нет публичной библиотеки, а досуг местных жителей сводится к кутежам и карточным играм. Город Минусинск отличается тем, что в нем чаяниями Мартьянова основан музей, имеющий серьезное воспитательное воздействие на местное общество. Тункинское селение, которое находится на границе, описывается Потаниным, как одно из самых захудалых и печальных мест в Восточной Сибири. «Здесь всего одна небольшая сельская школа, и та ведется дурно; нравы у местного населения грубы, интересов у местных нет, тон местному обществу задают волосные и заседательские писаря из сосланных за воровство». Потанин надеется, что предоставление свободы и широкое развитие умственных и культурных сил, сконцентрированных в сибирских городах, будет способствовать распространению влияния русской культуры на Азию. Пока же, например, соседняя Монголия дает лишь материал, свидетельствующий о младенческом состоянии народного мышления и миросозерцания [7, с. 17–19].

Итак, палитра образов и красок сибирских городов глазами Потанина разнообразна. Здесь и общие виды, и мелкие детали городов, портреты людей и социальные типы, сравнимые с литературными персонажами. Образы сибирских городов, на наш взгляд, сформированы не только историко-культурным, политическим и экономическим контекстом, но и динамикой развития регионов. Города меняли функции, а вместе с ними облик, структуру, место в инфраструктуре Сибири. Суммировав идеи и характеристики Потанина, можно отметить, что тип города-власти – это Иркутск; города-границы, форпоста Город – это Омск; города-лиминального пространства (пространство перехода, изменчивости) – это Томск.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н.А. Судьба России. Ответы по психологии войны и национальности. М., 1918.
2. Гацунаев Н.К. Потанин Григорий Николаевич // Гацунаев Н.К. Географы и путешественники: краткий биографический словарь. М., 2001.
3. Гревс И.М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. Под ред. Проф. И.И. Полянского и акад. В.М. Шимкевича. Пг., 1921.
4. Гуменюк А.Н. Архитектурный ансамбль Люблинского проспекта: стилевые оттенки. Омск. 1870–1910-е гг. // Третьи ядринцевские чтения. Омск, 2015.
5. Злотникова Т.С. Социокультурный портрет провинции глазами будущих культурологов // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 3 (32).
6. Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998.
7. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Выпуск I: Дневник путешествия и материалы для физической географии и типографии. Выпуск II: Материалы этнографические. СПб., 1881.
8. Ляпкина Т.Ф. Культура сибирского провинциального города: Верхнеудинск XIX века // Культура и личность: сб. статей. (Труды Т. 168) СПб., 2006.
9. Ксенжик Г.Н. Реконструкция образа города Омска в XVIII–XIX вв.: междисциплинарное исследование // Третьи ядринцевские чтения. Омск, 2015.
10. Мирошникова В.В. Григорий Потанин // Мирошникова В.В. Сто знаменитых путешественников. Харьков, 2004.
11. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1947. 287 с.
12. Омск (корреспонденция Восточного обозрения) // Восточное обозрение. 1882. №2.
13. Очерки русской культуры XIX века. Т.1. Общественно культурная среда. М., 1998.
14. Потанин Г.Н. Сибирские города // Земля Иркутская. 1994. №2.
15. Потанин Г.Н. Сибирские города // Земля Иркутская. 1995. №3.
16. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т.7. Новосибирск, 1986.
17. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года. Красноярск, 1918. 232, [2] с.

TRANSLIT

1. Berdjaev N.A. O vlasti prostranstv nad russkoj dushoj // Berdjaev N.A. Sud'ba Rossii. Otvety po psihologii vojny i nacional'nosti. M., 1918.
2. Gacunaev N.K. Potanin Grigorij Nikolaevich // Gacunaev N.K. Geografy i puteshestvenniki: kratkij biograficheskij slovar'. M., 2001.
3. Grevs I.M. Monumental'nyj gorod i istoricheskie jekskursii // Jekskursionnoe delo. Pod red. Prof. I.I. Poljanskogo i akad. V.M. Shimkevicha. Pg., 1921.
4. Gumenjuk A.N. Arhitekturnyj ansambl' Ljublinskogo prospekta: stilevye ottenki. Omsk. 1870–1910-e gg. // Tret'i jadrincevskie chtenija. Omsk, 2015.
5. Zlotnikova T.S. Sociokul'turnyj portret provincii glazami budushhih kul'turologov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2002. № 3 (32).
6. Kozljakov V.N., Sevast'janova A.A. Kul'turnaja sreda provincial'nogo goroda // Ocherki russkoj kul'tury XIX veka. T. 1. Obshhestvenno-kul'turnaja sreda. M., 1998.
7. Potanin G.N. Ocherki severo-zapadnoj Mongolii. Vypusk I: Dnevnik puteshestvija i materialy dlja fizicheskoj geografii i tipografii. Vypusk II: Materialy jetnograficheskie. SPb., 1881.
8. Ljapkina T.F. Kul'tura sibirskogo provincial'nogo goroda: Verhneudinsk XIX veka // Kul'tura i lichnost': sb. statej. (Trudy T. 168) SPb., 2006.

9. Ksenzhik G.N. Rekonstrukcija obraza goroda Omska v XVIII–XIX vv.: mezhdisciplinarnoe issledovanie // Tret'i jadrincevskie chtenija. Omsk, 2015.
10. Miroshnikova V.V. Grigorij Potanin // Miroshnikova V.V. Sto znamenityh puteshestvennikov. Har'kov, 2004.
11. Obruchev V.A. Grigorij Nikolaevich Potanin. Zhizn' i dejatel'nost'. M.; L., 1947. 287 s.
12. Omsk (korrespondencija Vostochnogo obozrenija) // Vostochnoe obozrenie. 1882. №2.
13. Ocherki russkoj kul'tury XIX veka. T.1. Obshhestvenno kul'turnaja sreda. M., 1998.
14. Potanin G.N. Sibirskie goroda // Zemlja Irkutskaja. 1994. №2.
15. Potanin G.N. Sibirskie goroda // Zemlja Irkutskaja. 1995. №3.
16. Potanin G.N. Vospominanija // Literaturnoe nasledstvo Sibiri. T.7. Novosibirsk, 1986.
17. Jadrincev N.M. Pis'ma Nikolaja Mihajlovicha Jadrinceva k G.N. Potaninu. Vyp. 1: s 20 fevralja 1872 g. po 8 aprelja 1873 goda. Krasnojarsk, 1918. 232, [2] s.

STUDIA CULTURAE: ВЫП. 1 (27): Symposium: Е.А. Макарова. С.107-119

Е.А.МАКАРОВА

кандидат филологических наук, доцент,
Томский государственный университет

РОЛЬ Г.Н. ПОТАНИНА И Н.М. ЯДРИНЦЕВА В СТАНОВЛЕНИИ КУЛЬТУРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА В СИБИРИ.

В статье освещается роль лидеров сибирского областничества в формировании культурного регионализма, формирующихся на оппозиции понятий «провинция» – «периферия», «центр» – «регион». Многоуровневая система взаимопрезентаций рассматривается в аспекте категорий фронтира и культурного трансфера. Проблема провинциальной печати демонстрируется на примере издательских проектов Н.М. Ядринцева.
Ключевые слова: областничество, регионализм, фронтир, издательский проект, сборник.

E. A. MAKAROVA

Candidate of Science (Philology), Associate Professor
Tomsk State University

THE ROLE OF GRIGORY POTANIN AND NIKOLAY YADRINTSEV IN FORMATION OF SIBERIAN CULTURAL REGIONALISM

The article throws some light on the role of Siberian regional leaders (oblastniki) in formation of cultural regionalism based on the opposing concepts of «province» – «periphery», «center» – «region». The multilevel system of mutual presentations is considered in terms of such categories as frontier and cultural transfer. The problem of provincial publishing practices is demonstrated by the example of Nikolai Yadrintsev's publishing projects.
Key words: oblastnichestvo, regionalism, frontier, publishing project, collection.

Разнообразные архивные источники, многочисленные статьи областников в центральной и региональной прессе, их дневники и письма дают возможность показать, как многие геополитические и геоэкономические обстоятельства второй половины XIX – начала XX в. помогли становлению культурного регионализма в Сибири и формированию очередного ло-

кального мифа российской цивилизации. Вследствие этого в заявленной проблематике принципиальным видится процесс взаимовлияния культуры центра и сибирского региона, создающий многоуровневую систему взаимопрезентаций, включающую, помимо собственно результатов историко-культурного процесса, и формирование представления о сути России и Сибири, «сибиряка» и «русского».

Необходимым видится и реконструкция рецепции сибирской культуры столичной словесностью и критикой, а также рефлексии центра по поводу регионального «другого». Наконец, как показывают современные исследования в области методологии познания, в науке все большую роль играет сближение разных подходов, стирание жестких границ между философией, культурологией, историей и филологией, историей и теорией литературы. Такая постановка проблемы во многом корректирует общепринятое представление о культурном взаимодействии центра и сибирского региона России, снимая, в частности, традиционную идею об отставании сибирской культуры в своем развитии от столичной, о прямом влиянии последней на сибирских авторов, о своего рода зависимости одного историко-культурного процесса от другого. Вышеизложенное делает предлагаемую постановку проблемы, на наш взгляд, чрезвычайно актуальной.

Подобная проблематика все больше занимает гуманитарные науки. Всплеск интереса к ней, произошедший в последние десятилетия XX в. благодаря выходу в свет ряда монографий и исследований, привел к дальнейшему изучению продуктивного диалога метрополии и периферии. Это, прежде всего, нашло отражение в современной отечественной историографии и литературоведении, а впоследствии в изучении русской литературы с точки зрения проблемы культурного трансфера и теории диалога, как ее понимал М.М. Бахтин. Принципиальной в этом плане стала книга Эдварда Саида «Ориентализм», представляющая исследование европейского взгляда на неевропейскую часть человечества. Вследствие этого в ней представлен и своеобразный взгляд на Россию [12]. Ряд исследователей продолжают развивать мысль о характерном традиционном колониальном восприятии Сибири [10], уточняют границы применения западных понятий колониализма и ориентализма к русской культуре [11].

В коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи» [6] авторы представили новые подходы в интерпретации данной проблемы, сфокусировав внимание на специфике взаимоотношения центра и Сибири, особенностях ее хозяйственного и социокультурного освоения, формировании особой русско-сибирской территориальной идентично-

сти. Современное исследование Ю. Слезкина посвящено загадке культурной чуждости [7]. В итоге во всех этих исследованиях, так или иначе, задается проблема диалога, в свете которой литературу продуктивно рассматривать в контексте реконструкции образа «другого».

Очевидно, что явно недостаточным для определения специфики историко-культурных процессов, происходящих на далеких восточных окраинах, является чисто территориальный, географический признак, но важнее становится сама «идея». Для преодоления узкого толкования этих проблем видится необходимым внедрение понятия «фронтир», приобретающего черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая не столько разделяет, сколько сближает внутреннее и внешнее пространства.

Действительно, по своему расположению к востоку от Урала Сибирь является по преимуществу «евразийским» регионом. В то же время конфигурация ее территории такова, что Сибирь можно считать продолжением Западной России в Азии. Тем не менее, определяющим для границы Сибири стал именно Урал, который разделил вполне реальную «метрополию» и столь же реальные «владения», где имелось все, чему положено быть в колониях (территориальная удаленность, экзотические аборигены, золотые прииски и проч.) Все эти процессы формировались на фоне все большего внедрения в жизнь областнической концепции.

Эволюционным этапом в мировоззренческой системе ее создателей, Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, в освоении и усвоении мира, стало осознание своего «я» и отделение «своего» пространства от «чужого», «иного», что неизбежно выводило к понятию границы. В самой сути областнической идеи и духовно-топографическом пути ее лидеров можно пронаблюдать характерную ситуацию фронтира, пересечения границы, поиска идеального локуса для воплощения своей доктрины. Вследствие этого происходит явная перефокусировка взгляда на Сибирь, которая воспринимается уже не извне, а изнутри, в самой же литературно-культурной ситуации формируется очередной локальный текст, получивший название «сибирский текст».

Сибирь изначально представляла по отношению к центру колонию и являлась не провинцией, а периферией. Провинция, как известно, существует на фрагментированной природной ландшафтной основе, где очаги взаимосвязаны, тогда как периферия – максимально центрированный и одновременно фрагментированный компонент системы. По определению В.Л. Каганского, провинция – это самодостаточная обыденная среда системы, нецентростремительная база деятельности, удаленная от краев и крайностей [4, с.89]. Периферия же – это, прежде всего, зависимая ок-

раина, место решения задач иных элементов и системы в целом, и главная ее особенность коренится в том, что пространство периферии изначально присвоено, а не освоено, неопределенно, охвачено и задано внешне, что выразилось и в истории Сибири. Культурная периферия может быть одновременно экономическим центром, религиозным, политической периферией и т. д. Провинция же – это периферия ко всему, соответствующая абсолютистским качествам центра. Таким образом, представляя Сибирь именно как периферию, а не провинцию, можно определенно говорить о специфике формирования «сибирского текста» в общей социальной и культурной ситуации последних десятилетий XIX в.

Уже к середине 1870-х гг. окончательно формулируются главные положения областнической концепции, выраженные в многочисленных публикациях Потанина и Ядринцева в центральной и региональной прессе. В связи с этим начинает формироваться и собственно сибирская литература и культура. В самой областнической доктрине к этому времени тоже наметилась явная эволюция, связанная с усилением внутреннего спора по проблеме границы. Значительное влияние на формирование и развитие взглядов областников оказала история западноевропейских колоний, политических и экономических теорий того времени.

Через всю жизнь у Ядринцева проходит увлечение Североамериканскими Штатами и уверенность, что Сибири уготовано столь же прекрасное будущее. Западные идеи и колониальный опыт в значительной мере стали для будущих областников толчком к осознанию колониального положения Сибири в составе Российской империи. Наряду с историей колоний и колониальной политики областники обращаются к изучению вопроса о положении провинции в Европе, прежде всего во Франции, Англии и Швейцарии. В итоге Ядринцев становится одним из наиболее заметных русских защитников и теоретиков децентрализации.

Потанин же видел залог будущего развития Сибири в общинном, артельном начале. Для него важно было указать на ту разницу, которая существовала между сибирской и американской колонизацией. Главное отличие Сибири от России, по его убеждению, – в отсутствии крепостного права, поэтому, прежде всего, из общины вырастает сам принцип федерализма и именно Сибирь должна совершить этот переход, в этом ее мировое значение.

Осмысляя феномен сибирской литературы в статье «Роман и рассказ в Сибири», Потанин определенно рассматривает проблему уже не в узко локальном, но принципиальном смысле, выявляя в ней особые органичные, по его выражению, «кристаллические формы». Крайне характерным

ему видится актуализация новых жанров и сюжетов в творчестве сибирского писателя Н.И. Наумова, в произведениях которого преобладающим жанром становится очерк, размывающий границу между художественным и документальным письмом. Практически все его сюжеты связаны с дорогой, сибирским трактом, сам же автор выступает в них не просто как чиновник по крестьянским делам, но и как «невольный турист».

Н.М. Ядринцев на рубеже 80–90-х гг. XIX в. публикует в редактируемой им газете «Восточное обозрение» огромное количество статей, посвященных «сибирскому вопросу», включающих целый комплекс проблем: центра и периферии, тюрьмы и ссылки, русских переселенцев, инородцев и проч. Как подчеркивает современный исследователь, «в процессе систематического осмысления судьбы Сибири Ядринцевым используется весь спектр гуманитарного знания – история, геополитика, экономика, лингвистика. Постигая историю Сибири в пространственных категориях, он определяет место ее развития не Европой и не Азией, но той особой территорией-конгломератом, которой «предстоит новая роль и новые задачи» [2, с. 98]. В итоге в его творческой системе происходит окончательное формирование колониального дискурса, впервые представленного в областнической доктрине последней трети XIX в.

Сибирь теперь рассматривается историком и публицистом как принципиальное географическое, натуралистически-антропологическое пространство России, то конкретное место, где явлена самостоятельная сфера человеческого бытия, сложная, противоречивая и настоятельно требующая глубокого осмысления.

Потанин к этому времени практически отходит от общественно-публицистической деятельности, полностью посвящая себя науке. Его все больше влечет Восток, и это не случайно. К последней трети XIX в. просвещенное человечество и наука уже переболели европоцентризмом, вследствие чего начинается пристальный интерес к Востоку, и Потанин в этом – один из первых. Он понимает, что Восток не просто интересен сам по себе, но помогает Европе понять самое себя. В этот период в науке начинается тщательная ревизия культурного наследия: выясняется родословная европейских культур, ищут их истоки, прародину. В итоге выявляется, что в былые времена они тесно взаимодействовали, поэтому не случайно в науке появляются различные гипотезы, прокладывающие мостки между Востоком и Западом. В связи с этим Потанин начинает работу над капитальным трудом «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», изданном в 1899 г.

В своих знаменитых экспедициях, предпринятых при поддержке Русского Географического общества, исследователь собирает не только конкретный этнографический материал, но обращается к фольклору, монгольско-тюркским преданиям. Важная качественная эволюция происходит и в творческих поисках Потанина. Источником многих сюжетов европейского эпоса он теперь предлагает считать не «высокие» письменные культуры, а степные предания народов Центральной Азии. Вслед за А.Н. Веселовским исследователь решает вопрос о «бродячих сюжетах». В результате в своих поисках и обозначении общего сюжета о Боге-отце и Боге-сыне (Ерке) на основе фольклорных буддийских источников он выходит уже к своего рода христианским откровениям.

В итоге значимым этапом в развитии областнической доктрины становится тот факт, что в последнее десятилетие XIX в. ее открытия начинают определенно смыкаться с раздумьями русской религиозной философии рубежа веков. Сама же сибирская литература и культура все чаще обращается к проблеме «местного самосознания», поискам некоей общей «идеи», обуславливающей своеобразие регионального литературного процесса. «Свое» в творчестве регионального автора теперь уже раскрывается в феноменологическом образе края, который начинает приобретать поистине бытийное значение. По сути, вся русская литература и культура находится в поисках той духовной реальности, которая неизбежно выводит ее на другие, побочные пути, далекие от центральных культурных магистралей. И путь человека культуры уже определяется не движением с Востока на Запад, а принципиально поворачивается в сторону российской восточной периферии.

Таким образом, окончательное оформление идей областничества в последние десятилетия XIX в. приводит к новому в русской культуре взгляду на Сибирь как на целостность. По утверждению Д.Н. Замятина, «образ Сибири, созданный областниками, был настолько крупным, соразмерным поставленным ими политическим задачам, что он до сих пор, по-видимому, является более прочным и практичным, нежели большинство современных геополитических образов Сибири, слишком явно ориентированных на природно-ресурсную составляющую» [3, с. 48].

* * *

Как известно, одним из главных тезисов в областнической концепции значилось формирование местной литературы и появление региональной печати. В связи с этими назревшими проблемами с середины 1870-х гг. разворачива-

ется полемика вокруг проблем местной печати, за которой внимательно следят и в столичной прессе.

В 1873 г. в «Камско-Волжской газете» печатается цикл статей Ядринцева (под псевдонимом «Доброжелатель») «Провинциальные красоты». По-настоящему дискуссия разворачивается после этапной статьи Д.Л. Мордовцева «Печать в провинции» (Дело. 1875. № 9–10). В ней активно участвуют видный общественный и земский деятель, статистик и писатель-краевед А.С. Гациский, создатель интереснейшего провинциального десятитомного издания «Нижегородский сборник», издатель «Камско-Волжской газеты» К.В. Лаврский, лидеры сибирского областничества С.С. Шашков и Н.М. Ядринцев, писатель и редактор В.Г. Короленко и др. Закономерным явлением этого периода становится появление научно-литературных сборников, связанных с урало-сибирским регионом.

В итоге к концу XIX в. становится очевидным, что провинциальная печать уже является инструментом формирования самосознания региона и важнейшей составляющей общероссийского литературного процесса. Феномен провинции в дальнейшем активизирует направление в современной философии, потребовавшее терминологической определенности – «*региональная философия*». Им буду обозначать «мировоззрение, отражающее своеобразную рефлексию по поводу культурно-исторических противоречий с более значимым (для данного региона) духовным центром» [13]. На данном же этапе в означенной полемике главный вектор исследования оппозиции «столичное–провинциальное» получит значимый переход к оппозиции «регион–центр».

Пожалуй, самым мощным издательским проектом последних десятилетий XIX в. стали научно-литературные приложения Ядринцева к газете «Восточное обозрение» под названием «Сибирские сборники». Они выходили последовательно сначала в Петербурге, с 1886 г., а уже с 1888 г. – в Иркутске, по сути, являя собой начало журнальной прессы в Сибири. В итоге за все время бытования этих приложений вышло сорок восемь книжек, практически в полном комплекте находящихся в фондах РНБ и Научной библиотеки Томского государственного университета, просмотренные нами фронтально, в результате чего сделана опись, готовящаяся к публикации.

Их предтечей и моделью стала газета «Восточное обозрение», основанная Н.М. Ядринцевым и выходившая с 1881 г. в Петербурге. Уже в самом ее названии очевидна заданная масштабность географических границ обозреваемого региона: Сибирь, страны Северо-Восточной Азии – Монголия, Китай, Корея, Япония. На страницах газеты главный ее редактор выступал под различными псевдонимами как автор передовых ста-

тей, очерков, фельетонов, литературно-критических и мемуарных публикаций, стихотворений. В этом издании было напечатано и самое большое число его статей по «переселенческому вопросу» [14]. В приложениях же к газете уже освещались не только современные актуальные для общества вопросы, но и история региона, собирались разнообразные сведения о сибирском крае, пропагандировались и активно продвигались местные литературные силы. В итоге «Сибирский сборник» стал первой попыткой полного всестороннего осмысления Сибири в формате универсального издания.

С 1888 г. «Восточное обозрение» вместе с его приложением перебазируется в Иркутск. За это время произойдет и смена редакторов. В разное время этими изданиями руководили Д.А. Клеменц, А.Н. Ушаков, В.А. Ошурков, И.Г. Шешунов. После смерти Н.М. Ядринцева в 1894 г. постоянным редактором обоих изданий становится бывший ссыльный, народоволец И.И. Попов. Еще одним существенным аспектом по модификации вида сборника стало то, что с переездом в Иркутск в его подзаголовке снимается важное уточнение – «*научно-литературное периодическое издание*» – что было принципиально для акцентировки статуса и жанрово-видовой составляющей сборников петербургского периода. Вероятно, это было связано с пониманием Ядринцевым того, что в сибирском контексте такой вид сборника вряд ли реализуем как по причине отсутствия больших литературных сил, так и из-за слабости технического оснащения в далеком регионе.

При всем этом важно учитывать, что в отдаленном положении Сибири имелись и положительные стороны для развития книгопечатания. Так, многие исследователи отмечают, что сибирскому книгоизданию приходилось опираться, прежде всего, на собственные силы, поэтому, с одной стороны, оно было более скованно в своих возможностях и в б*о*льшей степени, чем в губерниях европейской России, направлялось на решение внутренних региональных задач. Но, с другой стороны, эта же оторванность от центра, его административного и духовного диктата придавала сибирским изданиям определенную самостоятельность и целеустремленность так как сибирская печать и книгоиздание более остро осознавали свою роль в отстаивании экономической и культурной самостоятельности края, его развитии и социальном переустройстве, чем в других районах России [5, с. 258–259].

В итоге к концу XIX в. в Сибири уже была подготовлена реальная почва для формирования местного книгоиздания как закономерной, необходимой системы в структуре экономики и культуры. Связано это было, прежде всего, с появлением местных губернских ведомостей, памятны-

ми книжками и адрес-календарями отдельных сибирских губерний, путеводителями по городам и другими изданиями. Сама редакционно-издательская модель «Сибирского сборника» Ядринцева была направлена на создание такого научно-художественного сибирского издания, которое отражало бы значительные вопросы жизни региона, и было интересно широкому кругу образованных читателей, не уступая по качеству публикуемых материалов европейским изданиям.

Действительно, книжное дело Сибири в последней трети XIX в. развивалось по схеме эволюции российского книгоиздания, хотя и с определенным отставанием в техническом плане, а также в плане складывания устойчивых издательских форм и моделей. Такая же ситуация обнаруживалась и с развитием местной литературы, периодических изданий. Если помнить, что сибирские областники стали выразителями сибирского самосознания и региональной идентичности, то показательно, как Ядринцев в своих письмах к Г.Н. Потанину отмечает характерную общую тенденцию времени – тяготение к столичному образцу – которая, по его убеждению, может быть как продуктивной, так и крайне нежелательной для развивающейся сибирской культуры.

Главной проблемой ему видится отсутствие концептуальности региональной издательской политики. Рассуждая о положении провинциального редактора, он отмечает, что «едва ли вы найдете хоть одного редактора в провинции с цельными убеждениями, который бы вам именно сказал, чего он хочет. Он всего хочет. Выясненная цель издания – самая главная вещь; что хочет провинциальная печать, она прежде всего должна себя спросить. Мало того – сказать: “мы хотим печатать”. Тогда только заботиться и посвятить себя проведению полезных идей в общество, заняться его воспитанием <...>, имея главную цель вкусам публики льстить всего меньше, имея ввиду направление» [6, с. 218]. Сам же Ядринцев, идеолог областной сепаратистской доктрины, как редактор и издатель во многом ее преодолел. И немалую роль в этом сыграла диалогическая ситуация центра и периферии, отразившаяся в топографической и содержательной специфике его изданий.

В настоящее время материал, который мы исследуем, несомненно, требует пересмотра в русле новых концепций в области методологии познания, если учесть, что в современной науке все большую роль начинает играть сближение разных подходов, стирание жестких границ между философией, культурологией, историей и филологией, историей и теорией литературы. В связи с этим описание и анализ «Сибирского сборника» видится в аспекте одной из самых актуальных и востребован-

ных на сегодняшний день категории культурного трансфера, относительно нового исследовательского аспекта, получившего в последние годы достаточно широкое развитие в области гуманитарных наук. Показательно, что этот концепт зародился в проблемном поле исследований по культуре и межкультурным взаимодействиям, поэтому данный процесс присутствует практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Применим он и к литературно-издательской деятельности, так как может осуществляться на нескольких уровнях – авторском, книгоиздательском, на уровне складывания книжных форм и т. п.

Показательно, что в первые годы своего существования содержательный и концептуальный аспект изданий Ядринцева выстраивался на системе оппозиций, определяющих статус русско-европейской и сибирской культур и литератур, если учесть, что изначально они создавались в Петербурге и только через несколько лет стали выходить в Иркутске. По точному наблюдению Б.Ф. Чмыхало, сам по себе феномен издания газеты «Восточное обозрение» и его научно-литературных приложений в Петербурге и Иркутске экстерриториально представлял определенный парадокс регионализма и значительную трудность для историко-литературного истолкования [9]. Но этот факт обнаружил и явную ситуацию культурного трансфера, позволившей сохранить продуктивный диалог литературы Центра и сибирского региона.

Подобная ситуация привела на рубеже XIX–XX вв. также к смене издательских тактик и стратегий, заданных Ядринцевым при формировании «Сибирского сборника», что уже напрямую было связано со становлением сибирской литературы и журналистики, развивающихся на фоне все большего внедрения в жизнь областнической концепции. Крайне актуальными в ситуации межкультурного диалога периферии и центра представляются такие стратегии Ядринцева, которые помогли создать развитую сеть корреспондентов по всей стране, провести в жизнь его идеи относительно приоритета местной тематики в провинциальной журналистике, сделать основополагающей целью «Сибирского сборника» консолидацию интеллигенции края, формирование профессиональных публицистов и писателей. В подготовке материалов для его издания принимало участие около двухсот сотрудников: писателей, журналистов, ученых, в первую очередь, этнографов, историков, археологов. Среди них были и столичные культурные деятели, и коренные сибиряки, и жители других мест, и приезжие, и политические ссыльные.

Необходимо помнить, что в «Сибирском сборнике», на протяжении почти двадцати лет его существования в Петербурге и Иркутске, печата-

лись тексты самой разной направленности: от экономических, географических, статистических и этнографических до собственно художественных, большей частью связанных с жизнью края. На страницах сборника печатались многие известные и начинающие сибирские авторы, проживающие как в Сибири, так и в столицах. Но, пожалуй, наиболее яркими были публикации самого Ядринцева, совмещающего в себе функции издателя и редактора, литературного критика и журналиста, литератора и этнографа. Его многообразные творческие псевдонимы – «Благожелатель», «Восточный поэт», «Добродушный Сибиряк», «Овидий с Томи», «Семилуженский», «Сибирский патриот», «Старый странник», «Странствующий корреспондент», «Фельетонист», «Чалдон» и др. – создавали более чем показательную диалогическую позицию по отношению к читателю-реципиенту.

В этом плане характерно как И.И. Попов, последний издатель газеты «Восточное обозрение» и ее приложений, в письме Ядринцеву из Иркутска в Петербург от 7 февраля 1894 г., высказывает ряд сомнений по поводу наличия у себя подобных редакторских талантов: «Стать немедленно Вашим соиздателем по Вос[точному] Об[озрению], связать с ним свою жизнь, всецело отдаться работе в нем, я, сразу не испытавши своих сил, не считаю возможным. У меня есть все: и любовь, и желание послужить известной, дорогой нам обоим, идее, но ведь одного издания в таком серьезном деле мало, нужна еще редакторская сноровка, нужно уменье поднять газету на известную высоту и удержаться на ней, нужно самому оказаться талантливым и умелым работником – но есть ли все это во мне, сумею ли выполнить принимаемую задачу, окажусь ли на высоте призвания – этого я еще пока не знаю. Согласитесь сами, уважаемый Николай Михайлович, становиться соиздателем Вашим при такой неуверенности в собственных силах и при отсутствии всякой редакторской практики, было бы безрассудно с моей стороны и одинаково нежелательно и для Вас, и для меня лично. Мне хочется испытать прежде, в течение года хотя бы, свои силы, как редактора, прежде чем я войду в соиздательство» (Подчеркивания – *И. П.*) [1, л. 7].

Как видим, общая проблематика, задающаяся самой концепцией «Сибирского сборника», вела к выработке стратегий межкультурного диалога, нарастающим взаимодействием культурных импульсов столицы и Сибири и его отражению в параллельно развивающихся литературно-культурных потоках: русско-европейском и сибирском. В итоге его главная идея была направлена на соединение в одном издании разнородного материала с целью всеохватного описания жизни Сибири.

Таким образом, можно утверждать, что данный издательский проект, созданный Ядринцевым, стал более чем актуальной и мощной региональной рефлексией рубежа XIX–XX вв., с попыткой осмысления положения дел в далеком регионе в рамках его истории и современного состояния, обозначением дальнейшего пути развития сибирского края. В то же время «Сибирский сборник» послужил своеобразным диалогическим пространством для русско-европейского и сибирского читателя, так называемым «пунктом обмена» информацией. И если учесть, что сибирское областничество всегда определялось исследователями как часть исторического процесса конструирования сибирской цивилизационной и региональной идентичности, то такого рода издательские инициативы его лидеров, несомненно, способствовали этому развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Н.М. Ядринцева в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета. Ф. 3. Ед. хр. 140.
2. Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб., 2004.
3. Замятин Д.Н. Социокультурное развитие Сибири и его образно-географические контексты // Проблемы сибирской ментальности. СПб., 2004.
4. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
5. Об этом: Книга в России. 1881—1895 гг. / под ред. И.И. Фроловой. СПб., 1997.
6. Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Вып. 1. Красноярск, 1918.
7. Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛО, 2007.
8. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008.
9. Чмыхало Б.Ф. Региональные проблемы истории русской литературы: автореф. дисс. … д-ра филол. н. Екатеринбург, 1993.
10. Bassin, M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the early 19th Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96, 763–794.
11. Etkind, Al. Internal Colonization: Russia’s Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011.
12. Said, Edward. Orientialism. New York: Vintage Books, 1979.
13. Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона: дис. … д-ра ист. н. Екатеринбург,2000.http://www.dissercat.com/content/avstriiskaya-filosofiya-kak-samosoznanie-kulturnogo-regiona (дата обращения 10.03.2014)

TRANSLIT

1. Arkhiv N.M. Yadrintseva v Otdele redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. F. 3. Ed. khr. 140.
2. Emel'yanova T.N. Oblastnichestvo N.M. Yadrintseva kak filosofiya rossiyskoy deystvitel'nosti. SPb., 2004.
3. Zamyatin D.N. Sotsiokul'turnoe razvitie Sibiri i ego obrazno-geograficheskie konteksty // Problemy sibirskoy mental'nosti. SPb., 2004.
4. Kaganskiy V.L. Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo. M., 2001.
5. Ob etom: Kniga v Rossii. 1881–1895 gg. / pod red. I.I. Frolovoy. SPb., 1997.
6. Pis'ma N. M. Yadrintseva k G. N. Potaninu. Vyp. 1. Krasnoyarsk, 1918.
7. Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii. M.: NLO, 2007.

8. Slezkine Yu. Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa. M.: NLO, 2008.
9. Chmykhalo B.F. Regional'nye problemy istorii russkoy literatury: avtoref. diss. … d-ra filol. n. Ekaterinburg, 1993.
10. Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the early 19th Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96, 763–794.
11. Etkind Al. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011.
12. Said E. Orientialism. New York: Vintage Books, 1979.
13. Cherepanova E.S. Avstriyskaya filosofiya kak samosoznanie kul'turnogo regiona: dis. … d-ra ist. n. Ekaterinburg, 2000. http://www.dissercat.com/content/avstriiskaya-filosofiya-kak-samosoznanie-kulturnogo-regiona (data obrashcheniya 10.03.2014)

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: А.В. Головинов. С.120-124

А.В. ГОЛОВИНОВ

кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный университет

Г.Н. ПОТАНИН И Н.М. ЯДРИНЦЕВ О КОРРУПЦИИ

В настоящей публикации реконструируются политико-правовые взгляды основоположников сибирского областничества на проблемы борьбы с коррупцией. Автором установлено, что сибирские мыслители вовсе не были сторонниками утопического полного искоренения коррупции, а рассматривали, прежде всего, ликвидацию ее крайне массовых проявлений. Поэтому в своем идейном политико-правовом наследии областники предполагали только комплексные меры с учетом первопричин коррупции в среде региональной власти.
Ключевые слова: областничество, идеология, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, регионализм, коррупция, Сибирь.

A.V. GOLOVINOV

Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor
Altai State University

G.N. POTANIN AND N.M. YADRINTSEV OF CORRUPTION

This publication reconstructs the political and legal views of the founders of the Siberian regionalism on problems of struggle against corruption. The author found that Siberian thinkers were not supporters of utopian total eradication of corruption, but looked for, first of all, the elimination of extreme mass manifestations. Therefore, in theirs ideological political and legal heritage oblastniki assumed only comprehensive measures, taking into account the root causes of corruption among regional authorities.
Keywords: regionalism, ideology, GN Potanin, NM Yadrintsev, regionalism, corruption, Siberia.

Как известно в 2015 г. исполнилось 180 лет со дня рождения идеолога и основоположника движения сибирских областников Г.Н. Потанина. По прошествии почти двух столетий интеллектуальное наследие «патриарха свободной Сибири» не только не утратило своей актуальности и концептуальной эвристичности, но и стало предметом массы совершенно новых научных направлений. На сегодняшний день имя и творчество Потанина

остается уже не только предметом исторических изысканий, но и прочно вписывается в философскую, социологическую, культурологическую, политологическую и даже юридическую науку. Усилиями петербургских и сибирских ученых не утихает философская дискуссия о природе и сущности идей основоположников сибирского регионализма, последовательно инициирующая открытие доселе неизведанных рубежей идейного мира Потанина и его соратника Н.М. Ядринцева. Одной из таких исследовательских лакун до сих пор остаются политико-правовые взгляды идеологов областничества на столь актуальные для нашего отечества вопросы противодействия коррупции. А ведь именно политико-правовая мысль, накопившая и вобравшая вопросы раскрытия природы, причин, последствий и способов предупреждения коррупции, позволит вовлечь в реальную практику и ретроспективный анализ положений политико-правовых доктрин.

В известной мере, сибирское областничество благодаря самозабвенному служению идеи децентрализации зачастую воспринималась как сепаратистская общественная группировка. Поэтому вполне очевидно, в своей оппозиционности имперскому гипертрофированному типу русского государства областники неоднократно обличали региональное чиновничество в тотальной коррупции. Более того, идеологи областничества Потанин и Ядринцев одни из первых в свое время обратили внимание на фактор роста коррупции в связи с растущим числом бюрократии. В буквальном смысле слова, формула, предлагаемая областниками, весьма проста: чем больше чиновничье-бюрократического аппарата, тем больше взяточничества, казнокрадства и всего сопутствующего феномену коррупции.

Справедливости ради заметим, что специально и отдельно проблему коррупции областники не рассматривали. Да и сам термин «коррупция» ими не использовался, однако вопросы искоренения «громадного взяточничества» (по терминологии самих областников) есть неотъемлемая часть их политико-правового наследия. А вот детально разрабатывая концепцию управления сибирскими губерниями, идеологи сибирской провинции неизбежно затронули тему коррупогенности местной бюрократии. Среди глубинных причин такого состояния дел Ядринцев выделял убежденность в том, что сибирский регион уже сам по себе есть хорошее средство для обогащения. «Взгляд на край, как на место наживы, – писал лидер областничества, – был твердо усвоен сверху донизу. Сибирь не имела и тени гражданского полноправия и потому славилась громадным взяточничеством. Строгие указы против грабителей

посылались сюда постоянно, воевод часто сменяли, отдавали под суд, иногда даже били кнутом, но все это не помогало делу» [2, с. 302].

Авторитетность и ценность таким суждениям придавало то, что сам Ядринцев долгое время работал чиновником в Главном Управлении Западной Сибири. Поэтому вполне мог судить о проблеме с профессиональной точки зрения. Можно с уверенность констатировать, что именно «непосредственное включение» в проблему, позволило сибирскому патриоту заметить отсутствие в Сибири контроля над чиновниками, а также нехватку собственно компетентных государственных служащих. Так, высшее чиновничество вообще формировалось людьми, которые стремились лишь нажиться на службе в Сибири, низшие слои бюрократии заполнялись людьми невежественными и необразованными.

Вся история Сибири с точки зрения областников покрыта страшными насилиями и коррупционными злодействами царской бюрократии. Так, обращаясь к истории вопроса, Ядринцев в своем монументальном труде «Сибирь как колония» писал: «Начиная с уже Петра I, наказания взяточников-правителей усилились: их ссылали на каторгу, им вырывали ноздри, били кнутом, рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что до мозга костей проникло в нравы».

«Взяточничество, – продолжал областник, – и после петровской реформы осталось таким же, каким было и до нее, взяточничество и побор охватывали в XVIII ст. в Сибири всех лиц, все учреждения с высшего до низшего, все судебные и административные должности. Брали все, начиная с губернатора и кончая канцеляристом; брали всем, что имел обыватель» [2, с. 304].

К массе причин, которые обостряли коррупогенный фактор, классики областничества относили практически безграничность властных полномочий местного чиновничества. Всевластие не только обостряло, но и подталкивало региональную власть к взяточничеству и поборам. «Произвольные конфискации имущества, – отмечали регионалисты, – заточение и казни личностей, имущество которых хотел приобрести чиновник, были в полном ходу». «Нигде самовластие, – с сожалением замечал Ядринцев, – не достигало таких размеров, нигде правители не являлись такими всемогущими, как в Сибири. <…> Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью». [2, с. 305].

Надо полагать, концентрация властных ресурсов в руках регионального чиновничества являлась по справедливым умозаключениям областников следствием чрезмерной централизации в управлении государством и обществом. С их точки зрения для преодоления взяточничества и лихо-

имства в условиях царской России необходимо было признать, что причины злоупотреблений лежали не столько в людях, сколько в системе, а потому злоба и преследование тут не помогут. На этот счет очень ретроспективно выглядят идеи Ядринцева, о том, что усиление власти и предоставление ей значительных полномочий поселило произвол, а уменьшение власти и подчинение хода дел отдаленным высшим инстанциям рождало замедление и неудобства для края. Централизация приводила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти начальникам на месте – к другим.

Поэтому немецкая система бюрократического централизма самым активным образом воплощающаяся в управлении сибирским регионом выступает первопричиной растущей бюрократизации, сопровождающейся злоупотреблениями коррупционного характера. Надо сказать, что с 2000-х гг. эта проблема также актуализировалась в связи укреплением вертикали власти. Причем химера централизации и в прошлом и настоящем России касается всех этажей и ветвей власти. «Как в административных, – писал на этот счет Н.М. Ядринцев, – так и в судебных учреждениях губернии целиком сохранились прежняя централизация, смешение власти, неравномерность в распределении труда и бедность его вознаграждения. Судебные учреждения страдают скоплением дел в судах первой степени, так что дела лежат по пяти и шести лет без движения; судебная деятельность полиции характеризуется тем фактом, что из ста семидесяти одного уголовного дела, представленного на утверждение начальника, отменено в 1872 году – 100» [2, с. 308].

Между тем, наряду с рассмотрением глубоководных причин коррупционной болезни власти мыслители-областники включали в орбиту решения искомой проблемы более конкретные и практические задачи. Так, невежество и недостаток образования воспринимался ими как сопутствующий фактор коррупции. В след за своим идейным вдохновителем М.А. Бакуниным они признавали выборный принцип при формировании местной бюрократии и распределения полномочий с учетом образования [1, с. 302]. Даже те не многие высокообразованные чиновники, которые приезжали в Сибирь не спасали положения дел. Так, деятели-областники отмечали: «Являвшиеся на службу образованные люди точно так же не могли дать прочного развития обществу, так как они приезжали на время и далеко не сливались с обществом, не составляли ничего с ним единого. В силу этого недостатка людей самые лучшие администраторы оставались одинокими и бессильными в борьбе с сибирскими беспорядками» [2, с. 55].

В целом, сибирские мыслители вовсе не были сторонниками утопического полного искоренения коррупции, а рассматривали, прежде всего, ликвидацию ее крайне массовых проявлений. Поэтому в своем идейном политико-правовом наследии областники предполагали только комплексные меры с учетом первопричин коррупции в среде региональной власти. Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что к такому комплексу они относили: минимизацию бюрократизации, уменьшение централизации в управлении, высокую образованность чиновничьего контингента и построение системы государственного управления на демократических принципах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Должиков В.А. М.А. Бакунин о традиционной коррупции в России // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. Материалы всероссийской научно-практической конференции / под ред. Я.Ю. Шашковой, Е.В. Притчиной. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012.
2. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. доп. и испр., иллюстрированное 16-ю сибирскими видами и типами. СПб., 1892.

TRANSLIT

1. Dolzhikov V.A. M.A. Bakunin about traditional corruption in Russia // Russian political process in the regional dimension: History, Theory, Practice. Proceedings of the scientific-practical conference / ed. Ya.Yu. Shashkovoy, E.V. Pritchin. Barnaul: Altai State University Publishing House, 2012.
2. Yadrintsev N.M. Siberia as a colony in the geographical, ethnographical, graphically and historically. 2nd ed. ext. and corr., illyustrirovannoe 16th Siberian species and types. SPb., 1892.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: Е.В. Ивановская С. 125-128

Е.В. ИВАНОВСКАЯ

Кандидат исторических наук, главный библиотекарь
Томский государственный университет

А.В. БУРДУКОВ – МОНГОЛЬСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ Г.Н. ПОТАНИНА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА Г.Н. ПОТАНИНА, ХРАНЯЩЕГОСЯ В НБ ТГУ)

Статья посвящена деловой переписке Григория Николаевича Потанина (1835–1920) с Алексеем Васильевичем Бурдуковым. В ней освещались разные темы от общественной и политической обстановки в Монголии до вопросов выявления, записи фольклорного материала, сказок, сбор и печатание этнографического материала. Статья написана на основе источников, хранящихся в Научной библиотеке Томского государственного университета.
Ключевые слова: Потанин, Бурдуков, переписка, фольклор.

E.V. IVANOVSKAYA

PhD, Chief Librarian
Tomsk State University

A.V. BURDUKOV – MONGOLIAN CORRESPONDENT OF G.N. POTANIN (ON MATERIAL OF G.N. POTANIN'S ARCHIVES, THAT ARE IN THE NATIONAL LIBRARY OF TSU)

The article is devoted to business correspondence Grigory Potanin (1835-1920) with Alexei Vasilievich Burdukov. It covered various topics from the social and political situation in Mongolia to on the identification, recording folklore material, fairy tales, collection and printing of ethnographic material. This article was written based on sources that are stored in the Scientific Library of Tomsk State University.
Keywords: Potanin, Burdukov, correspondence, folklore.

Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) – известный путешественник и собиратель устного народного творчества, большую часть своей жизни посвятил собиранию фольклора: монгольских и казахских сказок. В 1898 г. в одной из своих статей он написал, что необходимо собирать устное народное творчество, так как в условиях современности оно исчезает [3, с. 243]. Выход из сложившейся ситуации Григорий Николаевич видел в привлечении молодежи к сбору фольклористического материала среди жи-

телей деревень и сел. Он считал, что научные экспедиции не смогут собрать того, что соберет местный житель, «живущий года бок о бок с населением, сжившийся с ним и пользующийся у них доверием» [3, с. 245].

Благодаря Потанину, многие молодые люди из сибирской интеллигенции увлеклись историей своего края, начали изучать и собирать различные этнографические материалы. Между молодыми исследователями и Григорием Николаевичем возник творческий союз, где первые производили сбор и запись необходимой информации, а второй – обрабатывал ее, делал примечания, находил средства для издания собранного материала. В его адрес поступало большое количество писем этнографического содержания, от фольклористов, общественных деятелей, местной сибирской интеллигенции. Григорий Николаевич направлял их собирательскую деятельность, способствовал продвижению их работ в печать и т. д.

Среди многочисленных корреспондентов Потанина можно выделить Алексея Васильевича Бурдукова (1883–1943), выходца из крестьянской семьи. Волею судьбы, он оказался в Монголии и прожил в ней девятнадцать лет. В феврале 1895 г., за неимением средств к существованию, его мать отдала сына в услужение к купцу Я.Е. Мокину. Сначала Алексей Васильевич жил на заимке Мокина в Бийском уезде, а затем с партией скотогонов попал в Монголию на заимку, находившуюся на реке Хангельцик. Он прошел путь от «мальчика на побегушках» до доверенного фирмы [1, с. 8]. Постоянно находясь среди монголов, Бурдуков быстро научился разговаривать на их языке и завоевал доверие и симпатии местного населения. Монголы часто приезжали к нему не только за товаром, но и просто любили поговорить с ним о новостях, поделиться бедой или радостью, пригласить на свадьбу и т. д. Часто бывая в юртах аратов и ставках князей, Алексей Васильевич стремился приобщиться к духовной культуре монголов. Ему захотелось серьезно заняться изучением их жизни, быта и нравов, их истории и культуры. Он чувствовал необходимость в советах образованных людей, так как ощущал недостаток собственного образования [1, с. 9]. В 1909 г. Будруков, через секретаря российского консульства в Улясутае Э.Л. Беренса, узнал, что Монголию изучают в Петербургском университете и что там есть профессор В.Л. Котвич – человек добрый и отзывчивый [1, с. 9, 298]. Ему то он и написал 8 декабря 1909 г. письмо, на которое очень быстро получил ответ (через 22 дня). Между ними завязалась многолетняя переписка, сыгравшая большую роль в его судьбе. С этого времени Бурдуков занялся самообразованием – читал книги, журналы и газеты, которые выписывал из России. Под руководством В.Л. Котвича,

Бурдуков стал собирать образцы устного народного творчества, литературные произведения, стал вести записи наблюдений жизни монголов, их быта и нравов, вел путевые дневники во время своих многочисленных поездок по Монголии. В 1911 г. на р. Хангельцик приехал ученик В.Л. Котвича, магистрант восточного отделения Петербургского университета Б.Я. Владимирцов, который лично познакомился с Бурдуковым. Между ними завязались долгие и продолжительные дружеские отношения. В течение многих лет они поддерживали переписку [1, с. 11].

Благодаря этому знакомству Бурдуков в 1912 г. заочно познакомился с Потаниным, с которым в течение семи лет вел переписку. В конце 1911 г. Потанин приезжал в Петербург и встречался с Б.Я. Владимирцевым, который рассказал известному путешественнику о Бурдукове, о его желании работать и даже писать заметки в «Сибирскую жизнь». Григорий Николаевич был рад такому известию и обещал обязательно завязать переписку с Алексеем Васильевичем. С этой целью он взял у Владимирцова его адрес [1, с. 330]. Личное же знакомство Бурдукова и Потанина произошло где-то в январе 1915 г., когда Бурдуков по дороге из Иркутска в Бийск заезжал специально в Томск, чтобы познакомиться с Потаниным лично [1, с. 133]. Григорий Николаевич встретил его особенно тепло, как старого знакомого. Об этой встрече Бурдуков написал так: «В беседе с этим дряхлым, плохо слышащим и видящим, маленьким, сухоньким 80-летним старичком с шалью на плечах (в январские холода в квартире было прохладно) поражали удивительная память и интерес к Монголии. Он в мельчайших подробностях вспоминал те места, где бывал 40 лет назад. Его интересовало все. Он просил передать моей жене, собиравшей в Монголии ботанический материал, чтобы она разыскала какие-то кустарниковые растения около озера Хиргис-Нур. Меня просил собрать легенды об ушастых людях, о культе огня и т.д. Все, о чем говорилось, он переживал так живо, что, казалось, готов еще раз поехать в Монголию, несмотря на свой возраст. Я рассказал ему о своих планах, о том, что хотел бы свою работу связать с изучением Монголии. Все это он горячо одобрял, обещая во всех добрых начинаниях, как он говорил, оказать всяческое содействие и поддержку» [1, с. 134–135].

Потанин сдержал свое слово, так как впоследствии размещал материал, присланный Будруковым в газете «Сибирская жизнь». В ней Алексей Васильевич печатался под псевдонимом А. Чуец. Среди архивных документов Потанина, хранящегося в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, сохранились присылаемые Алексеем Васильевичем различные материалы

этнографического и исторического содержания. В архиве есть два дела (№ 45 и 138). В первом из них помещены статьи: «Богдо хан (геген) монгольский и Россия. Монгольская легенда», «Еще об Урянхайском крае. 1912 г. 31 мая р. Хангельцик С.-З. Монголия», «Урянхайский край. 1912 г. 8 мая р. Хангельцик С.-З. Монголия», «Китай и Монголияя. 1912 г. 28 мая р. Хангельцик С.-З. Монголия» и др. [2].

В рукописном архиве Потанина сохранился не только этнографический материал. Среди многочисленных писем от более чем 600 корреспондентов, есть 19 писем Бурдукова за период с 1912 по 1918 гг.: 1 письмо 1912 г.; 4 письма 1913 г.; 5 писем 1916 г.; 7 писем 1917 г. и 2 письма 1918 г. В них освещались разные темы от общественной и политической обстановки в Монголии до вопросов выявления, записи фольклорного материала, сказок, сбора и печатания этнографического материала.

Таким образом, знакомство Потанина с Бурдуковым привело к тому, что собранные Алексеем Васильевичем материалы о жизни русских колонистов в Монголии печатались на страницах сибирской газеты. Тем самым, они становились доступными для широкого круга общественности. Особенную ценность имеет также их переписка, так как в ней освещается общественная и культурная жизнь Монголии, показывается стремление русских, живущих и работающих в этом регионе не один десяток лет, сохранить для потомков культурное наследие монгольского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М., 1969.
2. Научная библиотека Томского государственного университета. Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Д. 45. Р. 2986–2986, 2991–3025.
3. Потанин Г.Н. О необходимости собирания сказок // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7.

TRANSLIT

1. Burdukov A.V. V staroj i novoj Mongolii. Vospominanija. Pis'ma. M., 1969.
2. Nauchnaja biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Arhiv G.N. Potanina. F. 1. D. 45. R. 2986-2986, 2991-3025.
3. Potanin G.N. O neobhodimosti sobiranija skazok // Literaturnoe nasledstvo Sibiri.Novosibirsk, 1986. T. 7.

STUDIA CULTURAE: ВЫП. 1 (27): Symposium: Д.А. Носов. С.129-137

Д.А. НОСОВ

Кандидат филологических наук
Институт восточных рукописей РАН

ПУБЛИКАЦИИ СКАЗОК, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ Г.Н. ПОТАНИНЫМ, КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТОЯНИЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В статье рассматривается важность работ Г.Н. Потанина, содержащих публикации текстов фольклорных произведений монгольских народов для анализа изменений, произошедших в сюжетном составе, поэтике и прагматике устного народного творчества в Центральной Азии и Сибири за последние сто с лишним лет. Автор утверждает, что вне зависимости от выявленных последователями ученого недостатков изданных им текстов, они являются необходимым источником для анализа состояния фольклорной традиции монголов и бурят в конце XIX в.
Ключевые слова: Г.Н. Потанин, Сибирь, Монголия, фольклор, традиция, история науки.

D.A. NOSOV

PhD (in Philology)
Institute of Oriental Manuscripts, RAS (Saint-Petersburg)

FOLKTALES, PUBLISHED BY G.N. POTANIN, AS A SOURCE TO RECONSTRUCT MONGOLIAN FOLK NARRATIVE TRADITION OF THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

The article investigates the importance of publications prepared by G.N. Potanin at the end XIXth century which contain folk texts of Mongolians. They are necessary to underline significant changes which have undergone in the folklore of Central Asia during the last century. The author proclaims that in spite of serious drawbacks, that were found by modern folklorists in Potanin's books, they are still indispensable for studying folklore traditions of Mongols and Buriats of end of XIX century.
Key words: G.N. Potanin, Siberia, Mongolia, folklore, tradition, history of researches.

В современной науке о фольклоре стоит вопрос, о том, как именно происходит процесс угасания традиции исполнения произведений различных жанров. Для полного ответа на него требуются глубокие диахронические исследования, предполагающие сравнительный анализ исполнительской традиции в разные периоды ее существования. Он подразумевает как можно более точную реконструкцию фольклорной традиции на всех этапах существования исследуемых сообществ.

С момента начала изучения устного народного творчества в XIX в. претерпело изменение и само понимание фольклора. В настоящее время он рассматривается не просто как художественное творчество в формах устного слова, входящее в комплекс бытовых явлений [1, с. 8], а как особый социо-коммуникативный процесс [17, с. 15]. Для изучения фольклора становятся важны не только сами тексты, но также все аспекты их исполнения и рецепции.

С каждым новым этапом в развитии понимания фольклора происходит ревизия как теоретических достижений предшественников, так и фактического материала – записанных текстов. Важными источниками становятся дневники собирателей, благодаря которым нередко можно реконструировать акты исполнения произведений.

Инструментом ревизии записей текстов стала особая дисциплина: историко-фольклористическая текстология, начало которой положил В.Я. Пропп (1895–1970) в середине XX в. [14], а разработка ее методологии продолжается до сих пор [4]. Главным достижением этой дисциплины стало формирование у исследователей устойчивого понимания того, что опубликованный или хранящийся в рукописи фольклорный текст всегда является продуктом деятельности как минимум двух человек: сказителя и собирателя [4, с. 6]. В «изобретении» [18] опубликованного текста также нередко принимают участие редактор и составитель сборника.

Важным материалом для развития историко-фольклористической текстологии стали многочисленные тексты произведений устного народного творчества тюркских и монгольских народов, записанные и опубликованные великим русским путешественником, одним из лидеров движения сибирских областников Г.Н. Потаниным (1835–1920). Его многогранная деятельность привлекает исследователей как истории русской мысли в целом, так и теории фольклора.

Причины интереса сибирских областников к кочевым культурам были подробно рассмотрены А.В. Малиновым [6, с. 43–63], а особенности методологии сравнительных исследований фольклора в трудах Г.Н. Потанина – С.Ю. Неклюдовым [7, с. 195–197]. Последний, опираясь

главным образом на работу Потанина по поиску восточных мотивов в средневековом европейском эпосе [12], выявил следующие недостатки его методологии: во-первых, Потанин считал, что многочисленные сходства между фольклором и средневековой литературой Востока и Запада объясняются их общим происхождением [7, с. 195]; во-вторых, используемая им методология сравнительного исследования носит хаотический, бессистемный характер; в-третьих, Потанин рассматривал весь Евразийский континент как ареал бытования так называемого «степного предания», по отношению к которому «едва ли не весь фольклор от Тихого до Атлантического океана предстает лишь калейдоскопом вариантов и их редакций» [7, с. 196]; в-четвертых, исследователь оперирует не целыми произведениями, а лишь их элементами; в-пятых, Потанин публикует не оригинальные тексты, а их пересказы, «точно придерживаясь сюжета и передачи имен, но часто пренебрегая всем прочим» [7, с. 197].

Последний пункт позволил некоторым исследователям фольклора тюркских и монгольских народов игнорировать публикации и записи, подготовленные Потаниным. Но объем зафиксированного путешественником материала в тот период, когда исследования народной культуры в Центральной Азии только начинались, требует самого пристального внимания к его наследию.

Господствовавший на протяжении почти всего XIX в. в сравнительных фольклористике и литературоведении индо-арийский мифологический подход рассматривал монголов лишь как «посредников» в процессе распространения буддизма [7, с. 194]. Это определило интерес исследователей-монголистов данного периода, прежде всего, к литературным сборникам сказок индийского происхождения, широко бытовавшим в Монголии. Работы Потанина и его коллег разрушили это представление. Фактически, он открыл для русской и, шире, европейской науки богатые фольклорные традиции монгольских и тюркских народов Центральной Азии и Сибири. Публикации и записи путешественника являются одним из наиболее ранних свидетельств бытования этих традиций, что требует особого внимания к его наследию, несмотря на все отмеченные современными фольклористами недостатки.

Среди подготовленных Потаниным публикаций фольклорных текстов четыре привлекают особое внимание монголистов. Это второй и четвертый выпуски «Очерков Северо-Западной Монголии» [9, 10], второй том издания «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» [11], а также сказки, опубликованные в тринадцатом выпуске «Записок Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского гео-

графического общества» [13]. Первое издание содержит записи, выполненные во время путешествия по Северо-Западу Монголии в 1876–1877 гг., второе – результаты поездки по тому же региону в 1879 г., а третье знакомит читателя с фольклором, который встретился ученому в Центральной Монголии и Тибете.

Установить точное число текстов и пересказов произведений устного народного творчества, опубликованных Потаниным, оказалось не самой простой задачей. Согласно оглавлению второго выпуска «Очерков Северо-Западной Монголии» [9], в главе V «Сказки и легенды» [9, с. 146–181] содержатся 35 текстов. Но на деле выясняется, что некоторые тексты могут быть разделены на несколько буквенных подпунктов. Например, пункт 5, названный «Эсэкэн-батыр», содержит шесть подпунктов. Под ними скрыты три казахских, два дербетских[1] и одно предположительно халха-монгольское[2] историческое предание. Каждый текст является ценным источником для реконструкции народных представлений об истории у каждой из упомянутых этнических групп. Более того, поскольку каждый из подпунктов представляет собой фактический пересказ беседы с конкретным информантом, он также может включать в себя упоминания о нескольких произведениях. Так, подпункт «5. Эсэкэн-батыр. г.» [9, с. 150] содержит два связанных между собой текста: дербетское историческое предание, в которое встроена так называемая триада (монг.: *ёртөнцийн гурав*) – особый монгольский жанр афористической поэзии.

Что касается жанрового состава записанных и опубликованных Потаниным текстов, то он включает в себя отнюдь не только сказки и легенды, о которых исследователь упоминает в названии своих работ. Во втором выпуске «Очерков Северо-Западной Монголии» представлены пересказы героических эпопей, волшебных и богатырских сказок, сказок о животных, этиологических рассказов, исторических преданий, поверий, а также смешанные тексты, аналогичные описанному выше.

Столь же разнообразен и этнический состав информантов, от которых ученый записывал опубликованные впоследствии тексты. С ним охотно общались представители монголоязычных народов, а также казахов, тувинцев и тибетцев. Около половины произведений, опубликованных во втором выпуске «Очерков Северо-Западной Монголии» [9] записано не

[1] Дербеты – монголоязычная этническая группа, проживающая в Убсунурском и Кобдосском аймаках современной Монголии.

[2] Халха-монголы – основная монголоязычная этническая группа, населяющая современную Монголию.

от монголов, а от «киргизов», под которым исследователь имел в виду казахов, компактно проживающих в Монголии и по сей день.

Второй особенностью изданий Потанина, с которой исследователь сталкивается при подсчете количества входящих в них текстов, является то, что далеко не все сказки, легенды и предания включены в соответствующие главы книг. При подготовке критического издания произведений казахского фольклора из собрания ученого фольклористы отметили наличие текстов в тех главах его работ, которые посвящены вопросам этнографии. В главе IV «Названия пальцев, небесных явлений, животных и растений и поверья о них» второго выпуска «Очерков Северо-Западной Монголии» [9, с. 121–145] им удалось обнаружить одну космогоническую легенду [5, с. 54] и две записи казахских преданий [5, с. 59–60]. Следуя их примеру, я также отметил в этой главе одну тувинскую космогоническую легенду, один монгольский этиологический рассказ и две записи монгольских поверий.

Не только этнографические главы работ Потанина изобилуют фольклорными текстами. Будучи последовательным ученым, он снабдил множество приведенных сюжетов обширными комментариями, в которых также встречаются упоминания или пересказы целых произведений. Например, в примечаниях к V главе все того же второго выпуска «Очерков Северо-Западной Монголии» [9, Примечания с. 32–60] путешественник привел один казахский этиологический рассказ [5, с. 294] и упомянул об одном из вариантов распространенного бурятского этиологического сюжета.

Главной задачей составленных Потаниным примечаний к пересказам произведений устного народного творчества было выявление как можно большего числа сходных сюжетов и мотивов. Для этого он принимал активное участие в подготовке к изданию работ членов Русского Географического Общества, содержавших материалы по фольклору Центральной Азии и Сибири. Им были подготовлены пояснения практически ко всем текстам, опубликованным в сборнике сказок, записанных известным просветителем М.Н. Хангаловым (1858–1918) в основном у балаганских бурят[1] [2, с. 143–155]. Эта работа познакомила фольклористов России, а затем и всего мира с обширным и своеобразным миром сказки и эпоса бурят.

[1] Балаганские буряты - этнотерриториальная группа бурятского народа, проживающая на территории современной Иркутской области РФ.

Во многом благодаря эрудиции Потанина были заложены основы для составления каталогов сказочных сюжетов, ставших уже к концу жизни ученого основным направлением деятельности исследователей сказки. Несмотря на отсутствие оригинальных текстов на языках народов, населявших северо-запад Монголии, далеко не все позднейшие исследователи устного народного творчества этого региона игнорировали публикации Потанина. Ими активно пользовался венгерский монголовед Л. Лёринц, подготовивший в 1970-е гг. каталог сказочных сюжетов монголов, бурят и калмыков [19]. Источниками значительного количества выделенных в данной работе сюжетных типов послужили пересказы Потанина. Только во втором выпуске «Очерков Северо-Западной Монголии» [9] им было обнаружено три уникальных сюжета волшебных и богатырских сказок. При этом минимум 7 монгольских и бурятских текстов из упомянутого издания, которые можно отнести к сказкам различных разновидностей, остались неучтенными в каталоге Лёринца. Для четвертого выпуска «Очерков Северо-Западной Монголии» [10] доля использованных в упомянутой работе текстов еще меньше.

Значительное влияние публикации Потанина оказали и на самих монголов, в том числе изучающих устное творчество своего народа. Выполненные им пересказы использовались как источники при составлении общего академического свода монгольских сказок [15, с. 330], и продолжают использоваться в подготовке собраний фольклора отдельных этнических групп, например, торгутов[1] [16, с. 459].

Использование текстов из публикаций Г.Н. Потанина в подобных изданиях подчеркивает их значимость для самих носителей культуры и ставит принципиальный вопрос о возможности реконструкции первоначальной языковой формы рассматриваемых произведений. Как показал опыт казахских и монгольских фольклористов, проводивших в 1970-е – 1980-е гг. историко-фольклористические текстологические исследования, проще всего произвести обратный перевод с русского пересказа на современные казахский и монгольский языки. Отсутствие у Потанина достаточных знаний в области фонетики и фонетической транскрипции значительно осложняют прочтение тех мест, которые он пытался зафиксировать на языке оригинала. Тем не менее, это не является существенным недостатком записей с точки зрения фольклористики. Дело в том, что собиратель-лингвист (а особенно не носитель языка), старав-

[1] Торгуты – монголоязычная этническая группа, проживающая в Кобдосском аймаке.

шийся максимально точно зафиксировать звучание текста, вынужден был просить исполнителя рассказывать медленно и повторять некоторые места. Это делает лингвистически точные записи, выполненные до появления магнитной ленты, «препарированными», «разрушенными» с позиции современного фольклориста [4, с. 9]. Кроме того, значительная часть фонетически точных записей произведений фольклора монголов даже в начале XX в. делалась с целью изучения живого разговорного языка и потому не имеет паспортизации.

До сих пор остается неизвестным, от кого и когда именно выполнен ряд фонетически точных публикаций [3; 8]. Напротив, опубликованные Потаниным пересказы отражают определенный этап развития отечественной науки о фольклоре [4, с. 10–11], для него же характерно и повышенное внимание к фигуре информанта. Факт того, что ученый зачастую не делал различий между эпосом, сказкой, этиологической легендой, родословным преданием и произведениями других жанров, отмеченный С.Ю. Неклюдовым как недостаток [7, с. 197], может оказаться достоинством в свете необходимости реконструкции состояния фольклорной традиции монгольских народов во второй половине XIX в. Во многих случаях все эти тексты записывались от одного информанта, свидетельствуя о существовании у тюрков и монголов сложной, во многом противоречивой народной картины мира, отражением которой являлся их разнообразный фольклор.

Публикации Потанина – незаменимый источник для изучения популярности и распространенности сюжетов в данное время на данной территории. Они позволяют увидеть, насколько широко были представлены различные произведения в репертуаре одного исполнителя, а походные условия интервьюирования приближают записи к аутентичным условиям исполнения фольклорных актов, хотя и не во всем соответствуют им. В конечном итоге, можно утверждать, что опубликованные Потаниным тексты различных жанров, записанные от представителей многих этносов Центральной Азии, являются важным источником для реконструкции состояния фольклорной традиции у монгольских народов во второй половине XIX – начале XX вв. Результатом совершенных им в 1870-е и 1880-е гг. путешествий на Северо-запад и Юг Монголии стали несколько сотен зафиксированных нарративов. Они относятся к различным жанрам: от объемных героических эпопей, до кратких описаний народных поверий.

Потанина, сочетавшего в себе способности путешественника и собирателя фольклора, отличало пристальное внимание к личности информанта. Несмотря на отсутствие специального монголоведного образова-

ния, записанные и опубликованные им тексты являются важным источником для реконструкции сюжетного корпуса фольклорных произведений монголов и бурят второй половины XIX в. Не менее важны для исследователей устного народного творчества дневниковые записи его путешествий. Вместе с текстами произведений они позволяют изучать непосредственно моменты исполнения нарративов. Это важно для восстановления представлений о том, как функционировала фольклорная традиция изучаемых народов в данный период.

Значимой является и работа Потанина как редактора публикаций, подготовленных известным бурятским просветителем М.Н. Хангаловым. В результате этой деятельности был создан задел для каталогов сюжетов различных жанров, которые с началом XX в. стали непременными спутниками фольклористов. К сожалению, отмеченные им сюжетные параллели в фольклорной традиции монгольских народов редко учитывались в более поздних исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций. М., 2004.
2. Бурятские сказки и поверья, собранные М.Н. Хангаловым, о. Н. Затопляевым и другими. Записки Восточно-сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. По отделению этнографии. Т. I. Вып. 1. Иркутск, 1889.
3. Владимирцов Б.Я. Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л., 1926.
4. Иванова Т.Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Т. 26. Л., 1991.
5. Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата, 1972.
6. Малинов А.В. Философия и идеология областничества. СПб., 2012.
7. Неклюдов С.Ю. Исторические взаимосвязи тюрко-монгольских фольклорных традиций и проблема восточных влияний в европейском эпосе // Типология и взаимосвязь средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
8. Поппе Н.Н. Аларский говор. Часть вторая. Л., 1931.
9. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. СПб., 1881.
10. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883.
11. Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. I–I. СПб., 1893.
12. Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
13. Потанин Г.Н. Монгольские сказки и предания. Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Отдела Русского географического общества. Вып. XIII. Семипалатинск, 1919.
14. Пропп В.Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор: материалы и исследования. М.-Л., 1956. Т. 1.
15. Монгол ардын үлгэр. Д. Цэрэнсодном эмхтгэсэн. Улаанбаатар, 1982.
16. Торгууд ардын аман зохиол. Б. Катуу эмхтгэсэн. Улаанбаатар, 2002.
17. Ben-Amos D. Toward a Definition of Folklore in Context // The Journal of American Folklore. 84 (1971).
18. David E. Gay Inventing the text: A Critique of folklore editing // Folklore. Vol. 14. Tartu, 2000.
19. Lörincz L. Mongolische Märchentypen. Budapest, 1979.

TRANSLIT

1. Anikin V.P. Teoriya fol'klora. Kurs lektsii. M., 2004.
2. Buryatskie skazki i pover'ya, sobrannye M.N. Khangalovym, o. N. Zatoplyaevym i drugimi. Zapiski Vostochno-sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. Po otdeleniyu etnografii. T. I. Vyp. 1. Irkutsk, 1889.
3. Vladimirtsov B.Ya. Obraztsy mongol'skoi narodnoi slovesnosti (S. Z. Mongoliya). L., 1926.
4. Ivanova T.G. Spetsifika fol'kloristicheskoi tekstologii // Russkii fol'klor: Problemy tekstologii fol'klora. T. 26. L., 1991.
5. Kazakhskii fol'klor v sobranii G.N. Potanina (Arkhivnye materialy i publikatsii). Alma-Ata, 1972.
6. Malinov A.V. Filosofiya i ideologiya oblastnichestva. SPb., 2012.
7. Neklyudov S.Yu. Istoricheskie vzaimosvyazi tyurko-mongol'skikh fol'klornykh traditsii i problema vostochnykh vliyanii v evropeiskom epose // Tipologiya i vzaimosvyaz' srednevekovykh literatur Vostoka i Zapada. M., 1974.
8. Poppe N.N. Alarskii govor. Chast' vtoraya. L., 1931.
9. Potanin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Vyp. 2. Sankt-Peterburg, 1881.
10. Potanin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Vyp. 4. Sankt-Peterburg, 1883.
11. Potanin G.N. Tangutsko-tibetskaya okraina Kitaya i Tsentral'naya Mongoliya. T. I–II. Sankt-Peterburg, 1893.
12. Potanin G.N. Vostochnye motivy v srednevekovom evropeiskom epose. M., 1899.
13. Potanin G.N. Mongol'skie skazki i predaniya. Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo Otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. XIII. Semipalatinsk, 1919.
14. Propp V.Ya. Tekstologicheskoe redaktirovanie zapisei fol'klora // Russkii fol'klor: materialy i issledovaniya. M. L., 1956. T. 1.
15. Mongol ardyn ylger. D. Tserensodnom emkhtgesen. Ulaanbaatar, 1982.
16. Torguud ardyn aman zokhiol. B. Katuu emkhtgesen. Ulaanbaatar, 2002.
17. Ben-Amos D. Toward a Definition of Folklore in Context // The Journal of American Folklore. 84 (1971).
18. David E. Gay Inventing the text: A Critique of folklore editing // Folklore. Vol. 14. Tartu 2000.
19. Lörincz L. Mongolische Märchentypen. Budapest, 1979.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: А.В. Малинов. И.Ю. Пешперова. С.138-151

А.В. МАЛИНОВ

доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

И.Ю. ПЕШПЕРОВА

кандидат юридических наук, профессор
Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ

ДВЕ ВЕРСИИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА: Г.Н. ПОТАНИН И М.И. ДРАГОМАНОВ[1]

В статье сравниваются две версии областнической идеологии: сибирских областников и украинофилов, представленных в учениях Григория Николаевича Потанина (1833–1920) и Михаила Петровича Драгоманова (1841–1895). Рассматриваются как общие черты областнической теории, так и различия. Делается вывод, что сибирские областники считали главным культурное развитие края, в то время как украинофилы стремились к национально-государственному конструктивизму. Ключевые слова: областничество, украинофильство, сибирское областничество, Г.Н. Потанин, М.П. Драгоманов, децентрализация, культурный сепаратизм.

A.V. MALINOV

Sc.D., Professor
St. Petersburg State University

I. YU. PESHPEROVA

PhD in Jurisprudence, Professor
North-West Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (St.-Petersburg)

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-00192), СПбГУ.

TWO VARIANTS OF OBLASTNICHESTVO: G.N. POTANIN AND M.I. DRAGOMANOV

The article compares the two versions of oblastnicheskoy ideology: Siberian regionalists and Ukrainophiles, presented in doctrines of Grigory Potanin (1833–1920) and Mikhail Petrovich Drahomanov (1841–1895). Both common features of oblastnicheskoy theory and differences are analyzed. It is concluded that Siberian oblastniki considered as a major goal cultural development of the region, while Ukrainophiles aimed to nation-constructivism.

Keywords: regionalism, Ukrainophilism, Siberian regionalism, G.N. Potanin, M.P. Dragomanov, decentralization, cultural separatism.

В 1916 г. в журнале «Сибирские записки» была опубликована статья Е. Колосова «Два русских областника – М.П. Драгоманов и Гр.Н. Потанин (Опыт сравнительного изучения политических программ русских областников)». Прошедшее столетие дает основание продолжить сравнение и оценить результаты двух версий областничества, выразителями которых были Михаил Петрович Драгоманов (1841–1895) и Григорий Николаевич Потанин (1835–1920).

Хорошим подспорьем может служить и богатая исследовательская литература, историографический обзор которой представлен в статье С.А. Троицкого [15, с. 60–77]. Е. Колосов называет Потанина и Драгоманова «типичными областниками», сопоставляя их как собирателей фольклора и указывая на общий идейный контекст формирования их взглядов: «…они являются *шестидесятниками* в том смысле, что их первые взгляды <…> формировались под впечатлением эпохи, так называемых великих реформ и связанных с ними великих общественных ожиданий» [6, с. 128]. Чаще всего к общим истокам областнического учения относят народничество [2, с. 75–80; 5, с. 143–178]. В публицистике Драгоманова и Потанина полнее всего была выражена идеология и программа, соответственно, украинского и сибирского областничества: «…программные построения Драгоманова и Потанина представляют максимум того, что нам дает русская областническая мысль. Выше этого русские областники еще не поднимались, ниже этого они не могут спуститься, не изменяя своим традициям» [6, с. 131]. Правда, к политической публицистике Потанин пришел лишь на закате своей жизни. Он более известен как путешественник, исследователь Центральной Азии, этнограф и фольклорист.

Е. Колосов не высоко оценивал журналистские способности Драгоманова. «Литературное дарование Драгоманова, – писал он, – сравнительно не велико, его публицистика однообразна, порой даже бледна, при том она страдает повторениями, очень утомляющими читателя»

[6, с. 129]. В то же время он признавал, что «общерусское, политическое значение Драгоманова несомненно больше, чем значение Потанина» [6, с. 132]. Впрочем, социальные потрясения XX в. нивелировали политическое значение, как Потанина, так и Драгоманова. Лишь патологическое возрождение украинского национализма несколько возбудило исторический интерес к фигуре Драгоманова, как своему идейному предшественнику, но не к содержанию его публицистики.

При жизни Потанин и Драгоманов не встречались и знакомы не были. В письме К.В. Лаврскому, Потанин упоминал об отправке Драгоманову областнического литературного сборника «Первый шаг», изданного в 1876 г. в Казани [8, с. 32, 36], на который он откликнулся сочувственным письмом [8, с. 40–41]. Со своей стороны, Потанин надеялся в направлении, отстаиваемом Драгомановым, увидеть близкие убеждения. «Я слышал, между прочим, – писал он К.В. Лаврскому, – что Драгоманов будет издавать журнал в Вене на русском, а не на малороссийском языке, и что, вероятно, будет отстаивать провинциальное движение, так как это ему необходимо по связи вопроса с движением его собственной области» [8, с. 33]. В 1909 г. Потанин хлопотал о присылке ему статьи Драгоманова «Россия и Польша» [9, с. 97].

Наиболее близко с программой сибирских областников сходится публицистика Драгоманова 1870-х гг., хотя, надо заметить, что основные труды Н.М. Ядринцева и Потанина появляются позже, да и сам термин «областничество» закрепляется лишь к началу 1890-х гг. До этого времени чаще использовалось выражение «местный патриотизм» [11, с. 86]. «Областническая тенденция то же, что и местный патриотизм», – признавал Потанин [11, с. 109; 10, с. 2]. Это направление в русской общественной мысли и движение в среде провинциальной интеллигенции, или, по словам Потанина, «тенденция» нашла обозначение в таких терминах как «сибирское областничество», «сибирефильство», «сибирство». В таком дублировании не было нужды, если бы эти термины были только синонимами. *Сибирское областничество* – историческое явление, просуществовавшее более полувека (с начала 1860-х гг. до окончания Гражданской войны, а в русской эмиграции – до Второй мировой войны). Возникнув как литературное и культурное движение зарождавшейся сибирской интеллигенции, оно лишь в годы Первой русской революции начало оформляться политически.

Политическая активность сибирских областников усилилась в 1917 г., когда появились проекты федеративного устройства Сибири [1, с. 141–152]. Однако доминирующей для сибирского областничества оставалась просвети-

тельская и культурная деятельность, что непосредственно сближало его с сибирефильством. *Сибирефильство* выходит за пределы только сибирской интеллигенции, предполагая в широком смысле изучение Сибири и стремление к развитию края. *Сибирство* – новая региональная идентичность, переходящая в политическое мировоззрение со всеми вытекающими из него потенциальными опасностями в виде политического обособления, конфронтационной идеологии и т. п. Истоки всех этих определений можно видеть в учении и деятельности Потанина; его фигура их всех объединяет. Этим опознается и его значение: он был родоначальником и лидером сибирских областников, деятельным сибирефилом, первым выразителем «сибирской идеи» – новой региональной идентичности, т. е. сибирства. И хотя он указывал в качестве своих предшественников на таких «сибирских патриотов» как Словцов, Абрамов, Щукин, Мордвинов, Ершов, до Потанина и Ядринцева не было в строгом смысле ни сибирского областничества, ни сибирефильства, ни сибирства.

Любовь к своей малой родине даже тогда, когда она перерастала в политическое мировоззрение и принимала форму политической программы, не приводила Потанина и Ядринцева к противопоставлению сибирских вопросов, общерусским. Как замечал Е. Колосов: «Огромная заслуга Потанина и Ядринцева в том и состоит, что они никогда не теряли из виду общечеловеческих, в частности, общерусских проблем» [7, с. 213]. Проблемы, стоящие перед Сибирью, могут быть решены только в совокупности с проблемами общерусскими, т.е. общегосударственными. Прежде всего, это касается экономических и социальных вопросов. И здесь решения, предлагаемые областниками, могут послужить образцом и для остальных частей государства. Так, согласно Потанину, необходимо законодательно предоставить «областям возможность развивать энергию свойственной им, и особенно колониям, центробежной силы, не теряя солидарности с другими областями империи, не нуждаясь в отпадении от общегосударственного тела, – должны признать, что областническая тенденция, покоящаяся на экономическом соревновании частей государства, имеет право на столь же долгий срок существования, как само государство» [10, с. 2].

Развитие регионов и конкуренция между ними в пределах одного государства – не только естественный процесс, но и стимул для дальнейшего развития. «Сибирские областники, – пояснял Потанин свой политический проект, – сознавая себя членами русского народа и не желая с ним порвать связь, распространяют свой идеал на все государство; они мечтают, что вся Россия будет разделена на области, что у каждой облас-

ти будет свой парламент и свои министерства и что государственные финансы будут распределены между областями, а над всей этой федерацией будет стоять объединяющая Государственная Дума. Общегосударственные вопросы будут выделены из компетенции областных дум. Учредительное Собрание установит пределы, в которых будет происходить законодательная деятельность центральной думы и областных дум» [14, с. 156]. В то же время он осознавал, что не только политическое устройство но и, в меньшей степени, экономические связи объединяют Сибирь с европейской Россией в единое целое. «Мы понимаем, – признавался он, – что наша связь с Россией покоиться на русском языке, на русской литературе, на русских духовных традициях» [14, с. 154].

Культурное развитие Сибири посредством формирования «культурных центров», политическое и экономическое выравнивание Сибири с европейской Россией вплоть до создания Соединенных штатов Сибири, – такой путь предпочитали лидеры сибирских областников. В этом их отличие от украинофилов, для которых национально-культурное самоопределение было важнее общегосударственного развития.

Принцип равенства лежал в основе демократической программы областников. Даже Драгоманов формально признавал равноправие народов, языков и областей. «Другими словами, – писал он, – чем более государство становится свободным и потому прочным союзом людей для достижения развития душевного и материального, тем более подходит оно к равноправности языков и народностей, в него входящих, в общественной жизни» [3, с. 56]. Однако практическое украинофильство видело цель в обособлении, а не в объединении усилий.

Принципиальное различие между сибирскими областниками и украинофилами состояло в том, что первые делали акцент на культурном развитии, вторые – на национальном. У сибирских областников культурная программа преобладала над политической. Экономические различия Сибири и европейской России во многом определялись географическими факторами. Согласно сибирским областникам, пестрый этнический состав Сибири в результате культурно-экономического развития региона и неизбежной метисации населения постепенно должен был складываться в новый этнографический тип русского народа. Исходная позиция украинофилов была иной. Культурные, этнические и природно-климатические различия России и Украины были минимальны или даже условны. В этой ситуации в основу своей программы украинофилы положили идею нации как политической силы. Реализация этой программы предполагалась политическими средствами, которые на деле приводили к национально-культурному конструированию различий, противо-

поставлению Украины и России, хотя бы это и приводило к понижению экономического и культурного уровня.

Чувство несправедливости сложившихся отношений между центром и провинциями придавало областническому движению форму социального протеста, сближало его с общерусским демократическим направлением. Однако причину этой несправедливости сибирские областники и украинофилы понимали по-разному. Сибирские областники считали, что виновником незавидного положения Сибири является административный центр и колониальная политика русского государства. Украинофилы же были склонны обвинять русский народ. Драгоманов в этом отношении даже сопоставлял русский народ с немцами. «Вообще до сих пор, – писал он, – только огнем и мечем да долговременной колонизацией и могли быть истреблены национальности, что особенно имело место в истории стремления на Восток немцев и русских» [3, с. 53]. Наравне с немцами русские уничтожали целые национальности и стремились обезнародить покоренное население.

Невозможность четко обозначить национальную специфику украинского народа Драгоманов считал следствием русской колонизации. Впрочем, он и сам признавал преувеличение различий между русскими и украинцами, «как это часто теперь делается в западно-европейской печати, желающей назло России, указать на раздвоение самого русского племени» [3, с. 82]. Конфронтационный импульс, заложенный в украинстве, распространяется не только на русских, но и на поляков. Сибирские областники были лишены негативного отношения к русскому народу, сознавая себя его частью. Они неоднократно указывали и на положительную роль польских ссыльных в деле поднятия культурного уровня региона.

Либеральные принципы областнической программы сказались в отстаивании свободы совести. Драгоманов, в частности, считал, что стремление к религиозной унификации ослабляет государство. «Отнюдь нельзя отрицать, – писал он, – что действительно религиозное единство облегчает единство государственное, усиливая связь между членами государства. Но из этого, во-первых, не следует, чтобы государство имело право силою устанавливать единство религиозное, когда оно нарушено или не существовало, потому что государство тогда нарушит священнейшие права личности и породит такие явления и стремления внутри себя, которые уничтожат самую цель государственной жизни: блага материальное и нравственное по возможности каждого его члена. Во-вторых, погнавшись, с целью установления единства государственного, за установлением единства религиозного, политическая власть именно ослабит единство государст-

венное, стараясь войти в союз с родственными им элементами в других государствах и т. п. <…> политика, заботящаяся о насильственном религиозном объединении для единства государства, ведет к противоположному результату» [3, с. 51–52].

Сибирские областники не придавали религиозному вопросу того исключительного значения, которое он впоследствии приобрел в украинофильстве, хотя Сибирь отличается большим разнообразием религиозных конфессий (христианство со значительной долей староверов, буддизм, ислам, шаманские культы). Не поднимали они и вопрос о языке, столь важный для украинофилов. Причина этого состоит в том, что сибирское областничество ратовало за развитие сибирской литературы, которая бы отображала нужды сибирского общества. Успешное же развитие сибирской литературы возможно только с опорой на высшие достижения русской литературы и ее распространение в новых социальных, природных и прочих условиях, что неизбежно будет давать литературе новые сюжеты, типажи, проблемы и проч. Сибирская литература не создается на новой почве, она является преемницей и частью русской литературы. Украинофилы же, напротив, боролись не за литературу, а за литературный украинский язык, хотя бы это и приводило к разрыву с русской литературой, понижению качества произведений и провинциализации литературы в целом.

Основной источник различий между Россией и Сибирью Потанин видел в природно-климатических условиях. Не случайно он говорил о главном сепаратисте – климате. «Известная теория, – писал лидер сибирских областников, – что потребности тела и духа формулируются под влиянием физических условий населяемой страны, должна быть применена и к Сибири. <…> Главный фактор, который обусловливает физиономию страны, климат. Он обусловливает флору страны и ее пейзаж, фауну и, наконец, культуру человека. <…> Контраст между климатом Сибири и Европейской России если не более, то, по крайней мере, не менее, чем между климатом Европейской России и западной Европы» [12, с. 53]. Согласно Потанину, сибирский климат более сухой, в Сибири больше солнечных дней, небо прозрачнее, поэтому «пейзаж в Сибири яснее». Отсюда он приходил к вполне конкретному выводу: «Особенности сибирского климата неизбежно должны отразиться на искусстве, если оно возникнет на сибирской почве. В живописи, надо предполагать, Сибирь даст хороших колористов. В том же направлении скажется влияние природы и на сибирской музыке, как в композиции, так и в технике» [12, с. 56].

От климатологического искусствоведения Потанин заключал и к политическим перспективам: «Это преломление русского народного духа под

лучами сибирского солнца не обеднит, а только обогатит русскую жизнь. Ничего нет удивительного в том, что с распространением просвещения в Сибири и с пробуждением чувства гражданского долга, у русских уроженцев Сибири появились сепаратистические идеи, т. е. что они стали выделять свои обязанности перед сибирским населением от обязанностей перед русским государством» [3, с. 59]. Драгоманов, наоборот, скептически относился к географическому детерминизму, ведь в природно-климатическом отношении Россия и Украина практически идентичны.

Согласно Драгоманову, «естественных границ собственно нет нигде на земном шаре, ибо реки, например, не делят народов и стран, горные хребты не делят речных бассейнов <…> теперь даже моря не разделяют народов» [3, с. 10]. На восточно-европейской равнине, естественно, должен был сложиться единый народ, объединенный в одно государство. Если для сибирских областников климат – главный сепаратист, то для украинофилов – главный ниспровергатель национально-политического конструктивизма украинства.

Символом областничества, наравне с самостоятельными политическими институтами, являлся университет. «Университет и областная дума должны создать новую Сибирь», – провозглашал Потанин [12, с. 79]. Университет – главный источник формирования культурных сил региона и местной интеллигенции. «Идея о сибирском университете, – уточнял Потанин, – стоит в связи с вопросом об абсентизме сибирской молодежи, об отливе свежих умственных сил из области» [11, с. 98].

Признавая положительную роль университета, Драгоманов видел в нем не столько центр интеллектуального и культурного развития, сколько средство формирования новой национальной идентичности. По его словам, «такая мера, как учреждение университета, гораздо больше влияет на развитие народного духа, чем всякие репрессалии» [3, с. 69].

Если для сибирских областников университет – культуросозидающая сила, то для украинофилов – средство национально-государственного строительства. Для Потанина университет – центр культурного развития региона и всех слоев населения, формирования местной интеллигенции. Он специально оговаривал, что необходимо создать условия для получения высшего образования детям крестьян, поскольку только из них может вырасти настоящая сибирская интеллигенция. «В мужицкой области университет должен быть мужицким», – заключал он [12, с. 80].

Потанин не случайно писал о Сибири как мужицкой стране. Именно в крестьянской среде зарождался «стихийный сепаратизм», т. е. чувство обособленности и стремление к самоуправлению. «Чувство, вызвавшее

эту идею, нужно искать в умах сибирского крестьянства. Оно первое стало выделять себя из остального крестьянского мира, а уже за ним следом и сибирская интеллигенция, выходящая из сибирского народа, начала выделять себя из общерусской интеллигенции. Обособление сибирского крестьянства покоится исключительно на территориальной основе» [11, с. 89]. В другой статье он отмечал: «Давно уже установлены главные особенности Сибири: отсутствие дворянства, крепостного права и его традиций, которые еще живут в метрополии. Сибирь – рай мужиков» [12, с. 80]. И хотя выразителем областнического мировоззрения является местная интеллигенция, она фиксирует интересы и чаяния количественно преобладающей части народа. «Каждая область, – писал Потанин, – должна иметь интеллигенцию, которая обязана служить местному населению» [11, с. 90].

Для Сибири таким «местным населением» будет крестьянство. Принципом служения должна руководствоваться и приезжая интеллигенция. Отсюда одним из основных начал областнической идеологии становится *народолюбие*. Драгоманов даже видел истоки областнического народолюбия в славянофильстве, из которого выросло и украинофильство: «*украинофильство*, или <…> *хлопомания* (мужикомания), прямое продолжение *киевского* демократически-федерального *панславизма*, который пробовал в 40-х годах сформулировать кружок Костомарова и Шевченко» [4, с. 460–461].

Правда, предвзятое толкование славянофильства приводило Драгоманова к тому, что он приписывал московским славянофилам идею национальной исключительности русского народа и «сепаратизм» [3, с. 115–116]. «Московские славянофилы, – рассуждал он, – не могут не чувствовать, что у них у самих нет почвы под ногами для защиты общерусских тенденций, так как они собственно отстаивают такое же начало, как и самые крайние украинофилы. И действительно, московское славянофильство, при всей своей вражде с крайним украинофильством, само является ничем иным, как такою же “хлопоманией”, таким же “сепаратизмом”» [3, с. 129].

Во многом объединяют украинофилов и сибирских областников близкие социальные и политические идеалы, т. е. самоуправление, автономизм и децентрализация. Различия же касаются в первую очередь целей децентрализации. Для украинофилов децентрализация должна была служить идее «народа и народности», а именно «усвоить идею народности и устройства страны на началах равноправия и на прочном фундаменте экономической и общинной независимости масс» [3, с. 171]. Если же обособление и развитие народности может быть достигнуто другим способом, то автономией можно и пренебречь. Для сибирских областни-

ков децентрализация, расширяя социально-политические и финансово-экономические возможности региона, должна служить средством развития культуры. Недаром Потанин называл свое учение «культурным сепаратизмом». «Буквально, а не иносказательно, – признавался он, – “в воздухе висит” сепаратизм. Это вполне бесспорная истина, если разговор идет не о политическом, а о культурном сепаратизме. Всякая область, как бы скромны ни были ее размеры, в пределах культуры, искусства и умственной жизни имеет право на самостоятельное, независимое от остальных частей государства, развитие своих сил» [12, с. 58]. И хотя Потанин упоминает «областную центробежную силу Сибири», культурный сепаратизм означает не обособление и отделение, а максимальную самостоятельность культурной жизни. Иными словами, он означает, прежде всего, децентрализацию. Во всех остальных отношениях сибирские областники, напротив, настаивали на уравнении прав Сибири с европейскими провинциями России: «Многообразные нужды Сибири обобщаются одной идеей – уравнение колонии с метрополией во всех областях жизни» [12, с. 66].

Последовательное проведение принципа децентрализации, по мысли Потанина, должно привести к делегированию провинциям и части политических, экономических и финансовых полномочий, например, создание Сибирской областной Думы, которая могла бы распоряжаться финансами края. Однако и здесь финансовая самостоятельность не является самоцелью, а лишь средством культурного развития региона. «Децентрализация государственных финансов, – полагал Потанин, – повлекла бы децентрализацию всей общественной жизни. <…> Чем обширнее территория, тяготеющая к одному центру, тем остальное пространство обездоленнее и пустыннее в культурном и духовном отношениях. Единственное спасение окраин от опустошающего действия централизации заключается в учреждении областных дум с передачей им распоряжения местными финансами. <…> Культурное движение в областях получит независимость от государственного центра и будет развиваться в большем согласии с местными условиями» [11, с. 112].

Потанин рисовал идеальную утопическую картину культурного подъема провинции вследствие децентрализации финансов: «При расчленении государственных финансов в каждой области появится центр богатый капиталами; к тому пункту, где находится областная дума, распоряжающаяся областными финансами, будут стремиться предприниматели в области промышленности, а где будут скопляться эти богатые люди, туда потянутся артисты, музыканты, литераторы и художники, образуется настоящий духовный центр, в котором творческая деятельность

развивается разносторонне и во всех направлениях равномерно. Есть и теперь в провинции умственные центры – «университетские города», но это не вполне творческие центры. Правда, там, где появляется университет, появляются и всходы искусства, но эти всходы чахлые и односторонние. Только там, где развивается богатая экономическая жизнь, где потребителем произведений искусства является не ничтожная профессорская семья, а обширный народный класс, может возникнуть здоровое народное творчество.

Федеративное устройство России создаст богатую экономическую жизнь провинции. Многочисленные умственные центры покроют лицо России, и в провинциальных городах жизнь сделается столь же приятной, занимательной и умственно богатой, как и в столицах; при теперешнем же централистическом строе русскому человеку живется весело только в Петрограде и в Москве, в провинции же он скучает, живет и проклинает провинциальные будни. Так благодетельно отразится федеративный строй на иссушенной централизмом провинции» [14, с. 158]. Цивилизационный оптимизм Потанина лишь подчеркивает характерный для него как личности идеализм.

Итогом децентрализации должно стать формирование «умственных центров» в провинции. Их появление Потанин объяснял неявной отсылкой к учению Н.К. Михайловского о механической и органической солидарности. «Под умственным центром разумеется, – писал он, – накопление в одном месте людей разнообразных профессий; такое накопление для профессионалов очень полезно; они здесь обмениваются своими знаниями, содействуют друг другу в занятиях; возникает местный труд, местная культура» [13, с. 122]. Централизованное государство препятствует образованию таких альтернативных центров. В качестве примера Потанин приводил «томский погром», учиненный П.А. Столыпиным после революции 1905 г. Такая политика, по его словам, приводит к «полному разрушению общественной жизни», она «преступна и не национальна» [13, с. 127]. Задача состоит в том, чтобы создать условия для самостоятельного культурного развития провинции не требующего ни попечения, ни дополнительных ресурсов со стороны государства; но для этого центр должен поступиться частью своих прав в пользу краев и областей.

Программа областников так и не была в полной мере реализована (что, однако, не означает ее нереализуемость), поэтому можно говорить о ее итогах лишь отчасти. Результаты двух версий областничества (украинского и сибирского) имеют различия. Расхождение между ними было заложено не в принципах, а в акцентах: программа культурного развития

у сибирских областников и национального конструирования у украинофилов. Подчинение культурной деятельности целям национально-государственного строительства приводило к маргинализации самой культуры, делению ее на «актуальную» и «вытесненную».

Эгоцентрические установки национализма и вовсе оказались антикультурны, поскольку могли заявлять о своем превосходстве только посредством насилия. Все это приводило к еще большей периферийности культурной жизни и вымыванию ее гуманистического содержания. Интеграционный же вектор развития сибирского областничества привел к формированию таких культурных явлений, как сибирское искусство, сибирская литература, в которых вписываются и разнообразные национально-культурные традиции.

Культурная топография областничества сводится к децентрализации. Однако ее, так сказать, прикладная герменевтика открывала разные возможности. Для сибирских областников децентрализация означала выстраивание плюральной структуры, т. е. формирования многих «интеллектуальных центров», что значительно сужало «зоны культурного отчуждения».

Украинофильская децентрализация предполагала лишь сдвиг центра, переакцентировку культурного пространства посредством вытеснения «старого» центра (или центров) и всех иных «потенциальных» центров в «зону культурного отчуждения». Этого требовала главная цель украинофильства – конструирование новой национальной идентичности, которая выстраивается именно благодаря полаганию новых границ, областей забвения и маргинализации культурно-исторических явлений. «Вместе с тем, – уточняет С.А. Троицкий, – именно маргиналии, вытесненное и вытесняемое из культурной практики, забытое и забываемое культурой, и определяет ее идентификационные пределы» [16, с. 68].

Указание на своечужное явление культуры как на границу собственной культурной деятельности, полагание предела посредством деактуализации и подавления других культурных явлений, делает культуру более определенной, хотя в целом и обедняет ее. Взращиваемая же областниками сибирская культура, проигрывая украинской культуре, так сказать, в узнаваемости выигрывала в многообразии и плодотворности, богатстве идей и форм. Сибирское областничество и украинофильство в некотором смысле воплощают два типа культурной деятельности: культуротворчество и культуроборчество. Децентрализация сибирских областников в итоге создавала возможности как для творческого синтеза различных национальных традиций, так и для плодотворной конкуренции. Украинофиль-

ская децентрализация культуры оборачивалась новой централизацией, т.е. подавлением «старых» центров и подчинение доступной периферии.

Однако следует иметь в виду, что две версии областничества не представляли альтернативные или разнонаправленные пути культурно-исторического процесса. В сибирском областничестве были (а может быть, и сохраняются до сих пор) те же потенции, которые реализовались в украинофильстве. Достаточно вспомнить, что Потанин мечтал о переносе центра российской государственности в Сибирь. Не была ему чужда и идея «сибирской нации». По свидетельству, приводимому в статье Л.И. Шерстовой, «обосновывая общие интересы всего сибирского населения – русских и “инородцев” –Потанин нередко употреблял термин “сибирская нация” в этатистском ее понимании» [17, с. 156]. Хочется надеяться, что культуроборческий сценарий в сибирском областничестве уже не реализуем.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 3.
2. Головинов А.В. Отечественные истоки социальной философии областничества // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. Вып. 12. СПб., 2012.
3. Драгоманов М.П. Восточная политика Германии и обрусение // Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.
4. Драгоманов М.П. Новые движения среди русских галичан // Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т. I. Центр и окраины. М., 1908.
5. Зайнутдинов А.Э. Интеллектуальная галерея сибирского областничества второй половины XIX в. // Многоликая современность: Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского / отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В. Малинов. СПб., 2014.
6. Колосов Е. Два русских областника – М.П. Драгоманов и Гр. Н. Потанин (Опыт сравнительного изучения политических программ русских областников) // Сибирские записи. 1916. № 3.
7. Колосов Е. Сибирские областники о пришлой и краевой интеллигенции // Сибирские записи. 1916. № 3.
8. Письма Г.Н. Потанина. Т. 3. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1989.
9. Письма Г.Н. Потанина. Т. 5. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1992.
10. Потанин Г.Н. Будущее сибирской областнической тенденции // Сибирская жизнь. 1907. 6 июля. № 65.
11. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915.
12. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915.
13. Потанин Г.Н. Из недавнего прошлого // Сибирские записи. 1916. № 1.
14. Потанин Г.Н. Прекрасный финал // Сибирские записки. 1917. № 3.
15. Троицкий С.А. Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1.
16. Троицкий С.А. Проблема терминологической точности при изучении зон культурного отчуждения // Новое литературное обозрение. 2015. № 3 (133).

17. Шерстова Л.И. Областническая идеология: некоторые аспекты региональной идентичности // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010.

TRANSLIT

1. V.K. Oblastnoe obozrenie // Sibirskie zapiski. 1917. № 3.
2. Golovinov A.V. Otechestvennye istoki social'noj filosofii oblastnichestva // Mysl'. Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshhestva. Vyp. 12. SPb., 2012.
3. Dragomanov M.P. Vostochnaja politika Germanii i obrusenie // Dragomanov M.P. Politicheskie sochinenija. T. I. Centr i okrainy. M., 1908.
4. Dragomanov M.P. Novye dvizhenija sredi russkih galichan // Dragomanov M.P. Politicheskie sochinenija. T. I. Centr i okrainy. M., 1908.
5. Zajnutdinov A.Je. Intellektual'naja galereja sibirskogo oblastnichestva vtoroj poloviny XIX v. // Mnogolikaja sovremennost': Sbornik k 60-letiju doktora filosofskih nauk, professora Vladimira Vjacheslavovicha Kozlovskogo / otv. red. R.G. Braslavskij, A.V. Malinov. SPb., 2014.
6. Kolosov E. Dva russkih oblastnika – M.P. Dragomanov i Gr. N. Potanin (Opyt sravnitel'nogo izuchenija politicheskih programm russkih oblastnikov) // Sibirskie zapisi. 1916. № 3.
7. Kolosov E. Sibirskie oblastniki o prishloj i kraevoj intelligencii // Sibirskie zapisi. 1916. № 3.
8. Pis'ma G.N. Potanina. T. 3. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1989.
9. Pis'ma G.N. Potanina. T. 5. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1992.
10. Potanin G.N. Budushhee sibirskoj oblastnicheskoj tendencii // Sibirskaja zhizn'. 1907. 6 ijulja. № 65.
1. 11.Potanin G.N. Oblastnicheskaja tendencija v Sibiri // Sbornik k 80-letiju so dnja rozhdenija Grigorija Nikolaevicha Potanina. Izbrannye stat'i i biograficheskij ocherk. Tomsk, 1915.
2. 12.Potanin G.N. Nuzhdy Sibiri // Sbornik k 80-letiju so dnja rozhdenija Grigorija Nikolaevicha Potanina. Izbrannye stat'i i biograficheskij ocherk. Tomsk, 1915.
3. 13.Potanin G.N. Iz nedavnego proshlogo // Sibirskie zapisi. 1916. № 1.
14. Potanin G.N. Prekrasnyj final // Sibirskie zapiski. 1917. № 3.
15. Troickij S.A. Oblastnichestvo v rossijskoj gumanitarnoj nauchnoj literature // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2013. No. 1.
16. Troickij S.A. Problema terminologicheskoj tochnosti pri izuchenii zon kul'turnogo otchuzhdenija // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. № 3 (133).
17. Sherstova L.I. Oblastnicheskaja ideologija: nekotorye aspekty regional'noj identichnosti // Oblastnicheskaja tendencija v russkoj filosofskoj i obshhestvennoj mysli: K 150-letiju sibirskogo oblastnichestva. SPb.: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2010.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: П.Н. Базанов. С.152-164

П.Н. БАЗАНОВ

доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ УКРАИНСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА В ТРУДАХ ИСТОРИКА Н.И. УЛЬЯНОВА

В статье дается комплексное исследование творчества представителя второй волны русской эмиграции - Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Н.И. Ульянов известный историк русской эмиграции, последний ученик академика С.Ф. Платонова, теоретик философии истории, считается признанным специалистом в национальном вопросе и феномене сепаратизма в России. Он автор первой научной монографии «Происхождение украинского сепаратизма». Впервые анализируется отношение Н.И. Ульянова к феномену сепаратизма в России.

Основное внимание уделяется анализу «областничества». Отдельное внимание обращено на взгляды Н.И. Костомарова, П.А. Кулиша, М.П. Драгоманова. Раскрывается характер фальсификации истории идеологами «украинства». Во всех своих работах Н.И. Ульянов убедительно доказывал, что главной чертой украинского самостийного мифотворчества является совершенно беззастенчивая фальсификация - лингвистическая этнографическая, историческая, антропологическая, экономическая и даже филологическая

Ключевые слова: русская эмиграция, Н.И. Ульянов, областничество, украинский сепаратизм, фальсификация истории, философия истории

P. N. BAZANOV

Doctor of Science (History), Professor,
Saint-Petersburg State Institute of culture

CRITICISM OF THE CONCEPT OF OBLASTNICHESTVO IN THE WORKS OF UKRANIAN HISTORIAN N.I. OULIANOFF.

The article presents a comprehensive study of creativity of known representative of the second wave of Russian emigration Nikolai Ivanovich Oulianoff (1904–1985). N.I. Oulianoff is a known historian of Russian emigration, the last student of Academician S.F. Platonov. He is a theoretical philosopher of history, a recognized expert in the national questions and in the phenomenon of separatism in Russia. He is the author of the first scientific monograph «The Origin of Ukrainian separatism». N. I. Oulianoff's attitude to the phenomenon of separatism in Russia is analyzed for the first time. It focuses on the analysis of «regionalism». Special attention is paid to authentic views

of N.I. Kostomarov, P.A. Kulish, M.P. Dragomanov. The nature of the falsification of the history of the ideology of «Ukrainians» is revealed. In all his works N.I. Oulianoff proves that the main feature of the Ukrainian samostiynogo myth is totally shameless falsification - linguistic ethnographic, historical, anthropological, economic, and even philological.
Keywords: Russian emigration, N.I. Oulianoff, regionalism, Ukrainian separatism, falsification of history, philosophy of history

Самый известный представитель второй русской эмиграции Николай Иванович Ульянов (1904–1985) более всего известен своей монографией «Происхождение украинского сепаратизма» [14], долгое время бывшей единственным научным исследованием данной темы. Книги и статьи Ульянова по национальному вопросу стали еще более актуальными в связи с современной политической обстановкой, так как разоблачают изначальные мифы и неправду идеологии украинских самостийников. Как и большинство представителей отечественной академической науки и русской интеллигенции, историк первоначально не интересовался проблемами появления феномена «украинства». Великая Отечественная война, пребывание в нацистском концлагере Дахау и лагерях ди-пи (от английского displeased persons – «перемещенные лица»), а так же общение с верными союзниками III Рейха – украинскими нацистами различных направлений, – заставили Ульянова буквально положить жизнь на опровержение русофобских выдумок. Как он любил говорить знакомым: «…на почве русофобии возможны любые чудеса, когда социальные концепции уникально сливаются с расовыми и националистическими» [14].

В конце XIX в. Российская империя вступила в период кризиса. Одним из признаков начинающейся катастрофы было падение уровня русского национального сознания. Более всего это коснулось уникального культурного феномена России – «ордена русской интеллигенции». По мнению Н.И. Ульянова, буквально как по команде на территории нашей страны расцвели малообразованные сепаратистские группы ранее не существовавших наций. Подобное явление не было чисто российским. Во всем мире сепаратизм делится на две категории: стремление к независимости реально существующих наций и лженаций. Лженации – это этнографические и региональные группы, в целом не отличающихся от своего народа: техасцы, калифорнийцы, дикси (жители южных штатов США), бургундцы, провансальцы, гасконцы, баварцы, пруссаки, поданцы (считающие, что севернее реки По живут не итальянцы, а другая нация, сторонники так называемой «Лиги Севера»), сицилийцы и т. д. К последней категории в России Ульянов относил украинцев, белорусов, сибиряков, уральцев, волгарей и казаков. Про уральцев и волгарей уже никто не

помнит, сибирский и казачий («казакийский») сепаратизм российское общество в целом воспринимает как пародию над здравым смыслом, а вот Украина и Белоруссия стали независимыми государствами.

Кроме «Происхождения украинского сепаратизма» Ульянов написал на ту же тематику ряд работ: «К национальному вопросу» [11], «Украинцы и псевдоукраинцы», «Об одном учении в национальном вопросе» [12], «Казакиада», «Геноцид или усердие не по разуму», «Зеркало украинского национализма», «Происхождение украинцев и великоруссов в свете сепаратистской “науки”», «История и утопия», «Большевизм и национальный вопрос», «Богдан Хмельницкий», «Русь – Малороссия – Украина» [16], «Патриотизм требует рассуждения», «Один из забытых» [13], «Шевченко – легендарный», «На Драгомановские темы», «Лжепророк», «Ещё о шевченковских легендах», «Об одном проекте разрешения национального вопроса в России», «Путевые письма Василия Кельсиева» и др.

В своем творчестве историк большое внимание уделял разрешению национального вопроса. Его подход отличался многообразием и имел различные аспекты: политологические, исторические, этнографические, философские и т. д. В большинстве своих работ Ульянов исследовал феномен сепаратизма в российской действительности XIX–XX вв. Его интересовала мировоззренческая трансформация различных идейных течений XIX в., превратившихся в XX столетии в национал-сепаратистские политические партии.

Ульянов вывел схему развития сепаратизма на российском геополитическом пространстве. Начинается она с требований признания языкового и культурного различий, потом речь идет о минимальной национально-культурной обособленности. Затем следует этап осуществления национальной автономии в рамках единого государства. Последующей стадией является достижение национальной независимости. Созданные независимые государства предъявляют локальные территориальные претензии. И, наконец, имперское пространство евразийского континента судорожно заставляет создавать свою империю, вместо российской.

Как бы ни были нелепы и смешны притязания Эстонии на Печоры, Изборск и Ивангород, Латвии на Пыталово, Литвы на Калининградскую область, Украины на Воронежскую, Белгородскую и Кубанскую области, – вместе они представляют опасность для существования Российского государства. В завершение следует создание собственного «имперского пространства» – сепаратизм выходит на общероссийский простор неизбежно с фатальной гигантоманией – «образом создания собственной

евразийской империи, если не до Тихого океана, то хотя бы до Урала» [9, с. 9–20; 11, с. 115–156].

Основной особенностью России со времен Рюрика и Олега, в понимании Ульянова, являются два фактора: многонациональность и обширная территория [10, с. 68]. По его мнению, западные концепции решения национального вопроса в России совершенно неприменимы. «В силу исторических условий и особых методов освоения окраины огромные массы русского люда давно уже вышли за пределы старого Московского Царства и разлились по необъятным просторам одной шестой земного шара. Это не горсточка бельгийцев в Конго и голландцев в Индонезии, это огромные массивы, зачастую превышающие численно тот народ, в землях которого они осели. В общей сложности это может быть добрая половина всего русского народа. И эта половина окажется вдруг “за границей” на положении жестоко преследуемых людей. Это только мы, русские, в каждой своей политической платформе обеспечиваем национальным меньшинствам национально-культурную автономию, однако более ни одна сепаратистская группа не сделала подобного заявления в отношении русского народа» [8, с. 166]. Еще в 1951 г., при жизни И.В. Сталина, эмигрант-антикоммунист предвидел такой вариант событий: «Русские поставлены будут перед необходимостью обашкириваться, отатариваться, *украинизироваться* и т. д. Наш народ поэтому вынужден либо найти достойное для всех народов разрешение национального вопроса в рамках общего государства, либо, если это встречает саботаж и этому противопоставляется идея раздела России, *грудью встать на защиту собственного существования*» (выделом мной – *П.Б.*) [8, с. 166].

В том же году в первом варианте «Истории и утопии» Ульянов предупреждал: «Ладья сепаратизма может приплыть к желанному берегу только через море великорусской крови. Жалуясь на геноцид и приветствуя издание законов против него, самостийники лелеют идею геноцида против великоруссов» [9, с. 20].

Самым удачным типом сепаратистского движения в России Ульянов считал «самостийничество», которому и посвятил свою крупнейшую работу «Происхождение украинского сепаратизма» [14], которую можно назвать первой научной монографией на эту тему. Монографию можно разделить на три основные части: сепаратистские настроения в казацкой старшине в XVII в.; возрождение малороссийского казакофильства в начале прошлого века; оформление идеологии самостийничества в конце XIX – начале XX вв. В этой книге автор дает нелицеприятную оценку течения, отколовшего от нашей родины примерно одну треть народа. Он рас-

сматривал русский (великорусский), белорусский и украинско–малороссийский народы как единую этнокультурную общность. По Ульянову, украинский сепаратизм прошёл четыре основные стадии своего развития: «казакофильство» – романтическое воспевание запорожцев, «малороссофильство» – любование областными особенностями Юга России, «украинофильство» – романтические прожекты местных народников – социалистов, и, наконец, в XX в. «украинство» – политическое партийное течение, наполненное ненавистью ко всему не «истинно» украинскому [14; 16, с. 46–59].

У современного читателя возникает законный вопрос – почему Ульянов назвал свою книгу «Происхождение украинского сепаратизма», а не национализма и во всех работах придерживается именно первого термина. Тем более, что сторонников общерусской и малороссийской ориентации с 2013 г. на «незалежной Украине» стали называть «сепаратистами» («сепаратяками», «сепаратами», «сепарами»), в то время как они и не скрывают, что их конечная цель войти в состав России в любой форме – конфедерации, федерации, автономии или как несколько областей. Понять логику сторонников украинского сепаратизма столь же сложно как инопланетную, не гуманоидную цивилизацию, но предоставим слово самому Ульянову. Во введении к монографии он написал: «В заглавии настоящей работы, не случайно употреблено слово “сепаратизм” вместо “национализма”. Именно национальной базы не хватало украинскому самостийничеству во все времена. Оно всегда выглядело движением ненародным, ненациональным, вследствие чего страдало комплексом неполноценности и до сих пор не может выйти из стадии самоутверждения. Если для грузин, армян, узбеков этой проблемы не существует, по причине ярко выраженного их национального облика, то для украинских самостийников главной заботой все еще остается доказать отличие украинца от русского. Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой» [14, с. 4].

«Областничество» обосновывало в XIX в. отличие населения различных регионов и этнографических групп русского народа. Минимальные отличия в быте, пище, диалектах, антропологическом облике раздувались до гигантских размеров. Обычно некорректно сравнивались наиболее удаленные части многообразного русского народа. Так малороссиян сравнивали не с населением южнорусских губерний, а жителями нечерноземной полосы. Сибиряков же – не с население Русского Севера, а

крепостными черноземных губерний. Обосновали казачьей нации – «казакийцы», скромно не упоминают, что терские, донские, кубанские, астраханские, уральские и сибирские казаки, не только говорят на разных диалекта, но антропологически друг от друга отличаются. Современного читателя не должна смущать особенность «областников» именовать народами и народностями население своих губерний. По моде XIX в. жителей городов и деревень, различных историко-географических регионов России называли именно народами, т.е. простонародьем, но никак не в смысле нация. Знаменитая «Живописная Россия», изданная М.О. Вольфом, описывает такие народы нашей страны – смоляне, псковичи, рязанцы, москвичи, куряне и т. д. Еще в первой половине XX в. диалекты разных губерний сильно отличались друг от друга. Вологодцы окали, рязанцы все произносили через «я», москвичи тянули слова и акали, южнорусские диалекты отличались хаканьем и т. д. Во многих диалектах присутствовали слова, которые не понимали в соседнем уезде. Петербургский диалект воспринимался жителями других городов и весей как казенный, т. е. говорят, как пишут. Известный литературовед Н.К. Пиксанов даже считал, что нет никакой русской литературы, а есть петербургская, московская, орловская, одесская, харьковская, бердичевская, олонецкая и т. д.

Первой организацией выдвинувшей областнические идеи отличия населения днепровского края от жителей других регионов Российской империи, прежде всего, бассейна Оки и Волги было «Кирилло-Мефодиевское Братство», возникшее в Киеве при университете Св. Владимира в 1846–1847 гг. По своей сути это был маленький славянофильский романтический кружок, который выступал за всеславянскую федерацию, отмену рабства и крепостного права, преподавание в школах на простонародном разговорном языке. Малороссия планировалась не независимым государством, а суверенным, Киев должен был стать столицей объединенной Славянии.

Попытки создания письменных языков на основе местных диалектов обосновывались поднятием образовательного уровня простого народа, «мужицкой грамотности», что считалось возможным только путем преподавания на том наречии, на котором народ говорит. Ульянов совершенно справедливо замечает: «Идея эта западного происхождения; там она горячо обсуждалась и породила обширную литературу» [14, с. 173]. Действительно, легче учить человека письму и чтению на родном языке, а не на общеевропейской латыни. Ульянов напоминает: «Отголоском ее в России были учебники на тульском наречии, которые писал впоследствии Л.Н. Толстой для своей яснополянской школы. То же собиралось де-

лать вятское земство. Члены братства не связывали с этим намерения отделиться от общерусского литературного языка; напротив, преподавание на своем наречии способствовало бы, по их мнению, скорейшему приобщению малорусса к литературному языку и к сокровищам общерусской культуры» [14, с. 173]. Лидерами «Кирилло-Мефодиевского Братства» были историк Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и поэт Т.Г. Шевченко.

Н.И. Костомаров до 18 лет по собственному признанию не знал ни слова по малорусски. Убежденный республиканец он не любил монархической власти и царской Москвы и обожал исконнорусские демократические институты – вече и казачий круг. По словам Ульянова: «Костомаров разрывался в своей любви между Новгородом и Украиной, и трудно сказать, что из них любил больше. В его сочинениях ясно проступает тенденция сблизить между собою обе эти симпатичные ему земли и найти между ними национальное сходство» [14, с. 176]. Не удивительно, что в его сочинениях кроме малороссиян (жителей Полтавщины, Черниговщины, Киевщины, Житомирщины, Подолии и Волыни), есть и северорусская народность (Новгород, Псков и Вятка). Эта идея полностью противоречит сочинению 1861 г. «Две русские народности» и выпадам против «ненасытной немецко-татарской московщины».

В конце жизни талантливый русский историк перестает приписывать малороссам «несуществовавшую у них враждебность к единому российскому государству, перестает возбуждать и натравливать их на него. Политический национализм представляется ему отныне делом антинародным, разрушающим и коверкающим духовный облик народа. Таковы, например, его высказывания против упорного стремления некоторых кругов искусственно создать новый литературный язык на Украйне». [14, с. 179]. Кстати, за такую позицию Ульянов критикуется современными публицистами. Так, некий Сергей Родин, ссылаясь на монографию Н.И. Костомарова «Мазепа» утверждает, что никакой антисепаратистской эволюции не было [5, с. 161].

Еще более казакофилом был П.А. Кулиш. «По словам Костомарова, в 60-х годах Кулиша “считали фанатиком Малороссии, поклонником казачины; имя его неотцепно прилипало к так называемому украинофильству”». И вдруг, по словам Ульянова, неожиданно происходит метаморфоза. В трехтомном сочинении «История воссоединения Руси» (1874) «Кулиш подверг рассмотрению важнейшее событие в ее (Малороссии – *П.Б.*) судьбе – восстание Хмельницкого и присоединение к Москве. Он поднял гору материала, перебрал и передумал прошлое своего края и, по словам того же Костомарова, “совершенно изменил свои воззрения на все малорус-

ское – и на прошедшее, и на современное". Широкое знакомство с источниками, критическое отношение к фальсификациям представили ему казачество в неожиданном свете. Рыцарские доспехи, демократические тоги были совлечены с этого разбойного антигосударственного сборища» [14, с. 182].

П.А. Кулиш, придумавший новую орфографию, послужившую впоследствии для создания алфавита «украинской мовы», в ужасе стал самым жестким критиком нового языка. Пламенный сторонник перевода на народные малороссийские наречия классической литературы и библейских религиозных текстов вошел в историю своей фразой в Библии: «Да уповает Израиль на Господа» – «Хай дуфае Сруль на Пана». Романтически влюбленный в Киевскую Русь ученый стремился создать транскрипцию для восстановления диалектов древнерусского народа. Создатель «кулишовки» был первым и самым жестким ее критиком. Но и на этом П.А. Кулиш не остановился: «Друзья, в том числе и Костомаров, были недовольны таким слишком открытым сокрушением кумиров, которым служили всю свою жизнь, но серьезных возражений против приведенных Кулишем данных не сделали. Развенчав казачество, он по иному оценил и поэзию своего друга Шевченко. В украинофильских домах портреты Кулиша и Шевченко всегда висели вместе, как двух апостолов "национального возрождения". Теперь один из них называет музу своего покойного друга "полупьяною и распущенною"» [14, с. 182].

Н.И. Костомаров и П.А. Кулиш никогда не использовали термин «украинцы» в этническом смысле. «Украина» употребляется только в первоначальном смысле – пограничье, и локализована в современных Запорожской и Днепропетровской областях (т. е. «Малороссийская Украйна»).

В XIX в. два малороссофила и казакофила – Н.И. Костомаров и П.А. Кулиш, в молодости отдавших дань почитания фальшивой летописи – «Истории Русов» и польскому влиянию, вместе с Н.В. Гоголем являются главными противниками украинского самостийного мифотворчества.

На этом история малороссийского областничества и кончилась, если бы не вмешались три внешние силы. Австро-Венгерское правительство напуганное ростом русского самосознания в Закарпатье и Галиции после революции 1848 г. стало конструировать новую славянскую нацию – сначала называвшуюся рутенской (от Рутения – Россия на латыни), а потом с 1890-х гг. официально узаконивших термин «украинцы». Считалось, что все русские – православные, а рутенцы – католики или униаты. Ни одно из многочисленных диалектических самоназваний русского населения Австро-Венгерской империи не было признано, так называемые русы,

рутены, рутенцы, руснаки, русины слишком напоминало основное национальное понятие – русские. Поэтому был взят синоним современного слова пограничники – украинцы. Способствовало такой точке зрения и польское национально-освободительное движение. Поляки, лишенные государственности, всячески старались возродить независимость и для ослабления Российской империи пустились в авантюру с сознанием новой русской нации, будучи в душе уверенными, что униатов с украинским самосознанием они легко впоследствии ассимилируют.

Третья сила чисто русская – интеллигентское революционное народничество. Эпилептическое желание свергнуть «кровавый» царизм вместе с «вопиющим невежеством российской интеллигенции в украинском вопросе» [14, с. 272] привело к союзу с платными агентами австровенгерской монархии – украинофильскому движению «народовцев» в Галиции. «Российская демократия, автоматически подводившая украинского самостийнического движение под категорию “прогрессивных” явлений, никогда не понимала его реакционного народовского лица» [15, с. 84]. Именно вина русской интеллигенции, а не иностранцев и западных спецслужб привела к сложившейся ситуации. Вслед за Ульяновым мы должны по совести сказать про население современной Украины: «Между тем надо считать просто чудом, что этот народ до сих пор не утратил идеи общерусского единства. Мы ее не только не укрепляли, но в течение целого столетия делали все от себя зависящее, чтобы подорвать ее и выкорчевать в сознании южно-руссов. Мы их отдали на растление всем бесам национализма. Не они вступили на путь сепаратизма, а мы усвоили теорию, по которой они обязательно должны стать народом самобытным, вплоть до государственного отделения»[12, с. 155]. Так же не побоимся и нескольких цитат Ульянова об остановке в период 1917–1947 гг. многострадального малороссийского народа: «За последние 30 лет он подвергся действию всевозможных развращающих сил, пережил короткую, но зверскую петлюровскую украинизацию, пережил тупую, бессмысленную, но страшную по своей длительности большевицкую украинизацию, испытал иезуитское нашептывание галичан, воспользовавшихся большевицкой политикой и пославший на Украину “диячей” в виде учителей, литераторов, научных работников и проч., испытал, наконец, дважды немецкую пропаганду, направленную на отторжение его от России» [12, с. 154–155]. «Чего только не предпринято было в период гитлеровской оккупации для натравливания украинцев на русских. Даже позволено было в центре Киева стрелять в людей, не желавших “розмовлять по вкраински”» [8, с. 165]. «И все же остался прежним “рус-

ским" народом, а после этой войны более "русским", чем когда бы то ни было. Сотни тысяч его, если не миллионы, завезены были в Германию, и эти люди проявили здесь, на чужбине, столь ярко выраженное российское обличье и до такой степени оказались чуждыми сепаратистских тенденций, что только слепец мог не узнать в них наших прежних "малороссов"» [12, с. 155].

Современные российские исследователи М.В. Ражбаева и В.Е. Семенков убедительно показывают, как Ульянов доказывает – под влиянием казакомании эволюционировали взгляды общественности: «сначала запорожское казачество отождествляется со всем украинским народом, а затем борьба украинского казачества за свои сословные привилегии рассматривается как борьба свободолюбивого украинского народа с крепостническим русским государством. Именно так голос украинского сепаратиста начинает звучать в унисон с голосом русского демократа в вопросе государственного устройства России» [4, с. 191].

В 1860–1880 гг. в Киеве действовала новая организация «Громада» – ставшая использовать уже термин Украина, а не Малороссия. Где находится Украина в обществе точно не знали, то ли это часть Малороссии, то ли вся, а еще есть Подолия со своей нацией и т.д. В подобных заблуждениях было виновато само русское правительство, так учебнике географии Арсеньева, по которому учили в школах с 1820–1850 гг., население южнорусских губерний именуется <…> «поляками». «Какие еще нужны доказательства полной беспризорности Малороссии? – восклицает Ульянов – Она, в продолжении всего XIX столетия, отдана была на растление самостийничеству и только чудом сохранила свою общность с Россией» [14, с. 276]. «Громада» была обществом просоциалистическим и крестьянофильским (так называемая «хлопомания»). Ее руководителями были преподаватели местного университета Св. Владимира М.П. Драгоманов, В.Б. Антонович и П.П. Чубинский. Последний из лидеров и написал по образцу польского гимн украинский «Ще не вмерла Украина» = «Еще польска не згинела»). Поляк В.Б. Антонович пропагандировал не запрещенный малороссийский театр. Писали все они на русском языке, вставляя диалектные слова. Ульянов подробно писал только об «украинском Герцене» – социалисте М.П. Драгоманове. Профессор древней истории был сторонником децентрализации Российской империи, поборником прав «человека и гражданина», именно политическая свобода, а не национальная независимость более всего его волновали. «Для Украины в особенности Драгоманов отрицал наличие в ней сепаратизма или каких бы то ни было тенденций к отделению от России. Вся масса народа об этом не помышляет, если же какая-то кучка и питает подоб-

ное намерение, то это до того ничтожное меньшинство, что его и во внимание принимать не приходится» [14, с. 188].

Именно поэтому из-за изначально враждебного иностранного влияния и печатания революционных прокламаций на малороссийских наречиях в стране были приняты знаменитые валуевские циркуляры 1863 и 1876 г. ограничивавшие сферу деятельности малороссийских наречий областью художественной литературы. Намерения Санкт-Петербурга были самые благие: зачем учить в школах неправильному (гакающему, южнорусскому) произношению и не печатать церковную литературу – сказался прецедент с «Хай дуфае Сруль на Пана», воспринятый цензурой как кощунство. Сам М.П. Драгоманов прославился и переводом Аристотеля «Человек – есть общественное (социальное) животное» = «Людина – ист звир громадский».

Инициатором второго циркуляра был Михаил Владимирович Юзефович (1802–1889) – поэт, председатель киевской археографической комиссии, большой патриот своего малороссийского края и любитель народного слова. Парадоксально М.В. Юзефович был одним из основателей «Громады» и участвовал в ее литературной деятельности. Но он, как и многие малороссияне «просто, до смерти боялся революции и расчленения России. Это он – автор ставшего знаменитым выражения “Единая неделимая Россия”, написанного по его предложению на памятнике Богдану Хмельницкому. Нападая с такой злобой на этот лозунг, самостийники, видимо, не подозревают о его украинском происхождении» [13, с. 111; 14, с. 195]. Еще в годы Гражданской войны посвящение сбили. Ульянов пишет: «Юзефович долго полемизировал с друзьями, писал статьи, разоблачал неблаговидные приемы их пропаганды. Благодаря ему обнаружился скандал с переводом «Тараса Бульбы» на украинский язык, где переводчик Лобода позволил себе вставить в текст слова и фразы политического характера, не принадлежащие Гоголю» [13, с. 112]. В наши дни на основании фальсифицированного украинского текста «Тараса Бульбы» режиссера Владимира Бортко «свидомиты» обвиняют в искажении произведения Н.В. Гоголя при экранизации одноименного произведения...

Стоило только М.П. Драгоманову уехать из России, как его забыли. «Казакомания заступила место социализма. Все реже стали говорить о “федерально-демократическом панславизме” и все чаще – спивать про Сагайдачного. Кирилло-мефодиевская фразеология понемногу вышла из употребления. То была расплата за страстное желание видеть в Запорожской Сечи “коммуну”, а в гетманском уряде – образец европейской демократии» [14, с. 200]. Причина во многом была и в кадрах для будущего

украинского движения – это были кадры из недоучившихся семинаристов, пчеловоды, землемеры и т. д., т. е. люди не имевшие даже полноценного среднего образования и подверженные модным радикальным взглядам. Любой человек, окончивший даже не университет, а гимназию или реальное училище начитал говорить и писать на русском литературном языке. Будущие революционеры шли в нечаевщину, народовольцы, черные переделы и т. д., крестьяне не понимали ни баек про забытых гетманов и малопонятного псевдонародного языка.

В австрийской Галиции императорские власти отрицательно отнеслись к социализму М.П. Драгоманова, и дело его полностью окончилось крахом. Недаром даже капитальная статья о нем называлась у Ульянова очень символично – «Один из забытых». После М.П. Драгоманова период областничества (малороссофильского и украинофилького) кончается, начинается стадия национализма без нации, «мовы» без носителей языка.

Байки про украинцев как прямых потомков населения утонувшей Атлантиды сменяются сказками, «что русские представляют собою потомков людей ледникового периода, родственных лопарям, самоедам и вогулам, тогда, как украинцы – представители переднеазийской круглоголовой расы, пришедшей из-за Черного моря и осевшей на местах освобожденных русскими, ушедшими на север вслед за отступающим ледником и мамонтом» [14, с. 5]. Правда, при этом забывают упомянуть, что выдумавший это В. Щербакивский опубликовал свою «Формацію українськой націі» в Праге в 1942 г., т. е. с разрешения оккупационных немецких властей и согласия нацистской цензуры. К этому примыкает бесконечное повторение, без указания источника, и русофобских фантазий XIX в. поляка – эмигранта во Франции графа Фадея Чацкого: «Украина и украинцы произошли у него не от слова “окраина”, “край”, но от какой-то никому, кроме него, не ведомой орды “укров”, пришедшей якобы из-за Волги в VII веке» [14, с. 6; 16, с. 54].

Нельзя безнаказанно издеваться над историей и культурой, а когда это делается в политических целях – это преступно. В XX в. мировой трагедией закончились фарсы, разыгранные Б. Муссолини и А. Гитлером, когда современные буржуа, лавочники и пролетарии задумали, надев тоги древних сенаторов или украсив себя рунами и свастиками древних германцев и ариев, поиграть в «римскую империю» или «третий рейх». «Столь же недостойный фарс разыгрывают самостийники, модернизируя Киевскую Русь, зачисляя князей в запорожцы, изображая св. Владимира с моржовыми усами, с чубом, в широченных шароварах, и объявляя всю древнерусскую украинской культурой» [16, с. 59]. Украинский сепара-

тизм, пишет Ульянов: «Не будучи народен, был антидемократичен по методам, шел не на гребне народной волны, а путем интриг и союза с реакционными иноземными силами. Реакционность – это то, чего никогда не хотела замечать в нем русская прогрессивная интеллигенция. Он постоянно красовался в маске «“национально-освободительного” движения. Сорвать эту маску и показать его истинное “нацистское” лицо – задача современного исследователя». [15, с. 85].

Многие наши современники наивно полагают, что украинские нацисты в обиходе имеющиеся «бендеровцами», по имени лидера одного из их фракций боролись с не русскими и не с Россией, а с коммунизмом и СССР. Ульянов великолепно показывает, что они до бешенства ненавидят наше государство и культуру и именно поэтому «против всякой империалистической России – России большевицкой и царской, России фашистской и демократической, России панрусистской и панславистской, России буржуазной и пролетарской, России верующей и неверующей, России – покровительницы православия, ислама, последователей Моисея, России – защитницы угнетенных и колониальных народов, России мессианской и России – защитницы мирового пролетариата, России Милюкова и России Власова, вообще против России, которая уже сама по себе является синонимом империализма» [8, с. 163].

Все оппоненты творчества Ульянова признают, что читать его работы очень интересно, «но публицист он страстный и пристрастный» [6, с. 3]. С другой стороны как можно относится к таким гениальным утверждениям идеологов самостийности, как доктор Ростислав Ендык, который в книге «Вступ до расовой структуры Украини», заявил что украинцы отличаются от всех народов Европы, тем, что не вступают в межнациональные браки [17, с. 312].

Впрочем, можно только согласиться с другим мыслителем Русского Зарубежья – Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Спорить с украинскими и белорусскими сепаратистами бессмысленно и бесполезно и потому что «у этих милостивых государей нет за душой ничего, кроме бездарности и ненависти» [7, с. 108]. Вести полемику с ними так же нельзя, ибо начинаешь сомневаться в их психическом здоровье. Все твои аргументы даже самые примитивные из истории человечества или Восточной Европы «свидомые» априорно отвергают, ибо «доказывать все это профессиональным самостийникам нет никакого смысла. Они ничего этого не будут слушать не потому, что это было не правдой, а потому, что все это им не выгодно» [7, с. 111].

Наибольшее влияние на взгляды Ульянова оказали его друг и сосед известный историк-евразиец Георгий Владимирович Вернадский и фило-

соф Николай Онуфриевич Лосский. Г.В. Вернадский, в отличие от своего отца известного философа В.И. Вернадского, осознавал себя русским и неоднократно в письмах советовал папе перестать считать себя украинцем. Еще в 1915 г. Г.В. Вернадский написал для исторического журнала «Голос минувшего» С.П. Мельгунова статью «Угорская Русь и ее возрождение в середине XIX века» [1, с. 6–9], направленную против «украинства». Этнографический белорус, а по национальности и культуре русский (по собственной характеристике) Н.О. Лосский даже написал специальную работу против расчленителей русского народа [2; переизд. 3, с. 99–103].

Труды Н.И. Ульянова входят в элиту российской интеллектуальной критики украинского сепаратизма наряду с В.В. Шульгиным, С.Н. Щеголевым, А.М. Волконским, А.В. Стороженко, А.Ю. Геровским, И.И. Лаппо, В.Р. Вавриком, И.Л. Солоневичем, Андреем Диким и др. Во всех своих работах Ульянов убедительно доказывает, что главной чертой украинского самостийного мифотворчества является совершенно беззастенчивая фальсификация – лингвистическая этнографическая, историческая, антропологическая, экономическая и даже филологическая.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вернадский Г. Угорская Русь и ее возрождение в середине XIX века // Голос минувшего. 1915. № 3.
2. Лосский Н.О. Украинский и белорусский сепаратизм // Грани. Франкфурт н/Майне, 1958. № 39.
3. Лосский Н.О. Украинский и белорусский сепаратизм // Север. Петрозаводск, 1992. № 4.
4. Ражбаева М.В., Семенков В.Е. «История Руссов»: идеология казачества и его место в истории Украины и России // Общественные науки и современность. 1998. № 3.
5. Родин С. Отрекаясь от русского имени. М., 2006.
6. С.В. Украинский сепаратизм // Русская мысль. Париж, 1967. 11 февр.
7. Солоневич И.Л. О сепаратных виселицах // Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. М., 2001.
8. Ульянов Н.И. Большевизм и национальный вопрос // Возрождение. 1951. № 13.
9. Ульянов Н.И. История и утопия // Российский демократ. Париж, 1951. № 1 (сб. 20).
10. Ульянов Н.И. История и утопия // Спуск флага. New Haven, 1979.
11. Ульянов Н.И. К национальному вопросу // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1948. № 6.
12. Ульянов Н.И. Об одном учении в национальном вопросе // Возрождение. 1949. № 6.
13. Ульянов Н.И. Один из забытых // Спуск флага. New Haven, 1979.
14. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966.
15. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма // Возрождение. 1965. № 168.
16. Ульянов Н.И. Русь – Малороссия – Украина // Российский демократ. Париж, 1953. № 2 (сб. 23).
17. Ендык Р. Вступ до расовой структуры Украини. Мюнхен, 1949.

TRANSLIT:

1. Vernadskij G. Ugorskaja Rus' i ee vozrozhdenie v seredine XIX veka // Golos minuvshego. 1915. №3.
2. Losskij N.O. Ukrainskij i belorusskij separatizm // Grani. Frankfurt n/Majne, 1958. № 39.
3. Losskij N.O. Ukrainskij i belorusskij separatizm // Sever. Petrozavodsk, 1992. № 4.
4. Razhbaeva M.V., Semenkov V.E. «Istorija Russov»: ideologija kazachestva i ego mesto v istorii Ukrainy i Rossii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1998. №3.

5. Rodin S. Otrekajas' ot russkogo imeni. M., 2006.
6. S.V. Ukrainskij separatizm // Rus. mysl'. Parizh, 1967. 11 fevr.
7. Solonevich I.L. O separatnyh viselicah // Solonevich I.L. Nasha strana. XX vek. M., 2001.
8. Ul'janov N.I. Bol'shevizm i nacional'nyj vopros // Vozrozhdenie. 1951. № 13.
9. Ul'janov N.I. Istorija i utopija // Rossijskij demokrat. Parizh, 1951. № 1 (sb. 20).
10. Ul'janov N.I. Istorija i utopija // Spusk flaga. New Haven, 1979.
11. Ul'janov N.I. K nacional'nomu voprosu // Socialisticheskij vestnik. N'ju-Jork, 1948. № 6.
12. Ul'janov N.I. Ob odnom uchenii v nacional'nom voprose // Vozrozhdenie. 1949. № 6.
13. Ul'janov N.I. Odin iz zabytyh // Spusk flaga. New Haven, 1979.
14. Ul'janov N.I. Proishozhdenie ukrainskogo separatizma. N'ju-Jork, 1966.
15. Ul'janov N.I. Proishozhdenie ukrainskogo separatizma // Vozrozhdenie. 1965. № 168.
16. Ul'janov N.I. Rus' – Malorossija – Ukraina // Rossijskij demokrat. Parizh, 1953. № 2 (sb. 23).
17. Endyk R. Vstup do rasovoj struktury Ukraini. Mjunhen, 1949.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: С.В. Голикова. С.167-179

С.В. ГОЛИКОВА

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук

ГОРНОЗАВОДСКОЙ СУБСТРАТ УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА[G]

Уральский вариант областничества изначально опирался на традицию промышленного развития. На рубеже XIX–XX вв. горнозаводской Урал оставался мощным инструментом, сознательно используемым для решения актуальных задач развития территории. Перспективная сфера регионального развития виделась именно в целенаправленном расширении промышленной геокультуры.
Ключевые слова: горнозаводской Урал, уральское областничество, символическая география, семиотика пространства, геокультурный образ.

S. V.GOLIKOVA

Doctor of Science (History), Leading Researcher
Institute of history and archaeology of the
Ural branch of the Russian academy of sciences

MINING AND METALLURGICAL SUBSTRATE OF THE URALS REGIONALISM

The Urals variant of regionalism was originally based on the tradition of industrial development. At the turn of the XIX–XX centuries mining and metallurgical Urals remained a powerful tool used deliberately to address the urgent challenges of the territory development. Prospective area of regional development was seen in the targeted expansion of industrial geoculture.
Keywords: the mining and metallurgical Urals, Urals regionalism, symbolic geography, space semiotics, geo-cultural image

Институализация уральского областничества была поздней, короткой и пришлась на время, когда регион находился под властью белых. Воодушевленная освобождением от «диктатуры пролетариата» и, не скры-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-11-66002 а(р) «Историко-символическое пространство горнозаводского Урала в формировании геокультурного образа края (XVIII – середина XIX вв.)

вая своей озабоченности будущим, местная интеллигенция выбрала именно этот период для обнародования областнических идей. Непосредственным поводом, вероятно, стало упразднение уже колчаковской администрацией находившегося в г. Екатеринбурге Уральского временного областного правительства. В прощальном воззвании 10 ноября 1918 г. оно заявило, что «принципиально признает возможным создание в будущем общеуральского представительного органа», поскольку «центральная власть, существовавшая в России до революции, в достаточной мере показала неспособность справляться с задачами управления Россией из одного центра. Вопрос о необходимости автономии отдельных областей - не нов и несомненно, что Урал <…> имеет все права на автономию» [6, с. 87, 92].

Уже 17 ноября 1918 г. вышел первый номер журнала «Урал». Этот рупор уральского областничества успел выпустить всего несколько номеров, его дело продолжила газета «Горный край», сумевшая продержаться до февраля 1919 г. Пресса добилась своего – 18 декабря состоялось учредительное собрание организации, которая по началу называлась весьма нейтрально - «Обществом по изучению Урала» и лишь затем стало «Обществом уральских областников». Заявив о себе как о «живом органе государственно-областнического самоопределения Урала», эта организация приступила к «разработке вопроса о государственно-правовом положении Урала как областной единицы» и готовила материалы «к установлению конституции Урала в соответствии с основами федеративного государственного строительства» [10, с. 4; 5, с. 1].

Считать край пространством, соотносимым с другими российскими территориями, но обладающим ярко выраженными особенностями стало уже Уральское временное областное правительство. Оно включало в Урал Пермскую, Вятскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии, «с давних пор» имевших между собой много общего. Наличие в этих административных образованиях горнозаводской промышленности и поземельных отношений на основе посессионного права и создало, по мнению этого правительства, Урал в качестве единого целого [6, с. 89]. Таким образом, появление уральского областничества можно считать результатом, свидетельствующим об освоении географического пространства на уровне концептуализации образа региона. С точки зрения производства знания оно представляло собой подход к описанию края, включавший в свой предмет различные аспекты политической, социальной и экономической географии, касающиеся интерпретации земных пространств.

Областники по сути воспользовались результатами большой работы, проведенной к моменту возникновения этого общественного движения

исследователями и мыслителями об Урале. Такое положение дел признавали и они сами, датируя зарождение подобных настроений реформами 1860-х гг. В первом номере журнала «Урал» прямо заявлялось: «Идея уральского областничества не является идеей текущего дня, а имеет уже более чем полувековую историю» [10, с. 6]. Следовательно, осмысление того «Что есть Урал?» усилилось в пореформенный период, который и начался с дискуссий о путях развития края в ходе Великих реформ. Споры не утихали все пореформенное время, с новой силой возобновляясь в кризисные годы. Зачастую обсуждения инициировались центральными властями, направлявшими в регион своих эмиссаров. В разные годы ими были академик В.П. Безобразов, Д.И. Менделеев, профессор И.Х. Озеров. Их обзоры и подготовленные на основе личных впечатлений рекомендации для правительства о реформировании края, прежде всего его горнозаводской промышленности, как правило, подвергались резкой критике со стороны местной, уральской администрации, представителей разных областей горнозаводского дела, горных инженеров И.П. Котляревского, А.Н. Митинского, Л.Е. Воеводина, С.П. Фармаковского. Агенты центра и поборники местных интересов сходились в одном: обе стороны воспринимали Урал в качестве громадного по территории и сложного организма. Представление о данном пространстве как макрорегионе развивалось и авторами обобщающих работ, посвященных Уралу в целом или входящим в него губерниям, а также в появившихся на рубеже XIX–XX вв. путеводителях по краю.

Таким образом, участие различных заинтересованных лиц в ответе на вопрос о сути Урала и направлениях его развития обусловило появление различных режимов видения уральского региона, а в дальнейшем и их конкуренцию. Эту тенденцию академик В.П. Безобразов уловил уже в 1869 г. и постарался учесть «голос всех разнообразных интересов, связанных с горным хозяйством и с его многоразличными отношениями к краю» [2, с. 4–5]. Споры о динамике и векторах экономических, социальных и культурных изменений уральских территорий (инспирированные в первую очередь наличием здесь горнозаводской промышленности), в ходе которых осуждались предвзятые взгляды столичных властных инстанций и их управленческая политика (оппозиционные же настроения и высказывания, скорее, служили средством привлечения внимания к местным проблемам) стали способом проявления регионального самосознания, формировали особую идентичность и даже вдохновляли на попытки самоопределения. В частности, Л.Е. Воеводин, высмеивая некоего «господина Горняка», предложившего в качестве антикризисной меры обоб-

ществление Урала в виде «коммуны горнозаводчиков», иронизировал: «Нельзя ли пристягнуть к этому еще экстерриториальность, на тот случай, что когда Урал сделается английской областью, так чтоб не встретилось впоследствии поводов к каким-нибудь дипломатическим осложнениям» [4, с. 30].

Роль естественной привязки Урала как географического объекта выполняли горы. Обобщающие труды, а также путеводители по краю подчеркивали меридиональное расположение горной гряды. «Древен Уральский хребет», – отмечал Н.П. Барбот де Марни и продолжал: «…начавшись на снежных окраинах Ледовитого океана, далеко за пределом оседлой человеческой жизни, протянулся он до жарких степей Оренбургского края, занимая пространство до 180000 кв. верст» [1, с. 1]. Однако не одни природно-географические особенности определили пределы Урала. А.П. Иванов предлагал включать в уральскую горнопромышленную область «не только узкую полосу горного хребта, но также прилежащие к нему склоны на восток и запад до пределов распространения главнейших руд и заводов», переходя, таким образом, от физической географии к экономической и обосновывая своё мнение: «Так как главнейшие полезные ископаемые <…> (железные руды, золото, платина, медные руды, уголь, соль) находятся в массовых количествах и на расстоянии более 100 верст по обе стороны от водораздела, а многие чугуноплавильные и железоделательные заводы удалены на расстоянии более 150 верст» [7, с. 1].

Обширное пространство горнозаводского Урала оказалось важным не само по себе, а представляло ценность как источник полезных ископаемых и сырья. Авторы, писавшие об Урале, наперебой подчеркивали, что это – очень богатая различными ресурсами территория. Например, А.Н. Митинский придерживался довольно распространенное мнение о «громадных пространствах Урала, заключающих колоссальные рудные богатства» [8, с.67]. Назвав свою книгу «Урал и его богатства» Н.П. Барбот де Марни начинает ее следующим высказыванием: «Трудно представить себе другой горнопромышленный район, который давал бы такое поразительное разнообразие полезных ископаемых, и в месторождениях, заслуживающих эксплуатации и могущих доставлять материалы для прочного основания того или другого рода горнопромышленности. Почти пять столетий вываривают уже в Пермском крае поваренную соль; 270 лет дает Урал железо, почти столько же времени и медь. Золото, платина, хромистый железняк, ископаемые угли, драгоценные камни уже давно составляют предмет добычи, занимающей видное место в добывающей промышленности России; марганцовые руды, сера, серный колчедан, асбест, ка-

менные строительные материалы, мрамор, торф и т.п. добываются на Урале во многих местах; известны на нем месторождения серебра, свинца, ртути, никеля, кобальта, цинка, графита, янтаря, различных минералов, как драгоценных, так и имеющих лишь научный интерес» [1, с. 1].

Слово «богатство», видимо, пользовалось у специалистов, изучавших край, особой популярностью. А.П. Иванов также употребивший его в названии своего сочинения «Горные богатства и горнопромышленность Пермского Урала», соглашался с Барботом де Марни: «резко бросающаяся в глаза особенность Уральской горнопромышленной области – это большое разнообразие полезных ископаемых», однако дополнял его список: «Горнопромышленная часть Пермской губернии, представляет собой удивительно богатую область использования… вековечных сил природы – лесов, рек, болот (торф)…» [7, с. 55]. И.Х. Озеров распространял это наблюдение на весь край: «…Урал страшно богат: здесь прекрасные руды, …богатые леса <…> Урал богат реками и речками <…> Есть богатейшие залежи торфа. <…> Есть здесь золото, платина, медь» [9, с. 2–3].

Однако на Урале отсутствовала классическая колониальная ситуация, при которой перечисленные виды сырья просто «перекачивались» в центр. Он не был лесосырьевым придатком – большая часть из добытого перерабатывалась на месте. По выражению А.П. Иванова, для региона были характерны «теснейшие связи между рудодобыванием, металлодобыванием и металлообработкой», соединявшие «подземные его богатства с надземными» [7, с. 1, 63]. В разных схемах репрезентации горнозаводского пространства общим было обоснование горнозаводских границ в зависимости от размещения производственных объектов. При этом традиционно наиболее промышленно развитым считался Средний Урал с центром в Екатеринбурге. В.П. Безобразов в 1869 году рискнул оспорить столичный и центральный статус этого города: «Екатеринбург, как местопребывания главного начальника уральских горных заводов, сосредоточивавшего в себе в прежнее время все без изъятия власти на правах генерал-губернатора, потерял значение и уступил его Перми» [2, с. 123]. Согласно его мнению город «едва ли бы мог ныне служить сколько-нибудь значительным центром для частных горнозаводских интересов; в этом отношении в нем замечается даже некоторый упадок, изобличаемый опустелыми прекрасными домами заводчиков и золотопромышленников и отливом крупных капиталистов и капиталов, обращавшихся здесь в прежнее время» [2, с. 126]. Чиновному Екатеринбургу он противопоставлял Нижний Тагил, указывая, что этот населенный пункт составляет «ныне значительнейшее средоточие уральского горно-

заводского мира, как по количеству народонаселения (даже сравнительно с Екатеринбургом) так и по развитию торговли и промышленности, приливу заезжей публики всех званий и, наконец, бойкости жизни…» [2, с. 132]. С точки зрения Безобразова, «столица демидовского царства» символизировала успешное негосударственное устроение горнозаводского края: «…составляющий можно сказать самый видный центр всей частной горной промышленности на Урале, и издавна пользующейся славой своей горнозаводской техники, всегда шедшей здесь впереди всех отечественных успехов в этом деле» [2, с. 133].

Предположение ученого об упадке Екатеринбурга в дальнейшем не подтвердились. Город и Пермская губерния продолжали олицетворять горнозаводской Урал. Кризисные годы начала XX в. лишь усилили это значение. «Центр тяжести Урала и есть Пермская губерния, где сосредоточены почти все “уральские заводы”», – отмечал в 1909 г. А.Н. Митинский. Ряд территорий, по его мнению, не следовало включать в состав региона именно потому, что они не имели горнопромышленных объектов: «К Уралу из нее (Уфимской губернии – *С.Г.*) относится в сущности только Златоустовский уезд и восточная часть Уфимского и Бирского уездов. <…> Оренбургское казачье войско, Тобольский уезд уже в Сибири и Вятская губерния играют гораздо меньшее значение в Урале, как центре горнозаводской промышленности» [8, с. 5, 7].

С ним был согласен Л.Е. Воеводин, считавший, что хотя Урал и состоял из северного, среднего и южного, а также включал в себя Пермскую, Уфимскую и частично Оренбургскую, Вятскую и Вологодскую губернии, однако же славу его железной промышленности «создали исключительно заводы, находящиеся в пределах Пермской губернии и эта часть Урала с ее семьюдесятью действующими заводами, по всей справедливости может быть названа главной» [4, с. 3]. Исключительно Пермский Урал А.П. Иванов сделал основой Уральской горнопромышленной области, указав ее общие координаты: «Началом горнопромышленного Урала, на севере нужно считать сходящиеся истоки р. Вишеры (западн. склон) и реки Лозьвы (вост. склон), тогда восточной границей горнопромышленной области нужно принять восточную границу Верхотурского уезда до Сосьвинского завода, затем условную линию Сосьвинский завод – Камышлов – Челябинск, западная же граница от того же начального пункта пройдет на устье р. Вишеры – Оханск – Красноуфимск и дальше до южной границы губернии» [7, с. 1].

Варианты внутреннего районирования этим не исчерпывались. В.П. Безобразов выделял Южно-Уральский «или так называемый Орен-

бургский горнозаводский край», начинающийся с Симского горного округа: «Этот край, менее исследованный, чем северный Урал обладает, может статься, не меньшими чем северный и, во всяком случае, менее выработанными, минеральными богатствами» [2, с. 254]. Преимущество этих территорий заключалось и в более мягком климате, «благоприятном не только для самого горного хозяйства, но и в особенности для успехов земледелия, и привлекающий народонаселения гораздо более, чем» суровые северные районы. А это в свою очередь способствовало удешевлению рабочих рук. Однако самым выгодным положением, по его мнению, обладал Златоустовский казенный округ. Занимая место «между северным или пермским и южным или оренбургским горнозаводским уральским краем», он пользовался «всеми выгодными условиями» обоих [2, с. 254].

Действительно, в пореформенное время золотодобыча на юге Урала шагнула далеко вперед. Однако она развивалась на северном и даже полярном Урале. В начале XX в. стал очевиден потенциал не только южных, но и северных районов. Д.К. Носилов писал: «Центры тяжести горнозаводской промышленности могут быть в ближайшие же годы отнесены к Северу, и там развитие производительных сил Урала обещает широкие перспективы. Удаленность разведанных севернее Никито-Ивделя золотоносных и платиновых районов его не смущала. Он надеялся, что в скором будущем железные дороги «свяжут крепкими узлами» Урал в единое целое и особо ратовал за включение в состав региона земель у берегов Ледовитого океана: «Выход к морю для будущего Урала представляет одно из основных условий устойчивости всей экономической политики…» [6, с. 96–97].

Проблема обоснованности вычленения территории региона перетекала в вопрос о перспективах его развития. Организованная в 1918 г. областниками комиссия по определению границ Урала признала, что предмет ее деятельности «в целях наибольшего культурно-экономического развития является делом большого государственного значения, поэтому и подходить к этому вопросу нужно с достаточной дальновидностью, с полными основаниями хозяйственно-экономического порядка и логической последовательностью [6, с. 93]. Право на территорию предполагалось отстаивать с помощью всецело связанного и определяемого горнозаводским производством «принципа единства промышленного хозяйства», требующего «объединения всех рудоносных земель и месторождений полезных ископаемых» и лесных территорий «в руках одного распорядителя» и уже в силу этого «исключающего раздробление края между отдельными областями [6, с. 90]. Ввиду достаточно традиционно-

го подхода предложенный областниками вариант мало чем отличался от предыдущих попыток: «…на севере – Новая земля, на юге – Аральское и Каспийское моря, с востока – Обдорск, Березов, Ялуторовск, Курган, Тургай, с запада – Уральск, Елабуга, Глазов, Усть-Сысольск, Усть-Цыльма и р. Индига (порт Ледовитого океана)». Ядром Уральской области остались «четыре губернии целиком, которые всегда объединялись по взаимному тяготению друг к другу» и опять же охватывали «горнозаводскую систему хозяйства Урала в полном объеме и во всех его разветвлениях» [6, с. 95].

Принадлежащие горнозаводскому Уралу территории рассматривались современниками и с позиций геополитики, то есть в качестве плацдармов для освоения Сибири и выходов на азиатские рынки. В.П. Безобразов делал ставку на юго-восточные районы края, имевшие «прямые пути с южного Урала (через Троицк и Оренбург) к среднеазиатским рынкам» [2, с. 254]. Осмысляя векторы развития края, В.Д. Белов в 1896 г. подчеркивал значение сибирского направления: «…цивилизующее значение восточного склона Урала весьма важно для Сибири; это ее преддверие, с которого нужно начинать думать о Сибири, это естественная стадия развития, которую в интересах самой Сибири обходить нельзя…» [3, с. 169]. Жизнь подтвердила правильность его предположений. Управляющий делами синдиката железозаводчиков «Кровля» С.П. Фармаковский в 1909 г. констатировал: «При непосредственном соседстве с Сибирью, в скором и мощном развитии которой сомневаться, конечно, нельзя, – да это развитие уже и началось, – Уралу, очевидно, не придется искать рынков сбыта, как их ищет теперь, например, западноевропейская промышленность; и сибирские рынки будут для Урала очень надолго неиссякаемы, потому что конкуренция в Сибири со стороны других промышленных районов, благодаря их отдаленности, невозможна» [12, с. 5].

Освоение восточных окраин страны к началу XX в. означала для уральских заводов не просто место приложения интересов, оно изменило геополитический статус территории, на которой они находились. Для профессора И.Х. Озерова это стало очевидным уже в 1910 г.: «В настоящее время с развитием переселения в Сибирь, особенно с закрытием порто-франко во Владивостоке, с проведением Сибирской дороги, Урал из окраины превращается в центр России» [9, с. 12]. Выступая с докладом в Императорском Русском техническом обществе, Фармаковский не преминул обрисовать преимущества нового положения края: «Развитие Сибири с одной стороны и Северо-востока с другой – неминуемо сделают то, что промышленный Урал в недалеком будущем будет чувствовать

себя не окраиной России, а ее центром, связывающим обе части России. Это совершенно естественно и иного хода не может быть. При всем том Урал имеет выход и к югу России при посредстве водного пути вплоть до портов Каспийского моря, благодаря чему бассейн Волги, Камы и Каспийского моря будет всегда оставаться для Урала столь же естественным рынком, как Сибирь и вся полоса северо-восточной России» [12, с. 5–6].

Областнический проект впитал в себя эти новые представления и отразил превращение Урала в то, чем он является до сих пор – срединным регионом. Обосновывая идеологию «местного патриотизма», Д.К. Носилов в 1918 г. сумел соединить воедино горнозаводской колорит и геополитическую специфику региона: «Урал слишком оригинален, самобытен, самостоятелен уже по своему только географическому положению <…> Это действительно что-то откованное словно самой природой для самостоятельности, поставленное на рубеже Европы и Азии <…> потому что горнозаводская промышленность никогда не сольется с земледелием и скотоводством, потому что горы Урала никогда не сольются с равниной центральной России и степями Сибири, потому что молот уральского рабочего ничего не имеет общего с сохою пахаря и плетью скотовода» [11, с. 5]. Высказывания этого уроженца Шадринского уезда, ставшего известным исследователем Севера можно воспринимать в качестве манифеста уральского областничества, в котором географический детерминизм сменяется экономико-географическим, а образные, емкие формулировки были порождены горнозаводскими реалиями. Однако автор выстраивает свою систему символов – горы, промышленность, молот рабочего, – противопоставляя их функциональным аналогам в Европейской России и Сибири. Для лучшего понимания уральской специфики ему было важно обратиться к различиям сопредельных территорий. Сопоставляя их с Уралом, Носилов обозначал его место среди российских регионов. В отличие от них своеобразие уральскому региону придавали недра, в которых содержатся полезные ископаемые, горнозаводская промышленность, работающая на сырье, добытом из этих недр, рабочие, занятые в этой промышленности и использующие орудия труда, характерные для горнозаводских предприятий.

Уральский вариант областничества в отличие от других разновидностей этого общественного течения изначально опирался на традицию промышленного развития. В период роста регионального самосознания, зарождения и развития областнических идей местной элите и общественному мнению было вполне очевидно, что «славу» Урала составляет горнозаводское дело. Однако, и Д.К. Носилов намеренно подчеркивал

этот посыл в своем проекте, который комиссия 1918 г. взяла за основу, «принцип определения территории области по принципу горнозаводского уклада являлся частным, а потому недостаточным в смысле исходной точки зрения» [6, с. 93]. «Эти соображения, – рассуждал Носилов далее, – побуждают останавливаться не на той картине, какую представляет Урал в смысле горнозаводской единицы в настоящее время – это несовершенное, неполное сочетание горных районов, а на том, каким хозяйственным организмом Урал должен быть» [6, с. 94]. Подобный подход позволял приступить к разработке нового регионального проекта, который в изменившихся условиях смог бы выполнить конструктивную функцию в формировании региональной интеграции.

Таким образом, к началу XX в. развитие края переросло горнозаводские рамки, хотя они продолжали лежать в основе его жизнедеятельности, а также задавать направление и определять темп его трансформаций. В полную силу работающая горнозаводская промышленность, кроме своей непосредственной функции, обзавелась символическим капиталом и стала выступать также в роли культурного наследия. Эту ее ипостась имел в виду А.Н. Митинский, когда утверждал, что посессионные земли, которые в начале XX века занимали около 2% общей площади Урала, «важны не пространством». Их значение определялось тем, что «посессионерами создана уральская железная промышленность, здесь коренной Урал, наиболее густое население» [8, с. 71]. Наставая на новом видении территориального развития, Носилов одновременно признавал, что промышленность «в применении к Уралу <…> является <…> исключительным центром тяготения всех остальных хозяйственно-экономических звеньев» и именно «металлургическая промышленность влечет к себе все хозяйственные силы» [6, с. 94].

Горнозаводские земли продолжали придавать Уралу как региону определенную специфику и внутреннее единство, оставаясь мощным инструментом, который сознательно использовался для решения актуальных задач по преобразованию края. Попытки иного понимания истории края или непромышленных способов его развития, как правило, если и были, то не воспринимались всерьез. «Горное же дело на Урале <…> кормит целый край», – уверял академика Безобразова поверенный Нижнетагильских заводов А.С. Оленев [2, с. 213]. Слова про «огромный край, зависящий почти всецело от горнопромышленности» в 1909 г.у повторил С.П. Фармаковский [12, с. 46]. Самое большее, что позволяли себе аналитики – это оказать предпочтение определенной отрасли металлургии. А.П. Иванов высказывался о «решающем значении для всей горной про-

мышленности Урала» железоделательного производства, полагая, что «его крупнейшая роль в государственном хозяйстве поглощает остальные отрасли горной промышленности; им определялось значение Урала в прошлом, им же будет оно определяться и в будущем» [7, с. 63].

Перспективная сфера регионального развития виделась именно как целенаправленное содержательное расширение промышленной геокультуры. Н.П. Барбот де Марни в 1910 г. предрекал: «Много богатств уже отдал Уральский хребет человеку, много даст он и в будущем…» [1, с. 1]. А.П. Иванов считал, что для этого необходимо «только общее повышение умственной культуры» его обитателей и тогда край покажет «миру наиболее грандиозный пример высочайшей техники использования естественных сил природы» [7, с. 55]. Профессор И.Х. Озеров также ратовал за то, «чтобы Урал проснулся от своей вековой спячки, стряхнул с себя рутину», но считал, что это произойдет только через радикальную ломку традиционных технологических и содержательных рамок горнозаводского уклада. «России, вероятно, придется присутствовать при вымирании старого Урала, – предрекал он, – но богатство последнего так велико, что на могиле старого вырастет новая жизнь, более сильная, более крепкая, которая в состоянии будет впитать в себя новые тенденции». Однако кардинальные трансформации, по его представлениям, лишь усилят традиционно ориентированную на промышленность экономику края: «На Урале совершается борьба патриархального Урала с напором нового, и патриархальный Урал падает. <…> Этот феодализм уступает место чистому индустриализму», – подчеркивал Озеров [9, с. 19, 23, 236].

Итак, областнический проект шагнул за пределы горнозаводского Урала. Новая пространственная проекция позволила создать потенциально открытый географический образ, в котором горнозаводские районы выполняли роль базиса, ответственного за перспективы дальнейшего развития тяготеющих к нему местностей. Такое позиционирование дало возможность осуществить историко-географическую экспертизу значения и роли горнозаводского Урала в XVIII–XIX вв. Обосновываемая в проекте трактовка этого пространственного феномена позволила более точно по сравнению с существовавшими ранее представлениями раскрыть суть и природу трансформации территорий, на которых с XVIII в. появилось горнодобывающее, металлургическое и металлообрабатывающее производство мануфактурного типа. Анализ же конкретных явлений и процессов, порожденных вариантом регионального строительства, изначально опирающимся на промышленность (а также связанных с

ним), формировал объективные основания для оценки потенциала, заложенного в горнозаводском Урале как в пространственном объекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбот де Марни Е.Н. Урал и его богатства. Екатеринбург: Типография газеты «Уральская жизнь», 1910.
2. Безобразов Б.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Санкт-Петербург: в Типографии В. Безобразова и Комп., 1869.
3. Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб.: Типография Исидора Гольдберга, 1896.
4. Воеводин Л.Е. Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. Пермь: Электро-типография «Труд», 1910.
5. Горный край. 1918. № 4. 3 (20) ноября.
6. Екатеринбург за 200 лет (1723–1923). Екатеринбург: Типография «Гранит» Акционерного общества «Уралкнига», 1923.
7. Иванов А.П. Горные богатства и горнопромышленность Пермского Урала. М.: Городская типография, 1912.
8. Митинский А.Н. Горнозаводской Урал. СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909.
9. Озеров И.Х. Горные завода Урала. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1910.
10. Урал. 1918. № 1. 17 (4) ноября.
11. Урал. 1918. № 7. 24 (11) ноября.
12. Фармаковский С.П. Горнозаводские дела Урала. Доклад, читанный в Императорском Русском техническом обществе 3 марта 1909 г. СПб.: Типо-литография «Якорь», 1909.

TRANSLIT

1. Barbot de Marni E.N. Ural i ego bogatstva. Ekaterinburg: Tipografiya gazety «Ural'skaya zhizn'», 1910.
2. Bezobrazov B.P. Ural'skoe gornoe hozyaistvo i vopros o prodazhe kazennyh gornyh zavodov. Sankt-Peterburg: v Tipografii V. Bezobrazova i Komp., 1869.
3. Belov V.D. Istoricheskii ocherk ural'skih gornyh zavodov. Sankt-Peterburg: Tipografiya Isidora Gol'dberga, 1896.
4. Voevodin L.E. Ural i ego gornozavodskaya promyshlennost' v predelah Permskoi gubernii. Perm': Elektro-tipografiya «Trud», 1910.
5. Gornyi krai. 1918. № 4. 3 (20) noyabrya.
6. Ekaterinburg za 200 let (1723–1923). Ekaterinburg: Tipografiya «Granit» Akcionernogo obshestva «Uralkniga», 1923.
7. Ivanov A.P. Gornye bogatstva i gornopromyshlennost' Permskogo Urala. M.: Gorodskaya tipografiya, 1912.
8. Mitinskii A.N. Gornozavodskoi Ural. Sankt-Peterburg: Tipografiya F. Vaisberga i P. Gershunina, 1909.
9. Ozerov I.H. Gornye zavoda Urala. M.: Tipografiya T-va I.D. Sytina, 1910.
10. Ural. 1918. № 1. 17 (4) noyabrya.
11. Ural. 1918. № 7. 24 (11) noyabrya.
12. Farmakovskii S.P. Gornozavodskie dela Urala. Doklad, chitannyi v Imperatorskom Russkom tehnicheskom obshestve 3 marta 1909 g. Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya «Yakor'», 1909.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: М.В. Братолюбова С.179-188

М.В. БРАТОЛЮБОВА

кандидат исторических наук, доцент,
Южный федеральный университет

КАЗАЧЬЯ ФРАКЦИЯ В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ НАЧАЛА XX В. И ВОПРОСЫ «АВТОНОМИЗМА»

В статье раскрывается позиция казачества в Государственной Думе Российской империи по вопросам «автономизма». Показано, что важной составляющей требований казачьих депутатов в Государственной думе по проблемам местного самоуправления являлась идея автономии казачьих регионов России. Сделан вывод о том, что областническая окраска политических позиций казачьих депутатов была обусловлена спецификой развития и статуса казачьих областей в России в начале XX века.
Ключевые слова: Государственная Дума Российской империи, казачья фракция, автономизм.

M.V. BRATOLYUBOVA

PhD (History), Associate Professor
Southern Federal University

COSSACK FACTION IN THE RUSSIAN STATE DUMA AT THE BEGINNING OF XX CENTURY AND THE ISSUE OF «AUTONOMISM»

The article analyzes the attitude of Cossacks in the Russian Empire State Duma to the issue of «autonomism». The idea of Russian Cossack region's autonomy is considered to be an important claim of Cossack deputies of State Duma concerning the issues of local self-governing. The article concludes that autonomist political views of Cossack deputies were specified with the development and status of Cossack regions in Russia at the beginning of XX century.
Key words: The state Duma of the Russian Empire, Cossack Faction, «autonomism».

Развитие казачьего движения в современной России усиливает интерес к истории казачества, в частности, к его роли в строительстве российской государственности в начале XX века. Исследования последних лет [3–5, 23] позволили приоткрыть малоизученную страницу истории, связанную с активным участием казаков в становлении

российского парламентаризма, когда самодержавие вынуждено было пойти на созыв Государственной думы, обозначив начало движения России к гражданскому обществу.

Важной составляющей требований казачества в Государственной Думе являлась идея автономии. Областнические идеи не были чужды формировавшемуся сознанию казачества. Областничество можно обозначить как тенденцию, «характерную для ряда регионов Российской империи второй половины XIX – начала XX века, связанную с ростом регионального самосознания и недовольством управленческими методами унитарного государства» [15, с. 10]. Представляется важным проанализировать позицию казачества по отстаиванию приоритетов социально-экономического, политического и культурного развития казачьих регионов в Государственной Думе Российской империи.

Всего в Государственную Думу I–IV созывов казачьи регионы делегировали 71 человека (в I Думу – 21 человека, во II – 20, в III – 16, в IV – 14) [2]. Наибольшее количество своих представителей в Думе имело донское казачество – 34 депутата, кубанцев представляли 9 депутатов, оренбуржцев – 7, терское казачество делегировало 5 депутатов, астраханское и уральское – по 4 депутата, забайкальское – 3, Сибирское – 2, Амурское и Уссурийское – 2, Семиреченское – одного депутата-казака.

Казачья фракция российского парламента отличалась от других фракций и групп как по своим целям и задачам, так и по составу. В основу ее создания был положен этно-сословно-территориальный принцип. Именно этно-сословно-региональные проблемы стали тем стержнем, вокруг которого происходило объединение казачества в единое общественно-политическое движение в стенах российского парламента и в стране в целом.

Из-за кратковременности работы I Думы, несогласованности действий депутатов-казаков, разногласий по политическим вопросам, организационно оформленной самостоятельной казачьей фракции в Думе первого созыва не было. Казачья фракция оформилась и начала функционировать в дни работы II Государственной Думы. Вначале она получила название «Общая казачья фракция думской оппозиции», впоследствии оно было сокращено и упрощено до «Думской казачьей фракции» [18, с. 123]. На практике фракция получила общеупотребительное название – «Казачья группа». Она представляла собой фракционную казачью структуру без учета партийной принадлежности. Ее председателем был избран кубанец Ф.А. Щербина [9, с. 32]. Было составлено документальное обоснование создания фракции из четырех тезисов. Суть их состояла в следующем: повысить политическое сознание казачества, упрочить авторитет

каждого казачьего депутата, очистить репутацию казаков, которая пострадала из-за той негативной роли, которую сыграло казачество в освободительном движении; установить прочную связь между казачьими избирателями и простым казачьим народом [17, с. 123–124].

Казачья фракция во II Государственной Думе, просуществовав совсем недолго, распалась из-за наличия групповых интересов, отсутствия единого лидера, отсутствия опыта парламентской работы. В результате распада казачьей фракции часть казаков создала территориальные внепартийные группировки. Так, депутаты-казаки от ОВД образовали совместно с другими депутатами-дончанами свою «Донскую группу» депутатов во главе с В.А. Харламовым [22, с. 523]. По инициативе сибирского депутата-казака И.П. Лаптева была создана внепартийная «Сибирская группа», куда вошли депутаты от Сибири независимо от политических взглядов [13, 22 марта; 14, 29 марта]. Таким образом, не имея возможности объединиться по сословному признаку, часть депутатов предпочла территориальные группировки для отстаивания своих местных интересов.

Восемнадцать депутатов-казаков, избранных в III Думу, предлагали разные варианты создания особой казачьей фракции. Часть депутатов высказалась за образование казачьей фракции, состоящей из казачьих депутатов, то есть казаков, избранных только от казачьей курии. Некоторые казаки высказывали мысль создать очень узкую группу депутатов, состоящую из казаков, являющихся не только казаками по происхождению, но и по званию, т.е. строевых казаков. Другие предлагали образовать более широкую казачью группировку. В результате после бурных дискуссий конституировалась «Группа представителей казачьих областей», которая включала в себя не только казаков, но и других представителей от казачьих областей (так называемых «иногородних») [21, 20 ноября]. Последние не имели права решающего голоса только в вопросах, касающихся исключительно казачьих интересов. Группа состояла из 30 членов, из них 16 были казаками. По политическим убеждениям казачьи представители группы распределились следующим образом: 1 социал-демократ, 5 кадетов, 2 прогрессиста, 3 националиста, 1 правый (партийный состав иногородних – 11 кадетов, 9 прогрессистов, 4 октябриста, 3 правых, 2 социал-демократа, 1 член партии Союза русского народа) [12, 4 декабря]. Председателем группы был избран кубанец К.Л. Бардиж.

Казачья внепартийная группа в IV Государственной думе была официально зарегистрирована и состояла из 15 человек – казаков из основных казачьих регионов. Возглавлял фракцию на этот раз донской казак, депу-

тат всех четырех созывов В.А. Харламов. Партийный состав казачьей группы в IV Думе был более однородным, 6 человек одновременно входили во фракцию прогрессистов, 9 были членами фракции кадетов [6, с. 188]. Таким образом, все члены казачьей группы тяготели к либералам.

Поиск оптимальных форм государственного устройства и соотношения централизации и децентрализации привел казачьих депутатов к выработке программы «Казачьей группы» во II–IV Государственных Думах. Казачьи депутаты предприняли попытку соединить общедемократические и сословные требования, выработав программу, нацеленную на удовлетворение потребностей казачества, главным чаянием которого было введение широкого местного самоуправления.

Важной составляющей требований казачьих депутатов в Государственной думе по проблемам местного самоуправления являлась идея автономии. Депутаты-казаки в Государственной Думе защищали требования автономии казачьих регионов Российской империи. Эта идея подробнейшим образом была сформулирована в программе казачьей фракции Думы второго созыва [18, с. 123–124]. Программа предусматривала восстановление утраченных демократических порядков в казачьих войсках и их автономию. Войсковое управление должно объединять органы местного самоуправления и органы правительственной власти, установленные общероссийским законодательством в соответствии с государственными потребностями. Представителем высшей администрации и судебной власти провозглашался войсковой атаман, избираемый казачьим населением и утверждаемый царем. На основании всеобщего избирательного права должен был выбираться сроком на три года главный орган самоуправления – Войсковой круг, обладающий законодательной инициативой по всем без исключения вопросам казачьей жизни, который назначал бы на определенный срок исполнительный орган – Войсковое правление и должностных лиц [18, с. 123–124]. Ведению Круга подлежали и «общие порядки по казачьему землевладению и землепользованию», а так же все вопросы, связанные с отбыванием воинской повинности. Проект программы закреплял сословную обособленность казачества, органы самоуправления должны были избираться исключительно казачьим населением. Предполагалось возродить даже выборность казачьего духовенства [1, 15 марта], и это несмотря на то, что процент иногородних прихожан даже в станицах был достаточно значителен.

Показательно в этом отношении была позиция одного из лидеров казачьей фракции в Думе, депутата от Области войска Донского,

В.А. Харламова: «Казаку нужно широкое самоуправление как вода – рыбе, как вольный воздух – птице! От бюрократов казаки не получат самоуправление, только Государственная дума может дать желанную свободу в деле устройства своего благополучия» [16, 9 января]; «местное самоуправление, единственно может прийти на помощь казакам» [27, с. 39]. С трибуны Государственной Думы он настаивал на ограничении монополии военного министерства при рассмотрении казачьих дел. В.А. Харламов предлагал вовсе расформировать Главное управление казачьих войск (ГУКВ), передав полномочия решения экономических и культурно-бытовых вопросов органам самоуправления, а военные дела, предоставив главному штабу[27, с. 26, 43].

Таким образом, в программе казачьей фракции во II Государственной Думе возродилась идея Войскового круга, как исключительно казачьего представительного органа для разрешения казачьих дел. Большая часть казаков-депутатов считала необходимым создание в казачьих регионах самоуправляющихся органов двух видов: войскового – для управления казачьим элементом, и общеземского. Войсковой круг должен был иметь первенство перед областным земским собранием, в котором объединялись представители всего населения области, без различия сословий.

В дальнейшем казачьи представители в Думе отошли от столь радикального проекта казачьего самоуправления. В измененном варианте, внесенном в III Думу, атаману делегировались полномочия осуществлять надзор за законностью действий выборных органов власти в казачьих регионах (в частности, за станичной администрацией) [11, с. 5–49]. Предусматривалось также формирование выборных окружных собраний, которым предоставлялось право самостоятельно избирать администрацию округа [7, с. 200–201]. В сопровождающей этот документ «Объяснительной записке» казачьи депутаты пытались преподнести законопроект как предложения по проведению умеренных реформ, призванных улучшить существующую систему административного управления. Они доказывали, что этот законопроект надо воспринимать не как атаку на административное государственное управление, а как попытку достичь соглашения или договоренности по поводу исчезновения элементов казачьего самоуправления в процессе установления прочной власти через войскового атамана, Главного управления и Военного Совета [8, с. 1308]. В «Объяснительной записке» также утверждалось, что предлагаемые выборные войсковые собрания только своим названием отличаются от созданных уже в некоторых губерниях земств. В том месте, где упоминалось о земствах, признавалось, что в отличие от существующих земств,

предполагаемые собрания будут создаваться не на сепаративных выборах определенных сословий. Утверждалось, что система сословных выборов не подходит казакам, которые считали себя равноправными в рамках военного закона[8, с. 1308]. С помощью этих утверждений казачьи депутаты пытались предотвратить критику проекта со стороны консервативного лагеря.

Законопроект казачьей группы в III Думе в целом получил одобрение комиссии по местному самоуправлению. За обсуждением проекта следило командование Главного управления казачьих войск, оно потребовало принятия законопроекта только при условии сохранения полного контроля Военного министерства за военной службой казачества. В ответ на это сторонники законопроекта выдвинули встречное условие о том, чтобы действительная служба казачества оплачивалась из войсковых фондов, а не самими казаками. Военное министерство не могло согласиться ни с этим условием, ни с введением казачьего самоуправления в принципе. Оно в противовес разработало свою программу реформ по вопросам управления казачеством. Представленный законопроект Военного министерства выхолащивал полностью идею земства.

В III Думе этот вопрос не был решен, и хотя с некоторыми редакционными изменениями и поправками проект был внесен на рассмотрение IV Думы, проблема осталась нерешенной. Основной причиной этого была недостаточная поддержка либералов и враждебность консерваторов. Большинство думских депутатов были настроены на расширение местного самоуправления, но это не означало, что они были согласны на предоставление особых привилегий казачеству. Таким образом, предложения казачьей группы по предоставлению казачеству местного самоуправления не имели реального шанса получить одобрения Думы и правительства.

В Государственной думе депутаты-казаки ставили на повестку дня самый злободневный и важный вопрос казачьего населения – проблему политико-правового положения казачества как военного сословия в составе Российской империи. Они добивались либерализации системы милитаристского, военно-бюрократического управления казачьими войсками, доказывали необходимость немедленного введения в казачьих областях широкого местного самоуправления на выборных началах.

Деятельность депутатов-казаков в Государственной Думе, наличие программных документов «Казачьей фракции», на наш взгляд, являются доказательством того, что большая часть казачьих представителей в парламенте разделяли идеи автономии казачьих регионов. Еще одним аргументом в пользу данной точки зрения является участие ряда депутатов-казаков в парламентской группе «автономистов» Думы первого созыва,

которая добивалась децентрализации государственной власти на демократических началах и на принципе широкой автономии областей, установленной законами Российской империи, но на основе «нераздельности и неприкосновенности границ Российского государства как единого целого» [22, с. 496]. Члены этой группы подчеркивали, что «организовываясь на основах представительства областей, а не национальностей, стремятся не к национальной обособленности, а к децентрализации государственного управления [25, 24 мая].

Но для казачьих депутатов, отстаивающих идеи областничества, характерно видение предпочтительного для России варианта реформ в духе буржуазного парламентаризма и отказ от последовательного сепаратизма. Думцы казаки с негодованием отвергали обвинения в политическом сепаратизме, понимая таковой как стремление к отделению части государства от целого. Так, В.А. Харламов подчеркивал: «Мы никогда не изменяли государственному единству России, не протестовали против расчленения России» [26]. Большая часть казачьих парламентариев трактовала идею казачьей автономии лишь как требование экономической независимости и его права на культурное самоопределение. Спеша успокоить своих критиков и ненавистников, казаки-депутаты разъясняли занимаемую ими позицию: «…осуществление начал автономии состоит в представлении национально обособленным местностям права свободного законодательства по вопросам, имеющим местное, а не общегосударственное значение, по вопросам национальной и культурной жизни, по вопросам местного благоустройства и благосостояния местности» [28, л. 1об.].

Тем самым, автономия понималась большей частью казачьих представителей в Думе не как создание сколь-нибудь независимых национальных образований, но лишь как самоуправление отдельных областей в составе единого государства. Члены парламентской группы «автономистов» объясняли всем, желавшим их слушать, что они, «организовываясь на основах представительства областей, а не национальностей, стремятся не к национальной обособленности, а к децентрализации государственного управления» [24, с. 135]. Убеждая общественность в отсутствии у них намерений развалить Российскую империю, казаки-думцы, в первую очередь, либералы заявляли, что автономия отнюдь не является злом для государства; напротив, это, – «новая сила к единению всех народов» [19, 20 марта] в общих имперских границах. Логика их заключалась в том, что автономия, предоставляя отдельным национальностям или населению отдельных областей широкое самоуправление, наделяя их правом решать местные дела по собственной воле (но, в соответствии с закона-

ми России), одновременно стимулировала среди них пророссийские настроения и побуждала теснее сплотиться вокруг имперского центра, под скипетром монарха.

Таким образом, в деятельности казачьих депутатов в Государственной думе Российской империи приоритетное звучание приобрели вопросы политического реформирования казачьих регионов. Предложения казачьей группы по предоставлению казачеству местного самоуправления не имели реального шанса получить одобрения Думы и правительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефин С.Я. «С Дона» // Речь. 1907.
2. Бийович М.М. Члены I Государственной думы. Портреты и биографии. Созыв I–IV. М., 1906–1912.
3. Братолюбова М.В. Депутаты – казаки в государственной Думе Российской империи (I–IV): социологический портрет // Вестник РМИОН. Исторические и социальные аспекты модернизации России в XIX – начале XX вв.: Южный федеральный университет; Издательство Южного федерального университета. 2015.
4. Братолюбова М.В. Идеи децентрализма и казачьей автономии Дона в требованиях либеральных политических организаций Области войска Донского в начале XX в. // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010.
5. Братолюбова М.В. Парламентская деятельность российского казачества в начале XX в. // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Санкт- Петербург. Таврический дворец. 19 октября 2012 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева СПб.: Изд-во «ЭлскСис», 2013. Ч.1. 2013.
6. Государственная дума. IV созыв. I сессия. Справочник. 1913.
7. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. 3 созыва. 2 сессия. СПб., 1909.
8. Государственная дума. Третий созыв. Сессия II. 1908–1909. Стенографический отчет. СПб., 1909.
9. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907. СПб., 1907.
10. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913. СПб., 1913.
11. Ефремов И.Н. Отчет избирателям о деятельности в качестве члена III Государственной Думы. СПб., 1911.
12. Захарьев Н.А. Заметки о Думе и депутатах // Донская жизнь. 1907.
13. Лаптев И.П. Письма казачьего депутата // Степное эхо. 1907; Вестник партии народной свободы. 1907.
14. Лаптев И.П. Письма казачьего депутата // Степное эхо. 1907.
15. Малинов А.В. Философия и идеология областничества. СПб.: Интерсоцис, 2012. 128 с.
16. Новочеркасский курьер. 1907.
17. Петровский А. Правда о думской казачьей фракции (История неудавшегося начинания). Ростов н/Д., 1912.
18. Петровский А.И. Донские депутаты во II Государственной думе. СПб., 1907.
19. Приазовский край 1906.

20. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913. СПб., 1913. № 168.
21. Речь. 1907.
22. Сватиков С.Г. Россия и Дон. 1549–1917. Белград, 1924.
23. Сергеев В.Н. Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906–1917) / В.Н. Сергеев, Д.Ю. Шапсугов. Ростов н/Д., 2003. 511 с.
24. Союз автономистов // Представители Государственной Думы / Под ред. Малаховского. 1906.
25. Союз автономистов. Основные положения программы //Дело народа. 1906.
26. Харламов В.А. «Опыт обоснования казачьей идеи» // Новочеркасский музей истории Донского казачества (НМИДК). КП 18.007.
27. Харламов В.А. Казачий депутат Государственной думы (1905–1917). М., 1995.
28. Центр документации новейшей истории ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 135.

TRANSLIT

1. Arefin S.Ya. «S Dona» // Rech. 1907.
2. Biyovich M.M. Chleny I Gosudarstvennoy dumy. Portrety i biografii. Sozyv I–IV. M., 1906–1912.
3. Bratolyubova M.V. Deputaty – kazaki v gosudarstvennoy Dume Rossiyskoy imperii (I–IV): sotsiologicheskiy portret // Vestnik RMION. Istoricheskie i sotsialnye aspekty modernizatsii Rossii v XIX – nachale XX vv.: Yuzhnyy federalnyy universitet; Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta. 2015.
4. Bratolyubova M.V. Idei detsentralizma i kazachey avtonomii Dona v trebovaniyakh liberalnykh politicheskikh organizatsiy Oblasti voyska Donskogo v nachale KhKh v. // Oblastnicheskaya tendentsiya v russkoy filosofskoy i obshchestvennoy mysli: K 150-letiyu sibirskogo oblastnichestva. SPb.: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2010.
5. Bratolyubova M.V. Parlamentskaya deyatelnost rossiyskogo kazachestva v nachale KhKh v. // Tavricheskie chteniya 2012. Aktualnye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sankt-Peterburg. Tavricheskiy dvorets. 19 oktyabrya 2012 g. Sbornik nauchnykh statey / Pod red. A.B. Nikolaeva Pb.: izd-vo «ElskSis», 2013. Ch.1. 2013.
6. Gosudarstvennaya duma. IV sozyv. I sessiya. Spravochnik. 1913.
7. Gosudarstvennaya Duma. Obzor deyatelnosti komissiy i otdelov. 3 sozyv. 2 sessiya. SPb.,1909.
8. Gosudarstvennaya duma. Tretiy sozyv. Sessiya II. 1908-1909. Stenograficheskiy otchet. SPb., 1909.
9. Gosudarstvennaya duma. Ukazatel k stenograficheskim otchetam. Vtoroy sozyv. 1907. SPb., 1907.
10. Gosudarstvennaya duma. Ukazatel k stenograficheskim otchetam. Chetvertyy sozyv. Sessiya I. 1912–1913. SPb., 1913.
11. Yefremov I.N. Otchet izbiratelyam o deyatelnosti v kachestve chlena III Gosudarstvennoy Dumy. SPb., 1911.
12. Zakharev N.A. Zametki o Dume i deputatakh // Donskaya zhizn. 1907
13. Laptev I.P. Pisma kazachego deputata // Stepnoe ekho. 1907; Vestnik partii narodnoy svobody. 1907
14. Laptev I.P. Pisma kazachego deputata // Stepnoe ekho. 1907.
15. Malinov A. V. Filosofiya i ideologiya oblastnichestva. SPb.: Intersotsis, 2012. 128 s.
16. Novocherkasskiy kurer. 1907.
17. Petrovskiy A. Pravda o dumskoy kazachey fraktsii (Istoriya neudavshegosya nachinaniya). Rostov n/D., 1912.
18. Petrovskiy A.I. Donskie deputaty vo II Gosudarstvennoy dume. SPb., 1907.
19. Priazovskiy kray 1906.

20. Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy dumy. Chetvertyy sozyv. Sessiya I. 1912–1913. SPb., 1913. № 168.
21. Rech. 1907.
22. Svatikov S.G. Rossiya i Don. 1549–1917. Belgrad, 1924.
23. Sergeev V.N. Parlamentskaya deyatelnost deputatov rossiyskogo kazachestva (1906–1917) / V.N. Sergeev, D.Yu. Shapsugov. - Rostov n/D., 2003. 511 s.
24. Soyuz avtonomistov // Predstaviteli Gosudarstvennoy Dumy / Pod red. Malakhovskogo. 1906.
25. Soyuz avtonomistov. Osnovnye polozheniya programmy //Delo naroda. 1906.
26. Kharlamov V.A. «Opyt obosnovaniya kazachey idei» // Novocherkasskiy muzey istorii Donskogo kazachestva (NMIDK) - KP 18.007.
27. Kharlamov V.A. Kazachiy deputat Gosudarstvennoy dumy (1905–1917). M., 1995.
28. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii rostovskoy oblasti (TsDNI RO), f. 12, op. 1, d. 135.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: О.И. Шафранова С.189-196

О.И. ШАФРАНОВА

кандидат исторических наук, доцент
Гуманитарный институт Северо-Кавказского федерального университета

ДОНСКОЙ ИСТОРИК П. П. САХАРОВ И СИБИРСКИЕ ОБЛАСТНИКИ: ОПЫТ КОМПАРАТИВИСТСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья посвящена сравнительному анализу оригинальных концепций региональной истории, предложенных донским историком П.П. Сахаровым и известными представителями сибирского областничества. Автор рассматривает общие и особенные фрагменты в методологических подходах избранных исследователей, а также принципиальные оценки, относящиеся к последовательному определению реального места конкретных регионов в российском историческом процессе. Авторские построения опираются на обширный идейный контекст, представленный предшествующей философской и историографической традицией.
Ключевые слова: историография, областничество, региональная история, колонизация, вольность, окраина, империя

O.I. SHAFRANOVA

PhD (History), Associate Professor
Russian Humanitarian Institute of the North Caucasus Federal University

DON HISTORIAN P.P. SAHAROV AND SIBERIAN REGIONALS: THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF INTELLECTUAL HERITAGE

This article is devoted to the comparative analysis of the original concepts of regional history, offered Don historian P.P. Sakharov and well-known representatives of Siberian regionalism. The author considers the general and specific fragments selected methodological approaches of researchers, as well as the principal estimates related to the definition of real place of specific regions in the Russian historical process. Content based on the construction of a vast ideological context presented by the previous philosophical and historiographical tradition.
Keywords: historiography, regionalism, regional history, colonization, liberty, suburb, Empire

Системное осмысление регионального исторического процесса, начавшееся в отечественной науке в противоречивую эпоху «просвещенного абсолютизма», приобрело значительные масштабы во второй половине XIX столетия. Интеллектуальным двигателем указанного процесса стало сибирское областничество, придавшее дифференцированным исследованиям философские основания и наполнившее сложившееся пространство, связанное с научным изучением отдельных регионов, новыми содержательными сюжетами. Аналогичные исследовательские практики начали почти синхронно складываться и в других районах, среди которых выделяются как этнические анклавы в имперских административных границах, так и исторические области с особым менталитетом. Особое место в данном контексте занимает донская историографическая традиция, представленная в XIX столетии такими самобытными авторами как Е.П. Савельев, В.Д. Сухоруков, Х.И. Попов [12; 13; 20]. Региональным исследователям удалось не только последовательно реконструировать сложную картину социально-экономического, политического и культурного развития Дона в предшествующие периоды, но и выделить особые черты местной жизни, определявшие специфическую роль избранного социума в российском историческом процессе. Важную роль в комплексном становлении донской историографии сыграл и талантливый историк П.П. Сахаров, отдельные элементы творческого наследия которого содержательно близки значимым идеям сибирских областников.

Системный рост исследовательского интереса к региональной истории на Дону и в Сибири определялся общими социокультурными предпосылками, связанными с последовательным формированием особой общественной, политической и интеллектуальной идентичности, конструировавшей ментальные установки локальных сообществ в имперском пространстве. Местные интеллектуалы отчетливо осознавали, что уникальный исторический опыт конкретных регионов имеет самостоятельную ценность, выходящую за рамки официальных представлений о предшествующем развитии российского общества. Более того, соответствующие идеи становились естественным фундаментом политических представлений, предполагавших особую роль региональных социумов в реальной практике государственного строительства и общественной жизни.

Последовательное формирование новых представлений о региональной истории определялось также и идейным комплексом, сформировавшимся в российской интеллектуальной и историописательной традиции XIX столетия. Известная мысль А.И. Герцена о том, что окончательное поражение вольного Новгорода в длительной борьбе с Московским го-

сударством предопределило последующее оформление крепостнической модели общественных отношений и самодержавного деспотизма, способствовала органичному росту исследовательского интереса к территориальным окраинам будущего имперского пространства [2]. Окраинные области нередко рассматривались в качестве своеобразного оплота демократических ценностей и народных свобод, радикально отличающегося от деспотической модели московского самодержавия. Системное развитие соответствующие идеи получили в известных трудах Н.И. Костомарова и А.П. Щапова, рассматривавших многовековое противостояние вольных окраин и самодержавного центра в качестве стержневой лини российского исторического процесса [1; 3; 4; 21; 22].

Творческое наследие донского интеллектуала П.П. Сахарова не было широко известно в рамках профессионального сообщества, что определялось сложным комплексом объективных и субъективных факторов. С одной стороны, в советский период самобытный историк, служивший в Добровольческой армии и пребывавший несколько лет в политической ссылке в конце 1920-х гг., не пользовался особым доверием местных властей [9]. Более того, сохранившееся рукописное наследие свидетельствует о том, что Сахаров далеко не всегда разделял принципиальные идеологические установки, активно внедрявшиеся в историческую науку в сталинский период [9]. В частности, он рассматривал известных поход Ермака как объективный результат синхронного действия сложного комплекса различных факторов политического характера, резко критикуя послевоенных советских исследова-телей, видевших в указанной экспедиции спланированную государственную акцию [7]. С другой стороны, Сахаров не всегда стремился к общественной популяризации собственных идей, что свойственно многим отечественным историкам, работавшим в непростой период общественных трансформаций первой половины XX столетия. Как представляется, подобный подход предопределил длительное отсутствие профессионального интереса к творческому наследию самобытного автора, большая часть которого сосредоточилась в архивном хранилище Ростовского областного музея краеведения [6; 10].

Оригинальные работы донского интеллектуала стали значимым объектом профессиональной исследовательской практики только в постсоветский период, что связано с общим ростом общественного интереса к региональной истории [5; 6; 7; 8; 10]. Значительный вклад в комплексное изучение творческого наследия Сахарова принадлежит известному ростовскому историку Н.А. Мининкову, который не только качественно проанализировал рукописные материалы, находящиеся в архивных храни-

лищах, но и обобщил достигнутые результаты в связанном цикле научных публикаций [5; 6; 7; 8; 10]. В частности, он подготовил и опубликовал единственную монографию, посвященную самобытному донскому исследователю [9]. Н.А. Мининков впервые отметил и очевидное сходство идейного наследия Сахарова с исто-риософскими и методологическими построениями, принадлежащими известным представителями сибирского областничества. По справедливому замечанию ростовского историка, «Сахаров разделял основные положения, содержащиеся в трудах историков народнического направления и сибирских областников. Так, он признавал их идею самостоятельной и определяющей роли народа в историческом процессе. Для него появление казачества на Дону – результат проявления этой роли в эпоху позднего русского средневековья. Он признавал также, что колонизация русских окраин связана со стремлением народа к вольности, а также с трудовым образом жизни, с поисками наиболее благоприятных условий для хозяйственной деятельности, которых он не имел во внутренних уездах России» [9, с. 245].

Системный анализ творческого наследия Сахарова показывает, что можно выделить несколько принципиальных идейных комплексов, связывающих донского интеллектуала и сибирских областников. В первую очередь необходимо указать на колонизационную теорию, получившую широкое распространение в отечественной историографической традиции второй половины XIX – начала XX в. благодаря масштабным трудам С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Сибирские областники и Сахаров рассматривали соответственно Сибирь и Дон как вольные колонии русского народа, сформировавшиеся в результате синхронного действия разнообразных социально-экономических и политических факторов [11; 14; 16; 19; 22; 24]. Главным фактором, несомненно, являлось осознанное стремление наиболее предприимчивых и социально активных индивидов к последовательному избавлению от жесткого патернализма самодержавного режима, административно-идеологическое присутствие которого в окраинных регионах в течение длительного периода имело номинальный характер. В частности, до 1671 г. донские казаки формально согласовывали с московским правительством значимые внешнеполитические акции, а также получали государево жалование в обмен на постоянное участие в обороне южной границы российского государства. Одновременно внутренние вопросы решались без само-державного вмешательства, опираясь на сложившиеся институты народного управления. По справедливому замечанию Н.А. Мининкова, «представление Сахарова о донском народоправстве, ликвидированном, в конечном сче-

те, государственной властью, также имело аналогию в отечественной историографии применительно к другим регионам страны. Это высказывавшаяся А.И. Герценом идея демократической альтернативы московскому самодержавию, наиболее ранним носителем которой до конца XV в. был Новгород, а затем развитие данной идеи А.П. Щаповым и сибирскими областниками на материалах истории Сибири» [9, с. 312].

Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что народная колонизация как органичный способ последовательного заселения Дона и Сибири рассматривались Сахаровым и сибирскими областниками в контексте общего интереса к экономической и социальной истории. Подобный подход позволил отойти от традиционных представлений «государственной школы», согласно которым ключевым элементом отечественного исторического процесса является системное развитие властных структур и политических институтов. Рассматриваемые исследователи отчетливо показали, что общественный прогресс является объективным результатом слаженного действия разнообразных факторов, имеющих дифференцированные хозяйственное и культурное измерения. В частности, Сахаров и сибирские областники справедливо полагали, что длительное заселение и неоднородное экономическое освоение Дона и Сибири было естественным итогом общего развития России, главными катализаторами которого являлись исконное трудолюбие и предпринимательский менталитет широких слоев местного населения. В данном контексте своеобразная теория промыслово-трудового формирования донского казачества, предложенная Сахаровым, имеет принципиальную общность с аналогичными взглядами Н.М. Ядринцева на хозяйственно и демографическое освоение Сибири русскими переселенца-ми [14; 15; 16; 17; 18; 23].

Значимой общей чертой рассматриваемых исследований Сахарова и сибирских областников было постоянное указание на исключительную ценность традиционной вольности для казачьих сообществ Дона и переселенческих общин Сибири. Вольные донские и сибирские социумы противопоставлялись самодержавному центру, который постепенно закрепощал отдельные общественные группы и последовательно усиливал административное, политическое и интеллектуальное давление на окраинные регионы. Относительная независимость периферийной жизни сформировала существенные ментальные особенности казачьих сообществ Дона и переселенческих общин Сибири, генетически восходящих к наиболее предприимчивым слоям российского населения. Донские историки и сибирские областники оценивали последовательное усиление правительственной власти в исследуемых регионах как существенное

ограничение традиционных свобод и политической самостоятельности, осуществляемое укреплявшимся самодержавием. В частности, Сахаров справедливо выделил сложный комплекс исторических событий, определивших постепенное подчинение Дона центральной власти. Начальной точкой стал 1642 г., когда ослабленное войско Донское ушло из Азова [16]. Указанный процесс продолжился после разинского бунта и официальной присяги московскому правительству 1671 г., жесткого подавления Булавинского восстания и административного подчинения войсковых структур Военной коллегии в 1721 г. [17]. Согласно обоснованным представлениям донского историка, указанные процессы определяли системное ухудшение социально-экономического положения рядовых казаков, но не препятствовали целенаправленному расхищению земельного фонда войсковой старшиной [19]. В Сибири аналогичное усиление правительственной власти превращало регион в удобное место политической ссылки, гарантирующей качественную изоляцию социально опасных индивидов. Сибирские областники осуждали ссыльно-переселенческую практику, указывая на то существенное обстоятельство, что она крайне отрицательно сказывается на региональном хозяйственном и культурном развитии, способствуя территориальной инкорпорации худших представителей российского населения [11; 22; 24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов Н.Я. А.П. Щапов. (Жизнь и сочинения). СПб., 1883.
2. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. М., 1956. Т. 7.
3. Кабанов П.И. Общественно-политические и исторические взгляды А.П. Щапова. М., 1954.
4. Маджаров А.С. Афанасий Щапов. Иркутск, 2001.
5. Маркедонов С.М. Неизвестный П.П.Сахаров // Приазовский край. 1999. № 1 от 7 января.
6. Маркедонов С.М. Несостоявшаяся полемика (неопубликованные рукописи П.П.Сахарова как источник по истории донской исторической науки XX в.) // Всероссийская научно-практическая конференция «Казачество в России в XX в.». Материалы и тезисы. Оренбург, 2000.
7. Мининков Н.А. Неизвестная страница историографии похода Ермака: Ростовская рукопись // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Сборник научных трудов. К семидесятипятилетию Николая Николаевича Покровского. Новосибирск, 2005.
8. Мининков Н.А. Неизвестный источник по донской историографии // Ecce Homo. (Памяти Э.Г. Алавердова). 1947–1996. Ростов-на-Дону, 2002.
9. Мининков Н.А. П.П. Сахаров – историк донского казачества // Казачий сборник. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 3.
10. Мининков Н.А. Собрание рукописей П.П. Сахарова в Ростовском областном музее краеведения // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. 3.
11. Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск, 2005.
12. Попов Х.И. Краткий очерк Донского казачества. Новочеркасск, 1907.

13. Савельев Е.П. История Дона и донского казачества. В 4-х частях. Новочеркасск, 1918.
14. Сахаров П.П. Белое рабство на Дону // Донская церковная старина. Новочеркасск, 1911. Вып. 3.
15. Сахаров П.П. К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского царя Ивана Васильевича Грозного // Донские областные ведомости (ДОВ). 1910. № 164, 167, 170, 173, 174, 177, 181, 183, 186, 192, 195, 200, 202, 204, 206, 214, 217, 223, 225; 1911. № 6, 8, 134, 137, 142, 150, 156, 162, 164, 184, 192, 198; 1912. № 59, 62, 66.
16. Сахаров П.П. Материалы по истории колонизации и быта земли донских казаков в XVIII в. // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1910. Вып. 10.
17. Сахаров П.П. Происхождение вольного донского казачества и первые службы донцов России // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1914. Вып. 12.
18. Сахаров П.П. Происхождение донского казачества // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Ростов-на-Дону, 1914. Т. 2.
19. Сахаров П.П. Развитие историографии вольного русского казачества (Критико-библиографический очерк) // Ростовский областной музей краеведения. Рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 1. Дело № 1/15.
20. Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001.
21. Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской исто-риографии 60–70-х годов XIX в. Л., 1971.
22. Щапов А.П. Избранное. Иркутск, 2001.
23. Ядринцев Н.М. Кустарные промыслы в Сибири и значение их // Русская Мысль. 1881. № 10.
24. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Новосибирск, 2003.

TRANSLIT

1. Aristov N.Ja. A.P. Shhapov. (Zhizn' i sochinenija). SPb., 1883.
2. Gercen A.I. O razvitii revoljucionnyh idej v Rossii // Gercen A.I. Sobranie sochinenij v 30 t. M., 1956. T. 7.
3. Kabanov P.I. Obshhestvenno-politicheskie i istoricheskie vzgljady A.P. Shhapova. M., 1954.
4. Madzharov A.S. Afanasij Shhapov. Irkutsk, 2001.
5. Markedonov S.M. Neizvestnyj P.P.Saharov // Priazovskij kraj. 1999. № 1 ot 7 janvarja.
6. Markedonov S.M. Nesostojavshajasja polemika (neopublikovannye rukopisi P.P.Saharova kak istochnik po istorii donskoj istoricheskoj nauki XX v.) // Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Kazachestvo v Rossii v XX v.». Materialy i tezisy. Orenburg, 2000.
7. Mininkov N.A. Neizvestnaja stranica istoriografii pohoda Ermaka: Rostovskaja rukopis' // Obshhestvennaja mysl' i tradicii russkoj duhovnoj kul'tury v istoricheskih i literaturnyh pamjatnikah XVI–XX vv. Sbornik nauchnyh trudov. K semidesjatipjatiletiju Nikolaja Nikolaevicha Pokrovskogo. Novosibirsk, 2005.
8. Mininkov N.A. Neizvestnyj istochnik po donskoj istoriografii // Ecce Homo. (Pamjati Je.G. Alaverdova). 1947–1996. Rostov-na-Donu, 2002.
9. Mininkov N.A. P.P. Saharov – istorik donskogo kazachestva // Kazachij sbornik. Rostov-na-Donu, 2002. Vyp. 3.
10. Mininkov N.A. Sobranie rukopisej P.P. Saharova v Rostovskom oblastnom muzee kraevedenija // Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija. Rostov-na-Donu, 2000. Vyp. 3.
11. Pelih G.I. Istoricheskaja koncepcija G.N. Potanina. Tomsk, 2005.
12. Popov H.I. Kratkij ocherk Donskogo kazachestva. Novocherkassk, 1907.
13. Savel'ev E.P. Istorija Dona i donskogo kazachestva v 4-h chastjah. Novo-cherkassk, 1918.
14. Saharov P.P. Beloe rabstvo na Donu // Donskaja cerkovnaja starina. Novo-cherkassk, 1911. Vyp. 3.

15. Saharov P.P. K voprosu o proishozhdenii donskogo kazachestva i o pervyh podvigah doncov v zashhitu rodiny i very na sluzhbe u pervogo russkogo carja Ivana Vasil'evicha Groznogo // Donskie oblastnye vedomosti (DOV). 1910. № 164, 167, 170, 173, 174, 177, 181, 183, 186, 192, 195, 200, 202, 204, 206, 214, 217, 223, 225; 1911. № 6, 8, 134, 137, 142, 150, 156, 162, 164, 184, 192, 198; 1912. № 59, 62, 66.
16. Saharov P.P. Materialy po istorii kolonizacii i byta zemli donskih kazakov v XVIII v. // Sbornik Oblasti vojska Donskogo statisticheskogo komiteta. Novocherkassk, 1910. Vyp. 10.
17. Saharov P.P. Proishozhdenie vol'nogo donskogo kazachestva i pervye sluzhby doncov Rossii // Sbornik Oblasti vojska Donskogo statisticheskogo komiteta. Novocherkassk, 1914. Vyp. 12.
18. Saharov P.P. Proishozhdenie donskogo kazachestva // Zapiski Rostovskogo-na-Donu obshhestva istorii, drevnostej i prirody. Rostov-na-Donu, 1914. T. 2.
19. Saharov P.P. Razvitie istoriografii vol'nogo russkogo kazachestva (Kritiko-bibliograficheskij ocherk) // Rostovskij oblastnoj muzej kraevedenija. Rukopisnyj otdel. F. 2. Op. 1. Delo № 1/15.
20. Suhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska Donskogo. Ro-stov-na-Donu, 2001.
21. Camutali A.N. Ocherki demokraticheskogo napravlenija v russkoj isto-riografii 60–70-h godov XIX v. L., 1971.
22. Shhapov A.P. Izbrannoe. Irkutsk, 2001.
23. Jadrincev N.M. Kustarnye promysly v Sibiri i znachenie ih. // Russkaja Mysl'. 1881. № 10.
24. Jadrincev N.M. Sibir' kak kolonija. Novosibirsk, 2003.

Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: Н.А. Трапш С.197-205

Н.А. ТРАПШ

кандидат исторических наук, доцент,
Южный федеральный университет

ИДЕИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА НА ИМПЕРСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ОКРАИНАХ: АБХАЗСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА О РОССИЙСКОМ СОЦИКУЛЬТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Представленная статья посвящена комплексной характеристике оригинальных взглядов на российскую и региональную историю, сформировавшихся в индивидуальном мировоззрении абхазских интеллектуалов на рубеже XIX и XX столетий. Согласно авторской концепции предложенные идеи могут быть соотнесены с аналогичными историософскими построениями и прикладными исследованиями, осуществленными известными представителями сибирского областничества. Отдельные идейные конструкции, выявленные на абхазском материале, имеют универсальное значение, распространяющееся и на другие имперские окраины.
Ключевые слова: Абхазия, интеллигенция, империя, этническая окраина, самобытность, автономия, историческая память.

N.A. TRAPSH

PhD (History), Associate Professor
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

THE IDEAS OF REGIONALISM IN THE IMPERIAL ETHNIC SUBURBS: ABKHAZIAN INTELLECTUALS OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY ABOUT THE RUSSIAN SOCIO-CULTURAL AND POLITICAL SPACE

The presented paper is devoted to the complex characteristics of the original views on the Russian and regional history, formed in the individual outlook of the Abkhaz intellectuals at the turn of the XIX and XX centuries. According to the author's conception of the proposed ideas can be correlated with similar historiosophical built and applied research, the implementation of well-known representatives of Siberian regionalism. Identified in the Abkhaz material some ideological structures are of universal significance, strife-over to the larger imperial other suburbs.
Keywords: Abkhazia, intellectuals, empire, ethnic suburbs, identity, autonomy, historical memory

Сибирское областничество сформировалось как закономерная попытка провинциальной интеллигенции осмыслить особую роль собственного

региона в предшествующем и современном социально-экономическом, политическом и культурном развитии России, связанном на протяжении нескольких столетий с активными колонизационными процессами. В интеллектуальном и политическом измерении областническая концепция, безусловно, являлось самым консолидированным проектом, обосновывающим региональную идентичность и противостоящим унифицирующей имперской парадигме. Однако аналогичные подходы к последовательному осмыслению собственного участия в историческом процессе формировались и в других регионах, среди которых особый интерес в данном ракурсе представляют национальные окраины. Принципиальным фундаментом подобных интеллектуальных построений, равно как и сибирского областничества, являлись системное развитие социального и исследовательского интереса к региональной истории, проявившегося еще на рубеже XVIII–XIX столетий и существенно развившегося в пореформенный период, и целенаправленная общественная актуализация конструируемой идеи об особых ментальных приоритетах местного населения.

Локальные историописательные концепции, создававшиеся на имперских окраинах, традиционно включали два принципиальных элемента: комплексное обоснование особого пути предшествующего развития избранного региона и вариативное позиционирование рассматриваемого политико-географического субъекта в общероссийском социокультурном и политическом пространстве. Применительно к первой части, следует заметить, что компаративистский анализ избранной проблематики вызывает серьезные затруднения, обоснованные противоположными подходами к системной оценке региональной истории. В частности, признавая экспансионистский характер масштабного «движения встречь солнцу», ведущие представители сибирского областничества поддерживали принципиальную идею об общем благотворном влиянии вольной русской колонизации для регионального развития. Напротив, формирующаяся интеллигенция национальных окраин, создавая оригинальные исторические концепции, видела в имперской экспансии преимущественно разрушительное начало, причем деструктивные практики государственного управления нередко прямо соотносились с доминирующим этносом, игравшим для Сибири совершенно иную роль.

Благоприятную почву для компаративистских исследовательских практик представляет комплексное осмысление дальнейшего функционирования избранных регионов в едином социокультурном и политическом пространстве. С одной стороны, новые поколения этнической ин-

теллигенции постепенно приходили к осознанному признанию того очевидного обстоятельства, что имперская экспансия не может рассматриваться в исключительно негативном ракурсе. Подобный подход определялся в значительной степени реальными особенностями предшествующего генезиса регионального интеллектуального сообщества, формировавшегося в российском образовательном и культурном пространстве. С другой стороны, сибирское областничество и молодая интеллигенция этнических окраин не ограничивались критическими оценками современной ситуации, рассматривая возможные перспективы самостоятельного развития избранных регионов вне имперского пространства.

В ограниченных рамках предлагаемого исследования, невозможно охарактеризовать интеллектуальные конструкции, создаваемые в каждом окраинном сегменте Российской империи в дифференцированные исторические периоды. Как представляется, достаточно репрезентативный материал для компаративистских изысканий представляют концептуальные построения, созданные формирующейся абхазской этнической интеллигенцией в конце XIX – начале XX в. и близкие по идейным установкам сибирскому областничеству.

В рамках подобного подхода необходимо обратится к системному анализу творческого наследия трех выдающихся интеллектуалов и одновременно общественно-политических деятелей – С.П. Басария, М.И. Тарнава и С.Я. Чачба, которые не только сформировали принципиальные идеи об особом историческом пути Абхазии и естественной автономии избранного региона в российском пространстве, но и приняли непосредственное участие в практической деконструкции имперских властных структур в ходе революционных событий 1917 г. и последующей гражданской войны.

Интеллектуальные построения и политическая деятельность абхазской интеллигенции конца XIX – первой половины XX столетия стали естественным исследовательским объектом в рамках предшествующей историографической традиции, представленной фундаментальными трудами Г.А. Дзидзария, Х.С. Бгажба, С.З. Лакоба и С.Ш. Салакая [9; 10; 11; 13; 14; 15; 17]. Указанным исследователям удалось не только реконструировать личные биографии выдающихся предшественников и социокультурные условия, непосредственно влиявшие на творческую деятельность С.П. Басария, М.И. Тарнава и С.Я. Чанба, но и выделить значимые идеи, сформулированные самобытными мыслителями и имеющие универсальное значение. Особая роль в рамках соответствующей исследовательской практики принадлежит Г.А. Дзидзария, которому пришлось не только тщательно ин-

тегрировать разрозненные архивные материалы и личные воспоминания об абхазских интеллектуалах, но и отстаивать объективную необходимость полноценной публикации творческого наследия опальных политиков и ученых, подвергшихся необоснованным репрессиям в сталинский период.

Следует выделить несколько принципиальных обстоятельств, сближающих интеллектуальные конструкции и реальную деятельность указанных личностей с сибирским областничеством. С.П. Басария и М.И. Тарнава сформировали комплексное представление об исторической самобытности рассматриваемого региона, подтвержденное различными исследовательскими средствами. В частности, они обращали внимание на особый характер общественных и государственных отношений в Абхазии, органично интегрирующих как местные традиции, так и отдельные элементы византийского, османского и российского наследия. По образному замечанию С.П. Басария, «абхазцы о себе не могли говорить, ибо у них не было письменности, не было образованных людей… а между тем это один из древнейших народов Кавказа, выстрадавший в своем историческом прошлом немало и сохранивший каким-то чудом свою индивидуальность» [6, с. 19]. Аналогичные размышления высказывал М.И. Тарнава, видевший в церковной истории Абхазии естественное отражение эволюционного развития абхазского общества. Он полагал, что «многострадальная абхазская церковь, претерпев ужасы на своем терно-вом историческом пути, чудом сохранила свой высоконравственный христианский облик. Пережив век царизма, век насилия над религией, Абхазская церковь это прискорбное, злое, жестокое время политиканства бывшей правительственной церкви использовала в смысле внесения в жизнь церковную многих самобытностей, не противоречащих основам христианского учения» [18, с. 18].

Абхазские интеллектуалы предложили целостный взгляд на объективную роль русского народа в предшествующем развитии абхазской истории, не ограничиваемую исключительным влиянием имперских административных институтов. Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что соответствующие представления претерпели определенную эволюцию, связанную как с системным осмыслением регионального исторического процесса, так и с объективной трансформацией индивидуальных ментальных установок под непосредственным влиянием революционной перестройки общественных отношений в советскую эпоху [1; 2]. Первоначально абхазские ин-теллектуалы обращали преимущественное внимание на негативные послед-ствия имперской экспансии, приведшей к многочисленным человеческим жертвам, системному упадку региональной экономики и трагическому массовому махаджирст-

ву [3; 4; 5; 7; 8; 16; 20]. В частности, С.П. Басария справедливо отмечал, что «опустевшие земли были розданы чиновникам, пришельцам <…> а лучшие горные части превращены в казенные. Однако и этим не кончилось: оставшиеся абхазцы объявляются “виновным населением”, лишаются прав на земли, коронной службы и проектируется план о “поголовном их выселении в отдаленнейшие губернии России”» [6, с. 21].

Он также полагал, что российская администрация искусственно преобразовала исторически сложившуюся систему региональных этнических и политических отношений, насильственно изменяя традиционную идентичность территориальных общин. Согласно эмоциональной характеристике С.П. Басария, «население <…> восточной части Абхазии… народ такой же традиционный, как все абхазы в отстаивании своей боевой старины, был канцелярией царя переименован в “самурзаканское племя”, которое в сущности не существует ни для истории, ни для этнографии, ни для лингвистики <…> зато сколько поводов создалось для наступательного национализма, чтобы создавшееся положение использовать для ускоренного проведения всех видов ассимиляции <…> интриги, доносы заингурских приверженцев русского самодержавия отторгнул свободолюбивую Самурзакань от всей Абхазии <…> и сделали <…> “приставством” державного царя» [8, с. 29].

Абхазский общественный деятель и интеллектуал видел в революционных преобразованиях, осуществлявшихся большевистским правительством, принципиальную возможность для национального возрождения, опирающегося на последовательное восстановление исторических особенностей региональной жизни. С.П. Басария полагал, что «со дня установления советской власти в Абхазии, со дня объявления Абхазии самостоятельной республикой, здесь сразу наступает время анационализма <…> национального индифферентизма… так свойственного природе абхаза» [4, с. 109]. Оптимистичное настроение абхазского мыслителя скоро изменится в результате непосредственного восприятия сталинской политики, предполагавшей последовательную грузинизацию рассматриваемого региона, но он будет видеть в подобной трансформации естественный результат властного произвола, а не консолидированную волю советского народа.

Аналогичную ментальную эволюцию, отраженную в образных художественных формах, продемонстрировал и С.Я. Чанба. В ярком произведении «Дева гор», отражающем поэтическую картину предшествующей абхазской истории, он предложил довольно мрачный образ имперской экспансии и трагического махаджирства.

Но всего грознее туча,
Та, что с Севера нависла
Черной ночью оковала,
Без просвета, без надежды

И спускались с гор абхазы,
Дети пленной Диво-Девы,
И родную землю кинув,
В даль неведомую плыли
[19, с. 31–32].

Похожие мысли выдающийся абхазский поэт и общественный деятель выразил и в прозаической форме, характеризуя экономическую ситуацию в рассматриваемом регионе, сложившуюся после российской инкорпорации. Он справедливо отмечал, что «…богатством Абхазии пользуются не сами хозяева, а посторонние. Вся Абхазия покрылась табачными плантациями, и каждый год из этой благодатной Аркадии вывозится более миллиона пудов табаку; так что посторонние наживаются, а сами абхазцы постепенно беднеют» [16, с. 7]. Однако, новая эпоха в абхазской истории, начавшаяся после революционных событий 1917 г. в России, изменила пессимистические настроения С.Я. Чанба. В короткой этнографической зарисовке «Апхярца» (горская двухструнная скрипка – *Н.Т.*) он характеризует изменившийся взгляд на окружающую действительность, эмоционально заявляя, что «с Севера свет! Не с востока – с севера» [20, с. 170]. Вскоре С.Я. Чанба, также как и других абхазов, будут настойчиво убеждать в том, что солнечный свет всегда исходил только от восточного соседа и «старшего брата», но принципиальный интеллигент не изменит собственным убеждениям.

Избранные абхазские интеллектуалы, как и видные представители сибирского областничества, приняли непосредственное участие в реальных проектах регионального самоопределения, развивавшихся в сложных условиях революционных потрясений и оставшихся в исторической памяти местного населения вне зависимости от итогового результата. В частности, С.П. Басария был избран председателем Абхазского национального совета, недолгая деятельность которого стала своеобразным символом народного стремления к последовательному восстановлению национальной государственности [14].

Он также являлся активным участником синхронной разработки первого проекта абхазской конституции и убежденным сторонником политической интеграции с родственными сообществами Северного Кавказа, отразившейся в известном проекте Горской республики. С.П. Басария и

М.И. Тарнава приняли деятельное участие в последовательном восстановлении самостоятельной церковной организации в Абхазии, рассматривавшейся как важный идеологический фактор национального самоопределения. Указанные проекты не получили системного развития вследствие известной оккупации абхазской территории меньшевистским правительством Грузии, но сыграли важную роль в дальнейшем формировании этнической, общественной и государственной идентичности местного социума.

Видные представители сибирской областнической традиции и абхазские интеллектуалы не только сформулировали близкие концептуальные подходы к региональной истории, но и прошли похожий жизненный путь, оказавшись реальными или мнимыми политическими оппозиционерами и в советский период. Известные областники М.П. Головачев, П.В. Вологодский, И.А. Якушев, И.И. Серебренников, И.К. Окулич активно взаимодействовали с управленческими структурами «верховного правителя» А.В. Колчака и были вынуждены покинуть Россию, продолжив системную разработку автономистских проектов в эмиграционной среде [21]. Разделявшие областнические идеи сибирские литераторы Н. Анов, Н. Феоктистов, И. Ерошин, Е. Забелин, С. Марков и Л. Мартынов, действовавшие в рамках творческих сообществ «Памир» и «Сибирская бригада», подверглись в начале 1930-х гг. уголовному преследованию за антисоветскую агитацию [12]. В данном случае политические репрессии свелись к краткосрочным ссылкам и условным сроками исключительно благодаря краткосрочной «оттепели» 1932 г., связанной с тщательно подготовленным возвращением А.М. Горького и начавшимся созданием единой писательской организации. Личная судьба абхазских интел-лектуалов С.П. Басария, М.И. Тарнава и С.Я. Чанба имела гораздо более трагический итог, предопределенный развернувшимся строительством «новой Абхазии», в которой автохтонному этносу отводилось подчиненное положение. Как и многие представители местной политической элиты и творческой интеллигенции, они были арестованы и расстреляны по ложным обвинениям, отмененным в период массовой реабилитации хрущевской эпохи [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Басария С.П. Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе (К материалам по изучению абхазских племен). Сухум, 1929.
2. Басария С.П. Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
3. Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
4. Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 2003.

5. Басария С.П. Горцы Кавказа в Турции // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
6. Басария С.П. Забытый край // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
7. Басария С.П. Опять в Абхазии // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
8. Басария С.П. Самурзаканцы или мурзаканцы // Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1990. Вып 1.
9. Бгажба Х.С. Предисловие // Чанба С. Избранное. Сухуми, 1960.
10. Дзидзария Г.А. С.П. Басария // Басария С.П. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.
11. Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979.
12. Куняев С.Ю. «Огонь под пеплом (дело «сибирской бригады»)» // Наш современник. 1992. № 7.
13. Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-кале …». Сухум, 2011.
14. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
15. Салакая С.Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX века в Абхазской советской историографии. Сухум, 2009.
16. Самсон Яковлевич Чанба. На пути к сознательности. (Статьи, заметки, 1911–1916 гг.). Составитель Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1982.
17. Симон Басария. Биографический очерк. Статьи. Автор биографическо-го очерка и составитель сборника Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1984.
18. Тарнава М.И. Краткий очерк истории абхазской церкви. Сухум, 1917.
19. Чанба С. Дева гор. На абхазском и русском языке. Перевод с абхазского В. Стражева. Сухум, 1923.
20. Чанба С. Избранное. Сухуми, 1960.
21. Шиловский М.В. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XX веков. Иркутск, 2003.

TRANSLIT

1. Basarija S.P. Abazinskij aul v Malo-Karachaevskom okruge (K materialam po izucheniju abhazskih plemen). Suhum, 1929.
2. Basarija S.P. Abazinskij aul v Malo-Karachaevskom okruge // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
3. Basarija S.P. Abhazija v geograficheskom, jetnograficheskom i jekonomicheskom otnoshenii // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
4. Basarija S.P. Abhazija v geograficheskom, jetnograficheskom i jekonomicheskom otnoshenii. Suhum, 2003.
5. Basarija S.P. Gorcy Kavkaza v Turcii // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
6. Basarija S.P. Zabytyj kraj // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
7. Basarija S.P. Opjat' v Abhazii // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
8. Basarija S.P. Samurzakancy ili murzakancy // Materialy po istorii Abhazii. Suhumi, 1990. Vyp 1.
9. Bgazhba H.S. Predislovie // Chanba S. Izbrannoe. Suhumi, 1960.
10. Dzidzarija G.A. S.P. Basarija // Basarija S.P. Izbrannye sochinenija. Suhumi, 1967.
11. Dzidzarija G.A. Formirovanie dorevoljucionnoj abhazskoj intelligencii. Suhumi, 1979.
12. Kunjaev S.Ju. «Ogon' pod peplom (delo «sibirskoj brigady»)» // Nash sovremennik. 1992. № 7.
13. Lakoba S.Z. «Krylilis' dni v Suhum-kale …». Suhum, 2011.
14. Lakoba S.Z. Ocherki politicheskoj istorii Abhazii. Suhumi, 1990.
15. Salakaja S.Sh. Voprosy istorii Abhazii XIX – nachala XX veka v Abhazskoj sovetskoj istoriografii. Suhum, 2009.

16. Samson Jakovlevich Chanba. Na puti k soznatel'nosti. (Stat'i, zametki, 1911–1916 gg.). Sostavitel' G.A. Dzidzarija. Suhumi, 1982.
17. Simon Basarija. Biograficheskij ocherk. Stat'i. Avtor biograficheskogo ocherka i sostavitel' sbornika G.A. Dzidzarija. Suhumi, 1984.
18. Tarnava M.I. Kratkij ocherk istorii abhazskoj cerkvi. Suhum, 1917.
19. Chanba S. Deva gor. Na abhazskom i russkom jazyke. Perevod s abhazskogo V. Strazheva. Suhum, 1923.
20. Chanba S. Izbrannoe. Suhumi, 1960.
21. Shilovskij M.V. Oblastnichestvo i regionalizm: jevoljucija vzgljadov sibirskogo obshhestva na puti inkorporacii Sibiri v obshherossijskoe prostranstvo // Administrativno-gosudarstvennoe i pravovoe razvitie Sibiri XVII–XX vekov. Irkutsk, 2003.

STUDIA CULTURAE
ТОМ 1, № 27 2016

ББК 87
S 60

Studia Culturae. 1 (27) 2016. Научный журнал по культурологии, эстетике и философии культуры, 2016. — 206 с.

В очередной выпуск журнала вошли научные статьи, посвященные изучению актуальных проблем теории и истории культуры, философии культуры, эстетики и философии искусства, истории и культурологи областничества. Издание предназначено для всех, интересующихся философией, культурой и искусством.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Е.Г. Соколов

МАКЕТ

Т. Балакирева

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ

Е. Соколова

В оформлении обложки использованы работы заслуженного художника РФ С.В. Дыкова.

Подписано в печать 29.02.2016